

ISSN 0132-1366

СЛАВЯНО · ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

4
1999

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

Аксенова Е.П., Горяинов А.Н. (Москва). Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского..... 3

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Новопашин Ю.С. (Москва). Восточноевропейские революции 1989 года: проблемы изучения 16
Валева Е.Л. (Москва). Политические процессы в Болгарии 1944–1948 годов 24

* * *

Зубачевский В.А. (Омск). Геополитические планы Германии, Польши, Советской России в период польско-советской войны 1920 года..... 41
Цымбурский В.Л. (Москва). Праславянское *ostrovъ: к пересмотру этимологии..... 50

СООБЩЕНИЯ

Алексеева Е.В. (Москва). Русские интеллектуалы в научной жизни Белграда (1919–1941 годы) 58
Косик В.И. (Москва). Украинский вопрос и проблема "балканизации" России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: в связи с выходом в свет сборника документов "Чему свидетели мы были" 64
Медведева О.В. (Москва). Деятельность российского консула в Сливене Г.В. Ващенко (1830–1833 годы) 71
Болотина Н.В. (Москва). Балканский кризис и русско-турецкая война 1877–1878 годов в московских "Листках" 77
Стрельцова Я.Р. (Москва). Проблема интеграции российской диаспоры в ближнем зарубежье 81

ПУБЛИКАЦИИ

Досталь М.Ю. (Москва). Письма русских ученых-эмигрантов Н.П. Кондакова и Г.В. Флоровского Иржи Поливке	90
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Кишкин Л.С. П. Савицкий. Дороги	102
Леонидов В. Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. Русская печать в Риге	105
Зенчук В.Н. Славистика	106
Фрейдзон В.И. M. Sestak, M. Teichman, L. Havlikova, L. Hladky, J. Pelikan. Dejiny jihoslovanských zemí	110
Марына В. К. novověkým sociálním dějinám Českých zemí	112
Шведова Н.В. Русский символизм в интерпретации Э. Малиги	113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Смольянинова М.Г. Конференция "А.С. Пушкин и мир славянской культуры. К 200-летию со дня рождения поэта"	116
--	-----

PERSONALIA

Виталий Иванович Злыднев (1919–1999)	123
Новые издания Института Славяноведения РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Адельгейм И.Е., Белова О.В.,
Васильев М.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

© 1999 г. *Е.П. АКСЕНОВА, А.Н. ГОРЯИНОВ*

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1920–1930-х ГОДОВ: ПО ПЕРЕПИСКЕ М.Г. ПОПРУЖЕНКО И А.В. ФЛОРОВСКОГО

О вкладе в славяноведение русских ученых, эмигрировавших в Болгарию и в той или иной степени изучавших западных и южных славян, нам известно еще мало.

Между тем в советских и болгарских архивах о них есть ценные материалы. Значительный интерес представляет, в частности, переписка ученых-эмигрантов со своими родственниками, друзьями и коллегами. Много таких писем сохранилось в архивах тесно связанных между собой общими интересами и даже родственными узами историков-эмигрантов М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского. И жившему в Болгарии Попруженко, и перебравшемуся отсюда в Чехословакию Флоровскому писали как представители русского зарубежья, так и слависты, работавшие в СССР. Часть этих писем уже напечатана (иногда с важными купюрами), другие вряд ли имеет смысл публиковать, однако все имеющиеся в них сведения нуждаются в систематизации и анализе. Попытка проанализировать содержание писем, касающихся русской научной эмиграции в Болгарию, и предпринята ниже.

Михаил Григорьевич Попруженко¹ родился 25 июля 1866 г. в Одессе, после окончания Новороссийского университета (1889) преподавал в Одесском коммерческом училище, а затем – в родном университете, где сменил на кафедре славянской филологии А.А. Кочубинского. Одновременно М.Г. Попруженко с 1896 г. заведовал Одесской городской публичной библиотекой.

К славистическим "штудиям" Попруженко приступил еще на студенческой скамье; его научная и преподавательская деятельность развернулась главным образом в этой сфере. До 1917 г. он занимался также историей России и особенно Новороссийского края, напечатал несколько статей по вопросам педагогики.

Обладая широкой эрудицией в области истории и культуры славян, Попруженко сосредоточил основное внимание на исследованиях по болгаристике. Наибольший вклад он внес в изучение истории богомилства, болгарского Возрождения, кирилло-мефодиевской проблематики. До октября 1917 г. Попруженко неоднократно бывал в Болгарии и печатался в болгарских изданиях. Выехав в 1920 г. из советской России, он сразу же прочно обосновался в Болгарии, заняв вскоре кафедру славянской филологии Софийского университета; в 1923 г. стал членом-корреспондентом Болгарской Академии наук, в 1941 г. был избран ее действительным членом.

В Софии Попруженко написал несколько капитальных работ по славистической

Аксенова Елена Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Горяинов Андрей Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Подробнее о нем см.: [1. Д. 2. Л. 1–4, д. 14; 2. С. 250–257; 3. С. 278; 4; 5. С. 507–509].

проблематике, а также много публицистических статей (в том числе о "славянской взаимности"), историографических очерков о славистах, рецензий, пропагандировал в Болгарии русскую классическую литературу. 30 марта 1944 г. он скончался в результате сердечного приступа².

А.В. Флоровский³ родился 1 декабря 1884 г. в Елисаветграде Херсонской губернии. Дед Флоровского по материнской линии являлся выходцем из запорожского рода Попруженко, и М.Г. Попруженко приходился Антонию Васильевичу родным дядей [6. Д. 459. Л. 160 об.].

В 1908 г. А.В. Флоровский окончил историко-филологический факультет Новороссийского (Одесского) университета, где занимался в семинарах В.М. Истрина, И.А. Линниченко и Е.Н. Щепкина. Был оставлен для подготовки к профессорской деятельности и, защитив в 1916 г. магистерскую диссертацию, начал чтение лекций в университете; читал и в других учебных заведениях Одессы, главным образом курсы по русской истории. Исключением стал лекционный курс по истории народов Балкан – по всей вероятности, это было первое обращение ученого к истории зарубежных славянских народов и их соседей.

В 1922 г. завершился "одесский", по классификации самого Флоровского, период его жизни: он вместе с другими российскими интеллигентами был насильственно выдворен из пределов Отечества в ходе "идеологического наступления" большевиков⁴. Сначала он попал в Константинополь, потом, по совету Попруженко, переехал в Софию, и в конце концов, при содействии Н.П. Кондакова и Г.В. Вернадского, оказался в Праге [6. Д. 171. Л. 1]. Здесь, преодолевая трудности эмигрантской жизни, он продолжил научную и преподавательскую деятельность. Ученый читал лекции в созданных русскими эмигрантами в Праге высших учебных заведениях и Карловом университете, принимал участие в деятельности таких центров эмигрантской науки, как Институт им. Н.П. Кондакова, Русский заграничный исторический архив, Русское историческое общество, в работе Славянского института в Праге, других чехословацких научных организаций и обществ. 3 января 1936 г. на заседании Русской академической группы в Праге ему после публичной защиты диссертации была присуждена докторская степень (о чем Попруженко был извещен посланием за подписями самого Флоровского и его друзей – известных ученых П.Н. Милюкова, В.А. Францева, Н.О. Лосского и др.) [1. Д. 172. Л. 16].

До конца жизни А.В. Флоровский продолжал собирать материалы о прошлом России, особенно об эпохе Петра Великого, следил за развитием русской зарубежной и советской исторической науки. Однако в исследованиях ученого, относящихся к "пражскому" периоду его деятельности, ведущей стала тема русско-чешских связей, которым посвящена двухтомная монография [7] и ряд более мелких работ⁵. Трагическая роль, сыгранная большевистскими властями в его жизни, не оттолкнула Флоровского от советских ученых, с которыми он охотно сотрудничал и к которым неизменно проявлял доброжелательное отношение. В декабре 1946 г. он получил советское гражданство, но продолжал жить и работать в Праге. Там А.В. Флоровский и скончался 27 марта 1968 г. [8. С. 313].

Личные фонды А.В. Флоровского и М.Г. Попруженко в архивах Москвы и Софии по-разному отражают научную деятельность ученых. Среди отложившихся в них документов есть, в частности, ряд интересных писем славистов, живших в СССР. В Софии, в Архиве Болгарской Академии наук [Ф. 61к] хранятся письма Г.А. Ильинского,

² "Вы, вероятно, уже знаете, что 30 III скончался дядя Миша, – писала А.В. Флоровскому его сестра К.В. Флоровская 11 апреля 1944 г. из Софии. – Накануне вечером была сильная бомбардировка Софии (англо-американской авиацией. – Е.А., А.Г.), естественно, разволновавшая его" [6. Д. 459. Л. 238].

³ Подробнее о нем см.: [5. С. 650–653; 8. С. 234–244].

⁴ Младший брат А.В. Флоровского Георгий Васильевич, философ и богослов, эмигрировав в конце 1919 г., в 1920–1921 гг. жил в Софии, с 1921 г. – в Праге, старший брат, Василий Васильевич, врач, остался в Одессе и вскоре умер от туберкулеза. Родители и сестра Клавдия обосновались в Софии.

⁵ Библиографию работ А.В. Флоровского периода эмиграции см.: [8. С. 179–182].

Б.М. Ляпунова, А.М. Селищева, М.Н. Сперанского, В.А. Францева и некоторых других ученых; там, однако, не удалось ознакомиться с письмами А.В. Флоровского М.Г. Попруженко. В противоположность этому, в личном фонде Флоровского в Москве, в Архиве РАН, сохранилось 15 писем ученому от Попруженко и черновик ответа на одно из этих писем: переписка велась с 1922 по 1943 г. Там же хранится ряд писем 1920–1930-х годов других эмигрантов, важных для понимания судеб русских ученых за рубежом вообще и славистов в частности. Славяноведов-эмигрантов частично касается и опубликованная Архивом РАН переписка Флоровского с советским исследователем научного творчества историков-эмигрантов В.Т. Пашуто за 1962–1968 гг. [8. С. 365–370] и некоторые другие имеющиеся в нашем распоряжении эпистолярные материалы Флоровского.

Письма к А.В. Флоровскому и М.Г. Попруженко сообщают много подробностей фактического характера об ученых, эмигрировавших из России или оставшихся на родине, рассказывают об их житье-бытье и настроениях. Показательно в этом отношении письмо Попруженко Флоровскому в Константинополь от 24 сентября 1922 г. В письме сообщается об условиях жизни русских ученых-эмигрантов в Софии и отмечается, что слухи о нетерпимом отношении в Болгарии к русским эмигрантам затруднительно назвать справедливыми. "Другой вопрос, – продолжает далее Попруженко, – возможно ли здесь *скоро и желательно* устроиться. Думаю, что это нелегко в данную минуту, но это не значит, что м[ожет] б[ыть], через самый короткий промежуток времени все это не изменится. В уни[верситет]е, пожалуй, трудно получить кафедру, но возможность не исключается быть прикомандированным в какой-либо библиотеке, как это было, напр[имер], с проф[ессором] В.А. Погореловым... Мне кажется, что, осмотревшись в Софии, ты не теряешь возможности воплотить свои намерения о поездке в настоящую Европу; во всяком случае жить в Софии выгоднее...". Рассуждая о судьбе эмигрантов, Попруженко отмечает, что их положение не может быть прочным и определенным. О себе он пишет в том же плане, подчеркивая при этом, что его "все более и более тянет, болезненно тянет" в Одессу. "Да, физически я здоров, – заключает письмо Попруженко, – но духом уже не тот, нет у меня ни бодрости, ни крепости душевной. Это меня пугает больше всего... Впрочем, будем еще бороться, держаться за жизнь. Больше у нас ничего не остается, если потеряна надежда на Россию, на работу к ее благу" [6. Д. 372. Л. 1–2 об.]

Письмо М.Г. Попруженко интересно прежде всего для уяснения положения русских эмигрантов в Болгарии. Из него видно, во-первых, что даже специалист по Болгарии не считал эту страну "настоящей Европой" и признавал, что там трудно найти свое место серьезному ученому. Во-вторых, Попруженко опроверг мнение о враждебности болгар к русским эмигрантам, которое в 1920-х годах усиленно распространяла советская печать. В-третьих, наконец, в письме подчеркивалась возможность изменения обстановки в Болгарии, что свидетельствует о политической информированности ученого и знании им ситуации в годы, предшествовавшие перевороту 3 июня 1923 г.

Что касается выраженных в письме настроений М.Г. Попруженко, то они прослеживаются и в других его письмах А.В. Флоровскому [6. Д. 372. Л. 4, 7, 11, 11 об.], в том числе в письме от 15 апреля 1925 г., в котором ученый пишет, что "влачит" свою жизнь "в сердечной тоске и физических немоцах" [6. Д. 372. Л. 17 об.]

Настроения М.Г. Попруженко разделялись и другими оказавшимися в Болгарии русскими учеными, многие из которых столкнулись с материальной неустроенностью, иногда доходили до настоящей нищеты и в силу этого не имели возможности заниматься наукой. Долго не мог устроиться в Софии правовед Н.К. Соколов, который в этот период писал Флоровскому, что мечтает открыть филателистический магазин [6. Д. 412, Л. 3 об.]; в одном из болгарских банков вынужден был служить одесский профессор С.Г. Вилинский, жаловавшийся на голодное существование в Софии и на то, что ходил там "в отрепьях" [6. Д. 174. Л. 5 об. – 6]; "мизерное жалованье" в Софийской русской гимназии получал эмигрант из Одессы молодой языковед Ф.Г. Александров [6. Д. 140. Л. 30 об.]: "он в полном отчаянии", – сообщал Фло-

ровскому Вилинский [6. Д. 174. Л. 12 об.]. К материальным затруднениям добавлялись различные склоки в эмигрантской среде. "Надоело здесь. Дрязги, дрязги и гнусность, а дело делаешь маленькое, почти пустое", – жаловался в одном из писем Флоровскому богослов, приват-доцент Софийского университета, бывший протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский [6. Д. 485. Л. 3 об.]. Выражая недовольство раздорами в профессорской среде Болгарии, К.В. Флоровская высказывала мнение, что вообще "есть какой-то непреодолимый фермент разделения во всех русских организациях" [6. Д. 461. Л. 43 об.]. Впрочем, сокрушаясь об отсутствии единства среди эмигрантов, сама Клавдия Васильевна не хотела или не могла преодолеть своих политических антипатий. Сообщая 21 февраля 1923 г. брату о "столкновении личных интересов и амбиций", мешающих начать работу Комитету по делам русских беженцев в Болгарии, она в то же время считала, что продолжавший свою деятельность в эмиграции "Земско-городской союз (комитет)" "плохо рекомендует" связь с лидерами эсеров А.Ф. Керенским и В.М. Черновым [6. Д. 458. Л. 12–13].

Неудивительно, что Г.И. Шавельский писал однажды А.В. Флоровскому после переезда 3 июня 1923 г. в Болгарию: "...для русских... стало гораздо лучше, совсем спокойно. Тем не менее, тяга русских из Болгарии огромная. Бедные бегут потому, что тут трудно найти заработок, богатые удирают, так к[а]к жизнь тут невероятно вздорожала..." [6. Д. 485. Л. 5]. В 1923 г. уехал в Чехословакию Вилинский. Он обосновался в Брно и писал 22 июня Флоровскому, что там "жить все же можно, и даже лучше, чем в Болгарии" [6. Д. 174. Л. 2 об.]. Тогда же в Братиславский университет из Народной библиотеки в Софии перешел В.А. Погорелов; в конце 1920-х годов он защитил в Праге докторскую диссертацию по истории славянских переводов Священного Писания [6. Д. 58. Л. 1–1 об.]. В Чехословакию, а затем в Италию мечтал переехать упомянутый уже выше Федор Григорьевич Александров, но в чешских университетах он устроиться не смог [6. Д. 174. Л. 10 об.], а в Италию его не выпустили болгарские власти, "так как *Тодор Александров* – одноименец знаменитому вождю македонцев, и боялись, что сербы не пропустят его и сделают из этого международный скандал" [6. Д. 458. Л. 44]. В конце концов Александров остался в Болгарии, много работал учителем и в результате вынужден был на долгие годы отказаться от научной деятельности. "Только к концу своей жизни я смог включиться в научную работу при Софийском университете, где я как преподаватель проработал свыше восьми лет" – писал он 2 августа 1961 г. Флоровскому [6. Д. 317. Л. 76], а в письме от 28 октября 1961 г. добавлял, что в результате более чем тридцатилетнего перерыва в научной работе "сильно отстал от современного состояния славянского и русского языкознания" [6. Д. 317. Л. 79]. Покинул Болгарию из-за безработицы и сам Флоровский. Согласно сообщению в письме от 18 декабря 1922 г. П.А. Михайлову, он искал себе в стране научные занятия, но, "изучая архивы русской оккупации Болгарии 1877–79 г. и знакомясь с журналами за период войны и революции... 3 с лиш[ним] мес[яца] провел без всякого дела и заработка... На днях еду в Прагу. Рад!" – писал ученый [6. Д. 62. Л. 1–2 об.].

Цитированное выше письмо Попруженко от 24 сентября 1922 г. содержит указание на то, что Флоровский, желая уехать из Софии, обращался за помощью к академику Кондакову, эмигрировавшему сначала в Болгарию, а затем, как и многие другие русские, уехавшему в Прагу. "Ты писал в Прагу Кондакову, а он решил возвратиться в Софию, – писал Попруженко, – и это решение принимает реальную форму, ибо факультет уже возбудил ходатайство о его назначении" [6. Д. 372. Л. 1–2 об.] (однако Кондаков в Софию так и не вернулся). Другое высказывание о Кондакове содержится в письме Попруженко Флоровскому от 26 февраля 1928 г., где оценивается книга воспоминаний ученого [9], которого Попруженко хорошо знал еще по совместной работе в Новороссийском университете. Попруженко считал, что "это произведение издано совершенно напрасно: оно не служит возвеличению памяти покойного..." и содержит "много странного...". Далее автор письма называет "зловным" выраженное в

книге отношение к профессору Новороссийского университета литературоведу А.И. Кирпичникову и считает, что издателю необходимо было сделать к воспоминаниям Кондакова соответствующие примечания [б. Д. 972. Л. 13–13 об.].

Своими соображениями о недостатках еще одного эмигрантского издания – второго тома второй части капитального труда Л. Нидерле "Славянские древности" [10] в переводе на русский язык [11] Попруженко делится в Флоровском в письме от 30 июля 1924 г.: «Что сделали с переводом на русский язык Нидерле?! – возмущается Попруженко. – Там имеются такие перлы, как "языческий" вм[сто] "языковый"... Имеется многое в этой книге, за что следовало бы ругнуть» [б. Д. 372. Л. 6 об.].

Сознавая недостатки эмигрантских изданий, русский славист тем не менее воздерживался от их критики в научных и популярных журналах, где он в 1920-е годы активно сотрудничал. Это Попруженко объясняет в цитированном письме нежеланием порочить русские зарубежные издания; он откровенно признает, что видит свою задачу лишь в "возглашении" их достоинств.

При такой позиции ученого естественным представляется его положительное отношение к различного рода планам создания информационных материалов об изданиях русского научного зарубежья. Он охотно выполняет просьбу Флоровского, составлявшего обзоры исторической литературы русской эмиграции, о высылке списка своих исторических работ, подготавливает для него справку о научном творчестве историка Э.Д. Гримма, выражает готовность делать "и впредь всякого рода библиогр[афические] справки", собирается поместить в приложении к своей (не появившейся, впрочем, в печати) статье о научном творчестве В.А. Францева составленный Флоровским список трудов этого слависта [б. Д. 372. Л. 26 об.]. Узнав из газет о намерении Русского научного института в Белграде издать библиографию "всего, что написано русскими в эмиграции", вылившуюся впоследствии в публикацию двухтомника "Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом" [12], Попруженко сообщает Флоровскому 17 апреля 1929 г., что "весьма приветствует это намерение" и что с охотой пошлет список всего написанного им за последние годы [б. Д. 372. Л. 16].

Немалая часть писем Попруженко содержит различные подробности, связанные с подготовкой к публикации его научных трудов, и высказывания по научным вопросам. Из них видно, в частности, что ученый придавал наибольшее значение своей работе в области истории. Публикация важного для изучения истории богомилства памятника XIV в. – "Синодика царя Бориса" (новое, переработанное издание посвященного "Синодику" труда 1897–1899 гг. вышло в 1928 г.⁶). Попруженко характеризовал в одном из писем как "работу историческую", поскольку она "заключает в себе издание исторических текстов (с исследованием) и трактует о культурных движениях у зарубежных славян" [б. Д. 372. Л. 12 об.]. 15 апреля 1935 г. он сообщил Флоровскому, что начинает печатать переработку еще одного своего раннего труда – книги "Козьма Пресвитер, болгарский писатель X века"⁷, представляющей собой критическое издание одного из основных источников по истории болгарского богомилства – "Беседы на новоявившуюся ересь Богомилу". Эта книга – "труд многолетний и большой, – вероятно уже последний в моей жизни", – замечал ученый [б. Д. 372. Л. 17 об.]. 6 января 1936 г. Попруженко сообщал племяннику о продолжении работы: "Уже готово 12 листов большого 8° [формата], будет еще столько же. Нужно выпускать в свет, что накопилось, ибо приближаюсь к 70 годам жизни..." – замечал ученый [б. Д. 372. Л. 19]. Осенью 1936 г. Флоровскому был выслан экземпляр монографии о Козьме, по словам Попруженко, – "первый экземпляр в Праге – никто там еще ее не имеет" [б. Д. 372. Л. 20].

Среди первых работ Попруженко была опубликованная в 1889 г. "Заметка об

⁶ О первом издании [13] см. статью [14]. К сожалению, переработанное издание Синодика [15] осталось, видимо, неизвестным автору статьи: в тексте и примечаниях оно даже не упомянуто.

⁷ Первое издание вышло в Одессе в 1907 г., второе – в Софии в 1936 г. Подробнее об этих изданиях Козьмы, осуществленных Попруженко, см.: [14].

языке Новгородской служебной минеи 1095 г." [16]. К исследованию новгородских памятников он вернулся спустя четыре десятилетия в статье "Козьма Пресвитер и новгородские еретики XI в." [17]. Об устойчивом интересе ученого к памятникам древнего Новгорода в связи с вопросом о религиозных движениях свидетельствует его письмо к Флоровскому от 10 апреля 1938 г., в котором формулируется вывод о связи движения новгородских рационалистов с богомилством, причем подчеркивается, что идеи богомилов проникли на Русь не через Западную Европу, а непосредственно из Болгарии. По мнению Попруженко, "возникшее в Новгороде рационалистическое движение, конечно, не может считаться возникшим самостоятельно, без внешних влияний. Однако связать это движение с таборитством... нельзя", поскольку "одновременно с распространением на Запад, в Европу богомилство рано попало и на Русь... Таким образом, новгородцам не было нужды обращаться к западным рационалистам, чтобы взять у них те элементы своего учения, которые легко сопоставляются с богомильским учением" [6. Д. 372. Л. 22–23 об.]. В другом письме Флоровскому отразилась еще одна интересовавшая Попруженку тема межславянских связей древнего периода – "Болгария и Киевская Русь". Статья с таким названием [18] представляла собой, как это видно из письма, текст доклада. В ней освещались проблемы проникновения на Русь христианства, отношения Киевской Руси с болгарями в княжение Владимира Мономаха, западноболгарско-русские культурные связи. Сообщая 6 апреля 1939 г. Флоровскому о предстоящем выходе в свет этой работы, Попруженко отмечает, что наряду с источниками, использованными в старых трудах русских ученых, привлек "целый ряд ст[аро]-болг[арских] памятников русской редакции – с несомненным признаком западноболг[арского] говора, т[о] е[сть] охридск[ого]..." [6. Д. 372. Л. 25 об.].

В письмах Попруженко содержится ряд упоминаний о подготовленных им исторических работах, которые по различным причинам не были опубликованы. Из них видно, что уже к 1925 г. ученый подготовил оставшийся в рукописи очерк истории Болгарии [6. Д. 372. Л. 11 об.], а за год до смерти завершил работу над "очень сложным" трудом – научной публикацией текста Жития Кирилла по двадцати спискам [6. Д. 372. Л. 26 об.]. По-видимому, гораздо меньшее значение, сравнительно с историческими, Попруженко придавал своим филологическим работам. В письмах Флоровскому упоминается лишь "очень большая хрестоматия для студентов" [6. Д. 372. Л. 26 об.] – последняя книга ученого, составленная совместно с выдающимся болгарским славистом академиком С. Романским [19]. В хрестоматии содержатся отрывки из произведений русских писателей, причем Попруженко проявил относительно редкую среди российских эмигрантов широту взглядов, согласившись на включение в книгу отрывков как классиков, так и советских писателей.

В письме племяннику от 17 апреля 1929 г. Попруженко называл себя "старым библиографом" [6. Д. 372. Л. 16], имея, очевидно, в виду свою библиотечную деятельность, публикацию в 1915 г. указателя к "Запискам" Одесского общества истории и древностей [20] и авторство в еще более давних (1892 и 1902 гг.) библиографиях по кирилло-мефодиевскому вопросу [21, 22]. Надо сказать, что в области библиографии, как и в исторических исследованиях, он продолжал избранное в России направление, сосредоточившись на составлении указателей кирилло-мефодиевской литературы. Вернуться к этой теме ученого в значительной мере побудил вышедший в Софии в 1934 г. капитальный труд Г.А. Ильинского, в издании которого Попруженко довелось принять самое активное участие. В 1942 г. появилось продолжение библиографии Г.А. Ильинского, созданное М.Г. Попруженко и С. Романским и учитывавшее литературу по кирилло-мефодиевской проблематике за 1934–1940 гг. [23]. Попруженко после его выхода в свет делился с Флоровским радостью, "что кир[илло]-мефод[иевская] библиография произвела хорошее впечатление... Много над ней пришлось поработать" [6. Д. 372. Л. 26 об.].

В единственном сохранившемся черновике письма Флоровского Попруженко – из оккупированной немцами Праги – сообщается, что составленная Попруженко и

Романским "кирилло-мефодиевская библиография произвела здесь некоторое движение, о ней читал специальный доклад доктор Курц в обществе по славянскому языкознанию..."⁸. Далее Флоровский писал о решении участников заседания расширить замысел Попруженко и Романского посредством издания библиографии "по отделу славянской грамматики... ибо в софийской этот отдел обрабатывается весьма неполно". Он отмечал, что чешские слависты "весьма интересуются научными движениями в Болгарии в области кирилло-мефодиевской проблематики, но при изолированности о них ничего не знают", указывал на нежелательность дублирования болгарскими учеными словаря к "Зографскому Евангелию", уже подготовленного Й. Курцем. В заключение Флоровский писал о составленной Попруженко и Романским хрестоматии, выразив мнение, что она важна не только для болгарских учащихся, но и для "ученого света вообще", в том числе для пражских славистов [6. Д. 78. Л. 1 об.].

Копии и черновики других писем Флоровского по данной теме, отложившиеся в его архиве, относятся к периоду после 1945 г. и так или иначе затрагивают вопрос о дальнейших судьбах эмигрантов "первой волны".

Интересные сведения о русских ученых, работавших в Болгарии, имеются в письмах А.В. Флоровского С.Г. Вилинскому от 28 мая 1949 г. [6. Д. 174. Л. 51 об.] и А.П. Мещерскому от 21 марта 1956 г. [6. Д. 58. Л. 1–2 об.]. В первом Флоровский откликается на сообщение Вилинского от 25 мая 1949 г. о смерти профессора Софийского университета медика И.Ф. Шапшала, отмечая в этой связи, что в Софии "вообще осталось мало наших одесских коллег", упоминая "молодого" Завьялова (по всей вероятности, сына профессора медицины В.В. Завьялова, умершего в 1930 г.), Ф.Г. Александрова и А.С. Мулюкина. На первом месте среди них назван историк П.М. Бицилли (1879–1953). "Бицилли с этого года уже не читает в ун[ив]ерситете, — пишет Флоровский, — но занимается литературой, переводами и пр." [6. Д. 16. Л. 1].

Наиболее развернутые характеристики С.Г. Вилинского и работавшего сначала в Софии, а затем в Братиславе филолога-слависта В.А. Погорелова содержатся во втором письме, представляющем собой ответ на просьбу А.П. Мещерского из Софии от 26 февраля 1956 г. [6. Д. 311. Л. 1–2 об.] сообщить сведения о филологах Н.С. Трубецком, С.Г. Вилинском, В.А. Погорелове. Поскольку славистам России чрезвычайно мало известно о двух последних ученых (о Вилинском нет даже самых кратких сведений в отечественных словарях славистов), приводим эти характеристики целиком.

Спрашивая Флоровского о Вилинском, Мещерский изложил имеющиеся у него сведения: "Из Болгарии он переехал в Братиславу. Приезжал в Софию на V съезд русских ученых. Выступал с 2-мя докладами. Научное его наследство, кажется, очень невелико". В ответ Флоровский писал о С.Г. Вилинском следующее: "Что касается Сергея Григорьевича Вилинского, то он действительно не был слишком активным и продуктивным. Я его знал еще с 1905 г., я был студентом в Одессе, он тогда начинал свою академическую деятельность и как раз в 1906 г. защищал свою магистерскую диссертацию о старце Артемии XVI века [24]. Затем он написал большую книгу, мало удачную, о Житии св[ятого] Василия Нового в славянских литературах, кажется, в 1911 г., это была его докторская диссертация [25]. В 1920 г. он уехал в Болгарию, где оставался до 1923 г., когда получил кафедру договорного профессора в Университете в Брно на Мораве. Здесь он оставался до своей смерти, умер он 15 января 1950 г. в Праге, где живет его сын, тоже писатель⁹. За время брненского пребывания С.Г. Вилинский написал лишь одну более или менее крупную работу — книгу о Салтыкове-Щедрине по-чешски [26]. А затем он много лет посвятил на изучение (так в тексте. —

⁸ Имеется, очевидно, в виду Пражский лингвистический кружок, основанный в 1926 г. и прекративший свою деятельность в начале 1950-х годов.

⁹ Имеется в виду сотрудник некоторых правительственных учреждений Чехословакии Валерий Сергеевич Вилинский (1903–1955), напечатавший ряд работ публицистического характера по истории русской духовной культуры и церковной истории.

Е.А., А.Г.) одного болгарского писателя, Петко Тодорова, и, кажется, успел о нем что-то напечатать [27], но я точно этого еще не знаю. Думаю, что в софийских библиотеках должна была бы быть эта его работа по болгарской литературе. Список его работ за первые годы эмиграции – до 1930 года – имеется в белградских материалах о деятельности русских ученых за рубежом [12], это издание, наверное, есть у Вас в Софии. К сожалению, второй том этого издания, отпечатанный в Белграде перед самой последней войною, погиб при погроме Белграда, и его экземпляры – большая редкость, в Праге его нет" [6. Д. 58. Л. 1–2 об.].

Еще более скудными сведениями, чем о Вилинском, располагал Мещерский о Погорелове. Он знал только, что Погорелов работал в Софии в Народной библиотеке (1920–1923), а затем в Братиславе, опубликовал "уникальный и по сей день труд – опись болг[арских] инкунабул" и две статьи, в России был профессором Донского университета. "В Софии не осталось никаких следов о нем" – отмечал Мещерский [6. Д. 311. Л. 1–2 об.]. В письме от 26 марта 1956 г. Флоровский сообщает, что "В.А. Погорелов начал свою деятельность в Москве в синодальной типографии, где участвовал в описании рукописных и книжных собраний этого учреждения, а затем защитил маг[истерскую] диссертацию за книгу о Чудовской (?) псалтири или что-то подобное. Из Болгарии он переехал в Братиславу, где пробыл до 1945 г., когда уехал в Австрию или в Баварию, дальнейшая судьба его мне неизвестна, но, кажется, он где-то на Западе и умер – он был бы теперь далеко за 80 лет. Погорелов писал довольно много, последнее время – главным образом по истории славянских переводов Священного Писания в Кирилло-Мефодиевскую эпоху... Работы Погорелова по истории переводов Св[ященного] Писания были представлены и защищены как его докторская диссертация в Праге в 1929, кажется, году – я был председателем комиссии по защите, но точно у меня записей и дат нету. Печатал ли Погорелов что-либо позже – не знаю. Вот последняя по времени справка, которую нашел: *Studi byzantini e neocelenici, vol. V = Atti del V Congresso di studi byzantini (Roma, 1936)*, напечатана статья Погорелова: *Importance de le form des mots grecs dans la traduction Cyrillo-Methodienne. Roma, 1939, 534–540*. Это как бы синтез всех его частных исследований по этому вопросу. Писал ли он что-либо вне Чехославакии в 1945 и сл[едующих] гг. не знаю" [6. Д. 58. Л. 1–2 об.].

Различные проблемы, связанные с положением русской эмигрантской науки в Болгарии, затрагивались не только в письмах Попруженко и Флоровского, но и в ряде писем к ним третьих лиц, причем большая часть этих писем трактует вопросы научной жизни русской эмиграции. Кроме письма работавшего в Болгарии историка церкви Н.Н. Глубоковского Попруженко с краткой фактической справкой о начальных шагах православия [1. Д. 162. Л. 1], собственно научные вопросы освещаются лишь в письме В.А. Францева от 23 мая 1931 г. ему же [2. С. 341]. Письмо это очень высоко оценивает первый том изданного Попруженко сборника исторических документов из архива филолога-просветителя Найдена Герова [28]. Францев и Попруженко обменивались и письмами, связанными с различными научными услугами, которые они оказывали друг другу. Речь в них идет о проверке корректур, поисках литературы, высылке отписок [2. С. 341]. В одном из таких писем (от 12 ноября 1939 г.) Францев, сообщая об отсутствии в Праге портрета М.Н. Сперанского, который, видимо, ученый из Болгарии хотел поместить при написанном им некрологе [29], предлагает, пользуясь наметившимся улучшением состояния советско-болгарских отношений, обратиться за портретом в Москву. "Не откликнется ли она?" – с надеждой пишет В.А. Францев [1. Д. 61. Л. 13].

Несколько писем ученых, в том числе работавших в Болгарии, затрагивали различные вопросы, связанные с их участием в научных съездах. В письме от 29 декабря 1928 г. Францев, отвечая, видимо, на письмо Попруженко о невозможности для него участвовать в I Международном съезде славистов в Праге, убежал своего адресата все же приехать на съезд [2. С. 339]. 3 апреля 1931 г. В.А. Мякотин, занимавшийся подготовкой к печати исторического раздела "Трудов" V съезда русских академических

организаций за границей, писал Флоровскому, что вопрос об издании материалов съезда решен, и просил его сообщить о согласии участвовать в сборнике, а затем прислать тексты или тезисы прочитанных им на съезде докладов [6. Д. 328. Л. 4]. В письме от 18 апреля 1934 г. Францев сообщает Попруженко, что получил приглашение в Софию на III Международный конгресс византинистов. «Но я ведь ничего о Византии не знаю. Разве собраться просто "в гости" в Болгарию?» – пишет ученый [2. С. 342]. Заключают эту группу писем послания Францева Попруженко от 6 апреля и 12 ноября 1939 г. [1. Д. 61. Л. 13, 14], в которых выражалось намерение поехать на съезд славистов, намечавшийся в Белграде, и сообщалось о получении программ съезда. "Но впереди еще так много дней!" – с пессимизмом писал в апреле славист из Праги. К сожалению, опасения Францева оправдались – съезд, как известно, не состоялся.

Значительная часть писем ученых-эмигрантов, адресованная Флоровскому и Попруженко, содержит сведения о деятельности русских профессоров в Софийском университете. О предстоящем открытии богословского факультета и приезде из Белграда для работы там Н.Н. Глубоковского писал А.В. Флоровскому в 1923 г. Г.И. Шавельский [6. Д. 485. Л. 5]. 4 сентября 1923 г. К.В. Флоровская сообщила брату об избрании П.М. Бицилли профессором истории [6. Д. 458. Л. 33], а 23 апреля следующего года писала, что Бицилли «развивает деятельность – читал в Универс[итетском] историч[еском] общ[естве] доклад о "Христианстве и гнозисе", заинтересовавший публику». [6. Д. 458. Л. 43 об.]. 7 и 24 октября 1938 г. датированы письма Францева Попруженко о профессоре всеобщей литературы И.П. Созоновиче, биография которого интересовала Попруженко в связи с подготовкой "юбилейного издания Софийского университета" [1. Д. 61. Л. 12, 8]. По просьбе Попруженко Францев запросил данные о Созоновиче у его дочери и затем прислал их в Софию. В архиве Попруженко сохранилась и биография Созоновича (1851–1923), ученика В.Г. Васильевского и О.Ф. Миллера, читавшего до 1905 г. в Варшавском университете курсы французской, немецкой и итальянской литератур, византийской и новогреческой народной поэзии, русской народной словесности, а затем занявшегося политической деятельностью в качестве депутата II и секретаря III Государственной думы. Эмигрировав, Созонович работал сначала в Софийском университете, а затем в Праге. В биографии Созонович характеризуется как "человек непреклонных убеждений, монархист и государственный", но "чуждый крайностей" [1. Д. 61. Л. 19–20].

7–8 декабря 1938 г. в печати появились сообщения о присвоении М.Г. Попруженко в связи с пятидесятилетием его научной деятельности степени почетного доктора Софийского университета. Сам Попруженко лишь кратко отмечает это событие в письме Флоровскому от 30 декабря 1938 г., более подробно останавливаясь на печальных последствиях для Историко-филологического факультета кончины профессора русской истории В.А. Мякотина (1867–1937), которая "послужила сигналом к немедленному уничтожению соответствующего пункта в университетском бюджете" [6. Д. 372. Л. 24]. Однако неординарность юбилейного акта в отношении представителя русской эмиграции хорошо подметил А.Л. Бем. Прочитав сообщение в газете "Славянски вести" [30], он писал в поздравительной открытке: "В наше время признание заслуг русского ученого, за которым ничего не стоит, кроме его научной деятельности, явление столь редкое, что невольно хочется на него откликнуться" [1. Д. 158. Л. 1]. Из другого письма Бема [1. Д. 158. Л. 2] видно, что ученицей Попруженко в университете была дочь С. Романского Цветана (1914–1969), впоследствии также профессор Софийского университета; ее славистические исследования отличались широтой тематики.

Наряду с государственным (Державным) Софийским университетом в столице Болгарии с 1920 г. работал Ближневосточный институт, преобразованный затем в Свободный университет. Некоторые сведения о нем сообщает в письме А.В. Флоровскому К.В. Флоровская. 17 сентября 1938 г. она пишет, что существование Свободного университета, который "конкурирует с Державным, выдавая дипломы, рав-

ные дипломам юридического факультета и признанные государством", "находится под вопросом" [6. Д. 459. Л. 76].

В 1927 г. русские эмигрантские организации создали в Софии Русский народный университет. Это было общеобразовательное учреждение, не выдававшее своим слушателям дипломов и не дававшее никаких формальных прав. В университете читались главным образом платные лекции, причем в качестве лекторов нередко приглашались русские ученые, проживавшие в других странах. В середине ноября 1927 г. в Софию из Чехословакии приехал один из зачинателей евразийства П.Н. Савицкий. 13 ноября он прочел в Русском народном университете лекцию "Русская история в понимании евразийцев". Впечатления от лекции изложила К.В. Флоровская в письме брату от 27 ноября, отметив, что лекция "большинство не удовлетворила" [6. Д. 458. Л. 109].

В фондах Попруженко и Флоровского сохранились письма Францева и ряда других ученых с различными сведениями о них самих и их коллегах-эмигрантах, находившихся за пределами Болгарии, а также о научных учреждениях, где они работали. Некоторые из этих писем дают дополнительные сведения о жизни Попруженко и его эмигрантских связях. В письме от 26 сентября 1926 г. Глубоковский отмечал, в частности, что часто вспоминает Попруженко вместе с бывшим ректором Новороссийского (Одесского) университета, профессором церковной истории в Белграде А.П. Доброклонским (1856–1937), у которого находился на отдыхе в Югославии, и в то же время спрашивал о точной дате смерти в России А.И. Соболевского [1. Д. 162. Л. 2]. В письме без даты он же запрашивал известные Попруженко сведения о преподавателях Одесского университета М. Мендесе и С.В. Притыцком (после эмиграции – профессор в Суботице, Югославия), а также о жившем в Софии А.С. Мулюкине (в Болгарии он работал в страховом обществе) [1. Д. 162. Л. 3].

Большинство писем Францева из архива Попруженко имеет личный характер и свидетельствует о теплых, дружеских отношениях между двумя славистами: Францев пишет Попруженко о своем самочувствии и настроении, планах летнего отдыха и т.д.

Особое место в переписке Попруженко занимают письма из России. Они свидетельствуют, что ученый в меру имевшихся возможностей поддерживал научные связи со славистами, оставшимися на родине, и сумел немало сделать для публикации результатов их научных изысканий. Со своей стороны, ученые России помогали Попруженко в работе над монографиями и статьями, копируя необходимые тексты и наводя различного рода справки. В письмах из России сообщались также подробности быта научных работников, откровенно рассказывалось о тяжелом положении славистики, упадке научного книгоиздания, прекращении подготовки специалистов по славянской филологии.

Первые письма от коллег из России Попруженко получил в апреле 1922 г. [2. С. 333, 334]. Автором их был глава русского византиноведения академик Ф.И. Успенский. Из писем видно, что Попруженко интересовался перспективами своего сотрудничества в советских изданиях. Успенский оценил важность налаживания совместной работы с ученым из Болгарии настолько высоко, что доложил о его предложениях на Общем собрании (Конференции) Российской Академии наук. 3 июня 1922 г. в Болгарию было направлено официальное письмо Академии с просьбой информировать советских ученых об "исторических и археологических работах" болгарских исследователей [2. С. 207]. Как сообщил Попруженко Успенский, полученную информацию предполагалось использовать в "Византийском временнике" [2. С. 234]. Однако замысел Успенского, по-видимому не осуществился – во всяком случае, в "Византийском временнике" статьи Попруженко или информационные заметки о Болгарии не появлялись, а переписка между учеными прервалась. Позже к М.Г. Попруженко обращались из России Г.А. Ильинский, А.М. Селищев и Б.М. Ляпунов. Единственное сохранившееся в архиве Попруженко письмо Селищева от 28 декабря 1930 г. написано в связи с его работой над корректурой книги о славянах Албании [31]. Селищев благодарил Попруженко за его "неизменное внимание к этой

работе" и за "тяжелый труд по наблюдению за печатанием ее" [2. С. 277]. Подобные же благодарности выражены и в двух письмах Б.М. Ляпунова, которого Попруженко извещал о выходе в Болгарии его работ. При этом Ляпунов отмечал в письме от 15 июня 1931 г., что все еще не получил обещанных С. Романским оттисков своей статьи о П.А. Лаврове [32], и опасался, что их не пропустила цензура, хотя статья "заключает в себе только научный материал" [2. С. 221]. В письмах Ляпунова сообщаются также новости о событиях научной жизни в России, в том числе о создании в Институте языка и мышления Кабинета славянских языков, который он возглавил. "Долго ли удержусь я при моих эволюционных взглядах на языки, отличных от ныне у нас господствующих, не знаю", – откровенно писал в письме от 14 сентября 1933 г. Ляпунов, имея в виду распространение в СССР марризма [2. С. 223].

Ценным источником по истории научных связей в области славистики вообще и советского славяноведения 1920–1930-х годов в частности являются адресованные Попруженко письма из России Г.А. Ильинского. В архиве Попруженко сохранилось 68 писем Ильинского, написанных в течение 1926–1934 гг. [1. Д. 164]. За исключением четырех, все они опубликованы [2. С. 131–191]. Однако эти письма напечатаны с многочисленными и весьма существенными пропусками, причем купюры явно направлены на то, чтобы изъять нелестные отзывы Ильинского об отношении советских партийных и государственных органов к фундаментальной науке вообще и к славяноведению в частности, а также об ученых, занявших руководящие посты в научных структурах Советского Союза. "У нас в университете как будто повеяло новым духом..." – обрывают, например, публикаторы предпоследний абзац письма Ильинского к Попруженко из Саратова от 23 июня 1926 г. [2. С. 132], хотя после отточия следуют слова ученого, в корне меняющие смысл написанного. "Но частая и иногда бессмысленная смена учебных программ и засилье необогословских, то есть марксистских, предметов, а также плохая подготовка студенчества, – пишет Ильинский, – часто превращают нашу работу в толчение воды в ступе". И, перечислив доходы профессоров, свидетельствующие о их "незавидном" материальном положении, продолжает: "Но не о хлебе едином жив будет человек. Я бы охотно согласился получать еще меньший оклад, если бы только были предоставлены возможности свободного исследования и печатания. Но – увы! русская филология представляет теперь лишь поле, усеянное мертвыми костями" [1. Д. 164. Л. 4].

Не будем останавливаться на других "рискованных местах" в письмах Ильинского (как изъятых, так и сохранившихся в публикации) – обзор их см. в [32]. Отметим только, что Попруженко был причастен к такому интересному факту научной биографии Ильинского, как публикация в Болгарии полного текста его статьи "Что такое славянская филология?", первоначально напечатанной в России в изуродованном советской цензурой виде¹⁰. Попруженко же привлек Ильинского к сотрудничеству в журнале "Български преглед" (в письмах Ильинского он упоминается также под названиями "Словения" и "Славянски преглед") [2. С. 148, 153–156, 160, 169, 171, 175–177, 182–183], содействовал скорейшей публикации в Болгарии подготовленного им к изданию "Златоструя" – памятника XI в. из собрания А.Ф. Бычкова [2. С. 135, 136, 141, 143–146, 152, 155].

Со своей стороны Ильинский оказывал коллеге из Болгарии всемерную помощь в работе над изданиями памятников и исследованиями. Именно он по просьбе Попруженко собирал необходимые тому при переиздании "Беседы" Козьмы сведения о местонахождении после революции в России различных рукописных собраний и отдельных рукописей, снимал с них копии и делал выписки, выезжая для этого иногда даже в Троице-Сергиев Посад (Загорск).

Наиболее ярко содружество двух ученых проявилось в подготовке к изданию в Болгарии составленной Ильинским библиографии кирилло-мефодианы [34]. Попру-

¹⁰ См. [2. С. 132], а также комментарий к тексту и анализ цензурных искажений в [33].

женко добился публикации Болгарской Академией наук этого многолетнего и оказавшегося последним труда российского ученого, осуществлял его редактирование, а затем вынужден был взять на себя всю подготовку издания: в ночь на 12 января 1934 г. Ильинского арестовали по сфабрикованному властями "делу славистов" [35], он на свободу больше не вышел и был расстрелян в 1937 г.

13 января 1934 г. к М.Г. Попруженко обратилась супруга московского слависта Александра Яковлевна Ильинская. Возвращая корректуру "Опыта", которую ее муж не успел просмотреть, она писала, что "Григория Андреевича сейчас нет дома, и когда он вернется – не знаю. Уходя, Григорий Андреевич просил меня написать Вам, что он умоляет Вас вести и последнюю корректуру листов Кирилло-мефодиевской библиографии, дабы не приостанавливать печатание книги..." [1. Д. 164. Л. 123–124].

В 1934 г. труд Г.А. Ильинского благодаря усилиям М.Г. Попруженко вышел в свет, но и после опубликования библиографии Попруженко продолжал заниматься связанными с ней делами. Последнее упоминание об "Опыте" находим в письме к нему А.Я. Ильинской, в котором она просит ускорить высылку гонорара за книгу своего мужа. На этом письме рукой Попруженко сделана помета: "26 февраля сообщено о переводе денег через Чешский банк" [1. Д. 164. Л. 128].

Письма к А.В. Флоровскому и М.Г. Попруженко, связанные с судьбами русской научной эмиграции в Болгарии, содержат сведения чрезвычайно "пестрого" характера. В совокупности эти разрозненные высказывания дают, полагаем, некоторое представление о жизни и научной деятельности эмигрантов в этой стране, выявляют их связи с эмигрантами в других странах, с учеными на Родине. В соответствии со своими профессиональными интересами и А.В. Флоровский, и особенно М.Г. Попруженко были тесно связаны со славяноведами, что дает возможность судить о состоянии славистических исследований, осуществляемых как в эмигрантской среде, так и в Советской России. Наконец, знакомство с письмами к А.В. Флоровскому и М.Г. Попруженко важно для понимания их вклада в отечественную и зарубежную науку. Обзор писем ученых также показывает возможности, которые открываются перед исследователями эмиграции при использовании материалов эпистолярного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив на Българската академия на науките. Ф. 61к.
2. *Костадинова Л., Флорова В., Димитрова Б.* Българо-руски научни връзки XIX–XX век: Документи. София, 1968.
3. Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979.
4. *Любенова Л.* Михаил Попруженко. София, 1997.
5. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции, первая треть XX века. М., 1997.
6. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2.
7. *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935–1947.
8. *Пашуто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
9. *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927.
10. *Niederle L.* Život starých slovanů. Praha, 1925. Т. 2.
11. *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага, 1924.
12. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931–1941. [Ч.] 1–2.
13. *Попруженко М.Г.* Синодик царя Борила. Одесса, 1897–1899. [Ч.] 1–2.
14. *Липтева Л.П.* Изучение источников по истории богомилства в Болгарии русской историографией XIX – начала XX веков // *Palaeobulgarica*. Sofia, 1989. № 2.
15. *Попруженко М.Г.* Синодик царя Борила. София, 1928. (=Български старини. Кн. 8).
16. Филологические записки. Воронеж, 1889. Вып. 2.
17. Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933.

18. Родина. София, 1939. Кн. 3.
19. Попруженко М.Г., Романски С. Руска книжна реч в образци. София, 1943.
20. Попруженко М.Г. Указатель статей, помещенных в I–XXX томах Записок Императорского одесского общества истории и древностей. Одесса, 1915.
21. Попруженко М.Г. Заметки по кирилло-мефодиевскому вопросу // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1892. Т. 2.
22. Попруженко М.Г. Материалы для библиографии по кирилло-мефодиевскому вопросу // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1902. Ч. 341. № 5.
23. Попруженко М.Г., Романски С. Кирилломефодиевска библиография за 1934–1940 год. София, 1942.
24. Вилинский С.Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1908.
25. Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911–1913. Ч. 1–2.
26. Vilinskij S.G. O literární činnosti M.Jev. Saltykova-Ščedrina. Brno, 1928.
27. Vilinskij S.G. Petko Jur. Todorov. Brno, 1933.
28. Документи за българска история: Архив на Найден Геров / Под ред. на М.Г. Попруженко. София, 1931–1932. Т. 1–2.
29. Попруженко М.Г. М.Н. Сперански (1863–1938) // Летопис на Българската академия на науките. София, 1941. Кн. 21.
30. Проф. д-р М. Попруженко // Славянски вести. София, 1939. 1/1.
31. Селищев А.М. Славянское население Албании. София, 1931.
32. Горяинов А.Н. Советский режим и судьба двух славистов: (О некоторых материалах из наследия Г.А. Ильинского и М.Г. Попруженко) // Из истории отечественной филологической науки, 20–50-е годы: Тезисы докладов конференции (Москва, декабрь 1994 г.). М., 1994.
33. Горяинов А.Н. Из забытых "мелочей" журнала "Славянски глас" (1919–1933) // Славяноведение. 1992. № 4.
34. Ильинский Г.А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.
35. Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов", 30-е годы. М., 1994.

К десятилетию восточноевропейских революций

© 1999 г. Ю.С. НОВОПАШИН

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1989 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

На протяжении последних десяти лет (1989–1999) Отдел современной истории Института славяноведения РАН постоянно держал в поле своего зрения проблемы изучения восточноевропейских революций. Только за 1991–1997 гг. издано девять коллективных работ, прямо или косвенно касавшихся упомянутых проблем (см.: [1]). Однако монографических исследований этих революций нашими специалистами-страноведами, как, впрочем, представителями и других академических учреждений, пока еще не осуществлено. Исключение составляет, насколько можно судить, лишь книга И.Н. Кузьмина "Крушение ГДР. История. Последствия" (М., 1996).

Представляется, что в дальнейшем осмыслении нуждается прежде всего проблема предпосылок и конкретно-исторических причин краха в восточноевропейских странах тоталитарной системы. Предпосылки и причины в этом контексте – не одно и то же. Возьмем, например, длительное пребывание в Восточной Европе вооруженных группировок Советского Союза, которое, как я уже писал ранее, "сыграло роль своеобразного негативного психологического раздражителя для народов этого региона, явилось немаловажной предпосылкой антикоммунистических революционных событий 1989–1990 гг." [2]. Но к непосредственным конкретно-историческим причинам указанных событий факт пребывания в 1989 г. советских войск в Венгрии, ГДР, Польше и ЧССР отнести нельзя. Они находились в местах постоянной дислокации и не запятали себя на этот раз акциями силового подавления народных выступлений против коммунистических властей, хотя опосредованно подобное "невмешательство" воздействие на рассматриваемые события оказало. М.С. Горбачев, отмечая в своих мемуарах, что "у пришедших к руководству в СЕПГ (после ухода Э. Хонеккера. – Ю.Н.) людей хватило разума и мужества не пытаться потопить в крови народное недовольство", вполне резонно добавляет: "Думаю, определенную роль в этом сыграла и наша позиция. Тогдашним руководителям ГДР было ясно, что советские войска при всех обстоятельствах останутся в казармах" [3].

Новопашин Юрий Степанович – д-р философ. наук, зав. отделом современной истории и социально-политических проблем ИС РАН, профессор.

По прошествии постреволюционного десятилетия в тех европейских странах, которые создавали в прошлом социализм по советским рецептам, изменились не только форма, но и содержание политико-государственной системы (а во многом и социально-экономической), включая почти полное обновление властных и управленческих кадров. Это обновление оказалось возможным, поскольку поколенческая ситуация в Восточной Европе за 40 лет "социалистического строительства" осталась все же более благоприятной для демократических преобразований, нежели в России, в частности, сохранились остатки альтернативных коммунистам горизонтальных структур гражданского общества, чего в СССР (Российской Федерации) за семь десятилетий поистине инквизиторской нетерпимости большевиков не могло быть уже по сугубо демографическим причинам. Следовательно, здесь сыграли свою позитивную для демократических преобразований роль такие предпосылки, о которых применительно к постсоветским просторам говорить по большей части просто не приходится.

Анализируя причины "ноябрьской революции" 1989 г. в ГДР, автор вышеназванной монографии о крушении этого "форпоста социализма" в Европе выделяет в качестве важнейших следующие: воля народа к единству, угроза финансового краха республики; рост негативного потенциала (т.е. недовольства населения); "склероз" коммунистической власти; внешние факторы, ограничивавшие свободу маневрирования руководством, в первую очередь утрата поддержки со стороны бывших союзников как следствие распада социалистического содружества и Организации Варшавского Договора [4. С. 11–41].

Можно с ним в чем-то соглашаться или не соглашаться, но ясно, что в других странах могут быть свои модификации важнейших конкретно-исторических причин революционных событий. Так, применительно к Венгрии и Польше вряд ли уместно говорить о "склерозе" коммунистической власти, которая в целом не отличалась все же катастрофической для того времени "железобетонностью", пошла на обсуждение проблем демократизации государственной и всей политической системы за "круглым столом" с представителями некоммунистических сил и добровольно, без эксцессов передала последним бразды правления, проиграв на общенародных выборах.

Осмысление примера венгерских и польских событий 1989–1990 гг. ведет, думается, вообще к известному уточнению научного понимания феномена революции, соотношения последней с преобразованиями в обществе путем реформ. В нашем сознании, сформированном марксистско-ленинским образованием, коренится известное противопоставление реформ и революции: дескать, реформы общественного строя не меняют, даже самые радикальные, в то время как революция, пусть и совершенная бескровно, обязательно меняет. Опыт демократических преобразований 1989–1990 гг. в Венгрии и Польше говорит об ином: ни в той, ни в другой стране не было массовых демонстраций недовольства властями, как в ГДР, ЧССР, Болгарии и Румынии, путь государственно-политических преобразований являлся здесь чисто реформистским, но дал классический радикально-революционный результат. Справедливо, видимо, и обратное заключение: радикально-кровавые меры по принципу "весь мир насилья мы разрушим, а затем..." не всегда могут обеспечить подлинно революционный результат, т.е. смену старой тоталитарной государственно-политической системы, а не только внешней формы этой системы.

В наборе важнейших причин "ноябрьской революции" в ГДР И.Н. Кузьмин не упомянул о резком ухудшении положения трудящихся масс, которое, как мы помним из ленинской работы «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», должно выступать неотъемлемой составной частью возникновения в той или иной стране революционной ситуации. И поступил он так не случайно, ибо ни в ГДР, ни в других тогдашних социалистических странах не было резкого ухудшения материальных характеристик жизни населения, не наблюдалось его бедственного положения. Дело больше заключалось в высокой степени несостоятельности властного начала в глазах народа, чем в недовольстве снижением социально-экономического уровня жизни, хотя оно, конечно, имело место и восторга населения не вызывало. Не случайно также

автор приводит в этой связи мнение Йенса Райха, одного из руководителей наиболее активного и многочисленного в ГДР гражданского движения "Новый форум", подчеркнувшего, что "катализатором переворота осенью 1989 г. было не столько отсутствие гражданских прав и демократических свобод, сколько протест против привилегий господствовавшей верхушки. Режим рухнул под напором народного гнева... когда были подвергнуты штурму скрытые от людей дачи и охотничьи дома Тиша, Миттага и Шалька" [4. С. 32].

Разумеется, вопрос об исторических предпосылках и конкретных причинах революций 1989 г. весьма обширен, самонадеянно было бы пытаться охватить в статье все возможные его аспекты. Но если ясно, что события той поздней осени стали результатом достаточно продолжительного по времени кризиса, то разобраться в том, как этот кризис назревал, – значит во многом ответить на поставленный вопрос о предпосылках и причинах. В принципиальном плане можно выделить несколько "уровней" (компонентов) кризиса: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, оклократический, рекреационный.

Этический уровень кризиса – суть процесс "десакрализации" власти, завершившийся к концу 1980-х годов полной ее дискредитацией в глазах народа. Идеологический компонент связан не столько с осознанием утопичности марксистско-ленинского учения как такового (теоретическими построениями мало кто интересовался), сколько со становившейся год от года все более очевидной для населения нефункциональностью основанной на упомянутом учении "модели" хозяйствования и с попытками номенклатуры замаскировать несостоятельность этой модели назойливой и лживой "пропагандой успехов".

Политический уровень кризиса – процесс неизбежного в условиях коммунистической диктатуры снижения "качества" властных решений, когда борьба номенклатуры за свои привилегии, самосохранение выдвигается на первый план и все принципиальные проблемы внутренней политики – будь то в области экономики, национальных отношений или культурного строительства – оказываются подчинены полицейским проблемам. В свое время Л.Д. Троцкий, имея в виду сталинский Советский Союз, назвал подобный процесс "тоталитарным идиотизмом" [5]. Если такого рода идиотизм становится неотъемлемой чертой того или иного государства, значит антинародное перерождение последнего зашло настолько далеко, что для подданных этого государства остается лишь путь его революционного низвержения.

Организационный компонент кризиса переплетен с политическим и выражает растущую степень неуправляемости государственной и всей общественной жизнью. Еще в XIX в. Макс Вебер, характеризуя европейский тип цивилизации, указал на такую ее закономерность, как "подчинение всего человеческого существования технически, коммерчески и прежде всего *юридически* образованным государственным чиновникам, которые являются носителями основных повседневных функций социальной жизни" [6]. В наше время эта социологическая закономерность только усилила свое воздействие на человеческое существование. Явления же разбалансированности в предреволюционных условиях механизмов управления восточноевропейскими обществами объясняются и вышеназванным снижением качества властных решений; и неспособностью или нежеланием чиновничества, озабоченного поддержанием собственного благополучия, проводить эти решения в жизнь; и частичным параличом управленческих структур, связанным с их недофинансированием, непродуманным реформированием и т.п.

Социальный уровень кризиса указывает в первую очередь на материальные характеристики жизни людей, т.е. на обеспеченность трудоспособного населения работой и возможности повышения каждым своей производственной квалификации; на размер оплаты труда и приемлемый для этих размеров масштаб розничных цен на продукты питания и товары длительного пользования; на положение в обществе пенсионеров и нетрудоспособных; на объем государственной поддержки малообеспеченных граждан, многодетных семей, студенчества и учащейся молодежи. Если все эти показатели в

своим стоимостным выражением стагнируют и относительно обесцениваются или же, более того, имеют тенденцию к абсолютному сокращению, – растет народное недовольство, без которого не бывает ни одной революции.

Конечно, нельзя понимать процесс роста социального недовольства как составляющей любого серьезного общественно-политического кризиса упрощенно, наподобие, например, иерусалимскому профессору Рафаэлю Шапиро. Он считает народное недовольство большевистским правлением в послеоктябрьской России бесспорной истиной. "Сейчас нет надобности, – пишет Шапиро, – доказывать эту истину, факты общеизвестны. К началу нэпа страна давала 2% довоенного производства чугуна, 3% сахара, 5–6% хлопчатобумажных тканей и т.д. Если называть вещи своими именами, уже к тому времени результаты великого эксперимента в глазах народа полностью определились: он провалился" [7].

Недовольство какой-то части российского населения большевистским правлением существовало всегда, но еще вопрос: какой именно части и в какое время? Без известной социальной и достаточно широкой опоры коммунистический режим в России не продержался бы 70 лет, начиная с 1921 г. – времени провозглашения на X съезде РКП(б) новой экономической политики. Следовательно, недовольство недовольству рознь. Не всегда социальное недовольство, как уже отмечалось выше, занимает главенствующее место среди характеристик общественного кризиса в той или иной стране, не всегда прежде всего оно детерминирует революционную ситуацию, развитие которой может привести к социальному взрыву. Касаясь же конкретно российских дел, следует сказать: парадокс-то как раз заключается в том, что постоянно присутствовавшие в обществе элементы недовольства большевиками каким-то образом весьма долго уживались с элементами народной веры в успех социалистического эксперимента. В этом, видимо, и заключалась иррациональная сторона советской действительности, которую невозможно представить одноцветной – или сплошь черной, или только белой.

Теперь об оклократическом компоненте кризиса. Власть толпы не может быть созидательной, по большей части она слепа и разрушительна. Усиление этой власти является, как правило, следствием стечения сугубо неблагоприятных для любой страны обстоятельств: поражение в войне и развал армии; послевоенная разруха и бедственное положение населения; слабость революционных политических партий и движений, раздираемых взаимными противоречиями и не могущих направить народное недовольство в конструктивное русло; государственно-управленческий паралич, который, как подчеркивает российский историк В. Булдаков, "уместно связать с блокированием обратной связи народа и власти вездесущей в своем запретительстве или крючкотворстве бюрократией" [8].

Надо сказать, что значение этого компонента, если он и присутствовал в восточноевропейских революциях, неприменно в албанской и румынской, было по историческим меркам все же небольшим. Стечения сугубо неблагоприятных обстоятельств, перечисленных выше, не наблюдалось в конце 80-х годов ни в одной из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и не случайно поэтому демократические преобразования в них носили организованный и по преимуществу мирный, парламентский характер, заслужив тем самым название "нежных" или "бархатных революций"¹.

Наконец, несколько слов о рекреационном уровне кризиса. Способность к восстановлению сил после тех или иных жизненных пертурбаций (длительный кризис, революционные перемены и т.п.) свойственна не только отдельным людям, но и

¹ В данном случае мы абстрагируемся от событий первой половины 90-х годов на землях бывшей СФРЮ, в результате которых возник ряд независимых югославянских государств. Определение характера указанных событий, включая военные действия, – особая тема, ибо там преобладали этнополитические предпосылки и причины этих событий, по отношению к которым вопросы антитоталитарных революционных преобразований, демократизации государственной и всей общественной жизни занимали сугубо подчиненное место.

народам и государственным образованиям. На эту способность в ту или иную сторону влияют весьма многие факторы, в детальный анализ которых здесь нет необходимости углубляться. Важно только отметить, что если Венгрии, Польше, Словакии, Словении и Чехии постреволюционного десятилетия в общем хватило, чтобы восстановиться до устойчивого ежегодного роста ВВП и, следовательно, жизненного уровня населения, то у Албании, Болгарии, Румынии и Хорватии рекреационные способности оказались куда более скромными.

Оставим специалистам-страноведам подробную характеристику всех перечисленных компонентов кризиса, поскольку их реальный набор, конфигурация на конкретном национально-государственном материале обнаружат, несомненно, немалое своеобразие. Точно так же как будут свои отличия от страны к стране и в соотношении внутренних причин революционных событий, о которых шла выше речь, и внешних – многообразные импульсы политики СССР, западноевропейское, американское влияние и пр.

В принципиальном плане в науке существуют два понимания такого соотношения. Сторонники одного придерживаются традиционной точки зрения, т.е. считают определяющими внутренние факторы. Приверженцы другого толкования указывают на своеобразие бывшего социалистического содружества в качестве системы межпартийного, межгосударственного и в целом международного взаимодействия – своеобразие, которое определялось исключительной ролью КПСС и Советского государства, не характерной больше ни для каких содружеств политических партий и народов. Из этого делается оппортунистический для традиционалистов вывод о приоритете в указанном соотношении внешнего, советского фактора – вывод, имеющий свою логику и аргументацию.

Я склоняюсь ко второму пониманию соотношения внутренних и внешних факторов в революционных событиях 1989 г., а потому хотел бы поделиться соображениями о политике СССР в то переломное время, определить объективный вектор ее воздействия на страны восточноевропейского региона. Сразу следует подчеркнуть, что активной политики по отношению к указанному региону в перестроечные годы у Советского Союза не было. М.С. Горбачев продекларировал отказ от "доктрины Брежнева" еще на встрече генеральных и первых секретарей ЦК соответствующих партий в дни похорон К.У. Черненко, затем в своей записке, посвященной вопросам взаимоотношений с "братскими странами" и предназначавшейся для обсуждения на Политбюро (май 1986 г.), и, наконец, в речи на "социалистическом саммите" по проблемам экономического сотрудничества в ноябре 1986 г. Но за правильными словами о том, что в этой области назрели (и перезрели) принципиальные перемены, адекватных практических мер не последовало.

Разумеется, приходилось считаться с громадной инерцией прежней патерналистской модели отношений, которую команда Горбачева так и не преодолела. Буквально до конца своих полномочий для всех членов этой команды оставалось доминирующим такое понимание равенства в межгосударственном взаимодействии, согласно которому все-таки СССР – *primus inter pares*, т.е. первый среди равных. «Ведь мы сложили полномочия "старшего брата" в социалистическом мире, но не можем отказаться от роли лидера, которая объективно всегда будет принадлежать Советскому Союзу как самой мощной стране социализма, родине Октября», – подчеркивал помощник генсека Г.Х. Шахназаров в записке Горбачеву от 10 октября 1988 г. [9. С. 368].

Эти политические и идеологические претензии на лидерство, быть может, и могли бы в то время еще кем-то восприниматься, если бы горбачевская команда оказалась способной на быстрые, неординарные, действительно лидерские шаги: во-первых, касавшиеся намерений вывести советские войска из Восточной Европы; во-вторых, решительно переоценить существо событий в ГДР в июне 1953 г., венгерских 1956 г., чехословацких 1968 г.; в-третьих, войти в контакт с представителями Хартии-77 в ЧССР, движения "Солидарность" в Польше, других диссидентских организаций тех или иных стран и т.д. Но ничего этого сделано не было.

В апреле 1989 г. в Праге я, разговаривая с А.И. Удальцовым, советником посольства, заметил ему, что ставка посольскими сотрудниками по-прежнему делается исключительно на кадры ЦК КПЧ, "благонадежных" интеллигентов, а неформальные круги ЧССР абсолютно выпадают из поля зрения, в то время как их роль в чехословацком обществе быстро растет. (В одной только Праге тогда функционировало по меньшей мере 14 так называемых независимых инициатив [10]). Удальцов ответил, что он это понимает и на свой страх и риск встречается в неофициальной обстановке с некоторыми неформалами, пытается судить о ситуации в стране с учетом роста их общественной значимости. Но ведь наше начальство, заключил он, этого отнюдь не поощряет.

До самого начала революционных событий в ноябре 1989 г. отношение Москвы к своим социалистическим союзникам не претерпело особых "перестроечных" новаций, продолжало оставаться, как свидетельствует тот же Шахназаров, несколько пренебрежительным: "Они при нас, никуда не денутся, объясним – поймут" [9. С. 124]. Однако революция все изменила: партнерами советских властей в Восточной Европе оказались антикоммунисты, для которых КПСС и вся государственная машина СССР – никакие и ни в чем не лидеры, а экспансионисты и оккупанты, служители подрывной марксистско-ленинской утопии. И здесь феноменальная бюрократическая медлительность советских инстанций обернулась для СССР очевидным ущербом – массовым ростом антисоветских настроений. В одном из тогдашних официальных заявлений министра иностранных дел ЧСФР И. Динсбира это нашло отражение в следующих словах: "Советский Союз признал ошибочным свое решение от 21 августа 1968 г. уже после того, как мы сами освободились от тоталитарной власти. Если бы такое признание было сделано раньше, мы бы смогли также раньше устранить дискредитировавший себя неосталинский режим, и в результате наши народы относились бы с большей симпатией к Советскому Союзу... Нашу новую свободу и демократию нам никто не даровал. Это имеет очень важное значение для самосознания наших народов" (цит. по: [11]).

Я считаю, что в 1990–1991 гг., когда коммунистов в Восточной Европе уже потеснили от властного кормила, М.С. Горбачев постоянно пытался, что называется, делать хорошую мину при плохой игре. Вряд ли, скажем, искренне заявлял он 6 июля 1991 г. на встрече с Гельмутом Коелем о желании нашей страны освободиться от комплекса "супервлияния" в регионе. "Мы им надоели! – констатировал советский президент. – Но и они нам надоели!" (цит. по: [12. С. 166]). Конкретизируя свою позицию, Горбачев пояснил канцлеру объединенной Германии, что-де «пришлось сильно "держатъ себя в узде", чтоб устоять на паузе в отношениях с бывшими союзниками, чтобы время утрамбовало новую ситуацию, чтобы привыкнуть к отношениям с ними, как со всеми другими, и не претендовать на "особые" отношения даже в "новом виде"» [12. С. 165–166].

Однако советский лидер явно выдавал желаемое за действительное. Ибо не он, а именно новые, некоммунистические власти восточноевропейских стран сразу же заявили об отношениях с СССР как равноправных, т.е. поставили вопрос о выводе советских войск со своих территорий, осудили советское вооруженное вмешательство прошлых десятилетий в их внутренние дела, отвергли какие-либо претензии на советское (российское) политическое или идейное лидерство в Восточной Европе и т.д. Отказ сначала Венгрии, а затем и других советских партнеров по Варшавскому пакту от военно-политического сотрудничества с СССР внутри этого пакта или же в рамках двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, конечно, ударил по самолюбию нашего партийного и государственного руководства, и это подтолкнуло команду Горбачева к тому, чтобы "сделать паузу", уклониться в конце 80-х – начале 90-х годов от разработки и проведения в жизнь по-настоящему новой политики в отношении восточноевропейского региона. Суть подобного "уклонения" Горбачев выразил в следующих словах: «Правильно "мы" сделали, что перестали обращать внимание на своих бывших союзников. Пусть сами разберутся,

хотят или не хотят они иметь дело с нами, нужно им это или не нужно. А мы обойдемся!» [12. С. 133].

С дистанции истекшего постреволюционного десятилетия очевидно, что это была недалновидная, совсем не оптимальная, проще говоря, во многом ошибочная политика, сыгравшая роковую роль в том, что наша страна от восточноевропейских революций больше потеряла, чем приобрела. Потеряла, в частности, многие и многие тысячи своих сторонников и весьма умножила и так немалочисленные ряды недоброжелателей Российского государства. Иначе говоря, объективный вектор такого рода политики негативен, и этот факт нельзя замаскировать высокими словесами о новом политическом мышлении, общеевропейском доме и т.п.

И здесь мы подошли к проблеме международного значения революций 1989 г., при обсуждении которой очевидным представляется прежде всего то, что значение это для России и для остальной Европы будет разное, с неодинаковым оценочным знаком. Что касается Европы, то различные представители ее научной и политической элиты свою выгоду от случившегося на рубеже 80–90-х годов хорошо понимают. Так, профессор Женевского Института международных исследований Курт Гастейгер оценивает феномен революций 1989 г. и краха СССР следующим образом: «"Беззвучное исчезновение" (Das "geräuschlose Verschwinden" – Ю.Н.) всемирно-политической реальности, которая как минимум с момента возникновения Советского Союза оказывала формирующее влияние на ход событий в Европе, было и остается невиданным событием, граничащим с чудом» [13]. Видный французский специалист по геополитике Пьер Галлуа считает, что это эпохальное событие "оказало большее потрясение на международную ситуацию, чем поражение нацистского Рейха во второй мировой войне, ибо повлекло за собой коренное изменение прежнего равновесия сил" (цит. по: [14]).

Что же касается Российской Федерации, то подобное изменение равновесия сил произошло отнюдь не в ее пользу, она лишилась в современной Европе каких-либо геополитических "защиток", мало что сохранила положительного из прежней системы двустороннего и многостороннего сотрудничества с бывшими социалистическими странами в политической, экономической, оборонной, научной, культурной и иных областях международного и межгосударственного взаимодействия.

Любопытны в данном аспекте размышления русской поэтессы З.Н. Гиппиус, которая в своих "Петербургских дневниках" писала летом 1919 г. о "громкой важности" для России и для Европы грядущего краха коммуно-большевистского правления, добавляя, что «если большевики падут лишь "в конце концов", то, пожалуй, под свалившимся окажется "пустое место". Поздравим тогда Европу [15]». И действительно "поздравлять" ныне с десятилетием революций 1989 г. приходится именно Европу, но не Россию еще и потому, что на просторах последней изменилась за это время лишь *форма* властвования российского слоя вышестоянных коммуно-большевизмом за 70 с лишним лет номенклатурно-управленческих кадров, ставших во многом наследственными, но не произошла еще смена *содержания* этого властвования, которая только и может именоваться революционным преобразованием государственного и всего общественного строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991; "Восточноевропейский социализм": становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992; Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994; Бывшие "хозяева" Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995; Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; Конфликты в послевоенном развитии

- восточноевропейских стран. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы 90-х годов. М., 1997.
2. *Новопашин Ю.С.* Пребывание советских войск в Восточной Европе как предпосылка революционных событий 1989–1990 гг. // Славяноведение. 1998. № 4. С. 68.
 3. *Горбачев М.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 163.
 4. *Кузьмин И.Н.* Крушение ГДР. История. Последствия. М., 1996.
 5. *Троцкий Л.* Сталин. Benning (Vermont), 1985. Т. 2. С. 262.
 6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 47.
 7. *Шаниро Р.* Метаморфозы // Страна и мир. 1989. № 6. С. 80.
 8. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 342–343.
 9. *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993.
 10. *Щербакова Ю.А.* Начало "нежной революции" в ЧСФР (осень 1989 г.) // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). С. 241–243.
 11. *Даньшина В.Н.* Радикальные перемены в общественно-политической и экономической жизни Чехословакии // Революционные преобразования в странах Восточной Европы: причины и следствия. М., 1990. Ч. 2. С. 63.
 12. *Черняев А.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997.
 13. *Gasteyer C.* Neue Konturen europäischer Sicherheit // Internationale Politik (Bonn). 1996. № 12. S. 21.
 14. *Калмыков М.* Советник Шарля де Голля: России необходимо обрести свое место в международной политике // Вести Европы (ИТАР–ТАСС). 21.09.1995. С. 7.
 15. *Гиппиус З.* Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси. 1991. С. 190.

© 1999 г. Е.Л. ВАЛЕВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БОЛГАРИИ 1944–1948 ГОДОВ

9 сентября 1944 г. политическая власть в Болгарии перешла в руки представителей партий, объединившихся в 1942–1943 гг. в Отечественный фронт (ОФ), руководимый коммунистами. Сразу же после прихода к власти новое правительство приступило к радикальным политическим и экономическим преобразованиям. Начала проводиться в жизнь программа, изложенная в "Манифесте" Национального комитета ОФ к болгарскому народу от 28 августа 1944 г. Среди прочих требований в нем фигурировал пункт девятый, который гласил: "Народный суд над виновниками катастрофической политики, проводившейся до сих пор, и над всеми виновными в злодеяниях в отношении народных борцов и мирного населения Болгарии и оккупированных областей" [1]. Этот пункт почти дословно был позже включен в программу правительства ОФ, оглашенную новым премьер-министром К. Георгиевым на массовом митинге в Софии 17 сентября 1944 г. [2].

Вопрос о "народном суде" был поставлен болгарскими коммунистами еще в годы войны. В 1942 г. по нелегальной радиостанции "Христо Ботев", находившейся в Москве, Загранбюро ЦК Болгарской рабочей партии (ЗБ ЦК БРП) предупреждало, что по окончании войны на скамье подсудимых международного трибунала окажутся и представители болгарских правящих кругов как подручные гитлеровцев. В то же время ЗБ ЦК БРП призывало не выжидать, а начать "суровое народное возмездие" немедленно. Специальные боевые группы, составленные из коммунистов и комсомольцев, убивали сельских старост, сборщиков налогов, полицейских и других "народных кровопийц". Однако поистине массовый характер эти акции приобрели после 5 сентября 1944 г., когда Советский Союз объявил войну Болгарии. При этом надо отметить, что значительное число убитых стало жертвами люмпенов, не имевших партийной принадлежности и часто сводивших личные счеты.

Накал внутривластной борьбы достиг таких масштабов, что вызвал беспокойство в руководстве БРП(к)¹. 11 сентября 1944 г. Г. Димитров, фактически возглавлявший тогда Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), дал из Москвы указание ЦК БРП(к) приступить к созданию народных судов для рассмотрения дел "предателей" и "фашистских преступников". Спустя два дня ЦК сообщал в Москву: "В первые дни революции стихийно были сведены счеты со злейшими врагами, попавшими в наши руки. Сейчас принимаются меры к тому, чтобы этими делами занимались соответствующие органы правопорядка. Министр правосудия работает над

Валева Елена Любомировна – канд ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ После 9 сентября 1944 г. болгарская компартия стала называться Болгарская рабочая партия (коммунисты) – БРП(к).

созданием народных судов и следственных комиссий". 25 сентября в Москву была направлена шифрограмма, в которой говорилось, что готов "законопроект о народном суде", "принята самая короткая процедура" [3. С. 172]. В начале октября ЦК сообщал Димитрову: "Революционную чистку решительно заканчиваем" [3. С. 173]. Однако наряду с в какой-то мере неизбежной стихийностью "чистка", начавшаяся в сентябре 1944 г., отличалась и планомерностью. Большая часть ее жертв была уничтожена по заранее составленным спискам и с вполне определенной целью – ликвидировать всех деятелей и сторонников правых (по коммунистической терминологии) партий.

В первые же двое суток после прихода к власти правительства ОФ были арестованы регенты при малолетнем царе Симеоне, министры кабинетов, функционировавших с 1 января 1941 г. до 9 сентября 1944 г., депутаты парламента. На их имущество был наложен секвестр.

3 октября 1944 г. указом нового регентского совета был утвержден декрет о передаче народному суду виновников вовлечения Болгарии в мировую войну против Объединенных наций и связанных с ней злодеяний [4]. Для оправдания судебной расправы под формой "народного суда" обычно ссылаются на соглашение о перемирии между СССР, Англией и США, с одной стороны, и Болгарией – с другой, один из пунктов которого обязывал Болгарию "сотрудничать в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними". Заметим, однако, что соглашение о перемирии было подписано в Москве 28 октября 1944 г., т.е. почти месяц спустя после издания декрета о народном суде. Главное же – подавляющее большинство представших перед "народным судом" людей не совершали тех действий, которые квалифицируются в международном праве и соответствующих международных конвенциях как "военные преступления" [5]. В интервью органу БРП(к) "Работническое дело" от 12 октября 1944 г. главный обвинитель, коммунист Г. Петров, заявил, что «историческая деятельность Народного суда будет развиваться под лозунгом "Смерть фашизму!"» Что же скрывалось за этими словами на самом деле?

В опубликованной в тот же день декларации центральных руководств партий, входивших в ОФ, подчеркивалось, что вне ОФ не существует демократических политических организаций. Отсюда следовало, что к фашистам будут отнесены, помимо прочих, члены Демократической и Радикальной партий, а также сторонники правого крыла Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) во главе с лидером Д. Гичевым и правого крыла Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) во главе с Кр. Пастуховым, т.е. все те, кто отказался от сотрудничества с коммунистами на основе программы ОФ. Что же касается лиц, непосредственно связанных с властными структурами буржуазной Болгарии – регентов, членов пяти последних правительств, депутатов парламента, придворных советников, высших духовных и военных чинов, то на них с самого начала был наклеен ярлык "народных предателей" и "преступников", которым не должно быть пощады. Будущий лидер объединенной оппозиции, "земледелец" Н. Петков так охарактеризовал предстоящий "народный суд": "Будут судить регентов, министров, депутатов, военных и полицейских, объявленных фашистами. Это расправа с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами" [6. С. 28].

"Народный суд" в Болгарии проходил при полной поддержке Москвы. Г. Димитров подробнейшим образом информировал советское руководство о ходе судебных процессов. 12 декабря 1944 г. он направил Сталину и Молотову полученное им 6 декабря сообщение министра юстиции Болгарии коммуниста М. Нейчева о подготовке к "народному суду": "Делается все возможное для того, чтобы начать 18 декабря рассмотрение двух главных процессов в Софии... В Софии и в провинции сформировано около 65 обыкновенных составов [судов] по 5 судей каждый" [7. Ф. 495. Оп. 74. Д. 98. Л. 6–7].

14 декабря Г. Димитров отправил Сталину и Молотову перевод обвинительного акта [7. Ф. 495. Оп. 74. Д. 98. Л. 10]. Кстати, при его подготовке в Софии вышла

заминка. В ноябре 1944 г. Димитров сообщил Молотову о получении им от ЦК БРП(к) следующей шифрограммы: "Дипломатическая переписка и другие документы Министерства иностранных дел взяты советскими следственными органами и посланы в Москву. Часть этих документов, однако, теперь необходима для составления обвинительного акта против бывших фашистских правительств для Народного суда. Устройте так, чтобы срочно были сняты копии и документы возвращены, так как без них связаны руки государственного обвинителя". "Очень прошу дать указание, – писал Димитров, – чтобы необходимые документы были предоставлены в распоряжение болгарского государственного обвинителя для соответствующего использования" [7. Ф. 495. Оп. 74. Д. 95. Л. 40].

Болгарские коммунисты просили вернуть не только документы, но и главных обвиняемых. Секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов запрашивал Димитрова: "До настоящего времени советскими органами взяты под арест регенты, 4 министра и 3 депутата. Некоторые из них еще не находились под следствием здесь. Если так будет продолжаться, то наш народный суд останется без министров. Будут ли они возвращены с тем, чтобы их судили мы, или их будут судить советские органы, или же будем судить их дважды – заочно мы и советские органы?" [6. С. 54]. Был ли получен какой-либо ответ на эти вопросы, нам не известно. Из Москвы регентов и министров привезли в Софию в конце января 1945 г., незадолго до суда и последовавшего 1 февраля 1945 г. расстрела.

20 января 1945 г. Политбюро ЦК БРП(к) обсуждало приговоры по первым двум процессам – против регентов, царских советников, министров и депутатов Народного собрания 25-го созыва. Прежде всего члены Политбюро выразили недовольство работой народных обвинителей: "Линия наших обвинителей – это не линия людей, которые политически заинтересованы в нанесении удара по этой камарилье, а людей, которые стоят в стороне от народной борьбы и теперь взвешивают, кто насколько виновен и пр. Не чувствуется, что наши народные обвинители – люди нашего движения, которые ищут даже самую мелочь, которая доказала бы виновность этих бандитов" (Г. Чанков); "С линией товарищей обвинителей никоим образом не может согласиться" (Тр. Костов) [8. С. 27]. Протоколы этого заседания Политбюро ярко демонстрируют грубое вмешательство руководства компартии в работу суда. Назначенные правительством ОФ обвинители Г. Петров, Н. Гаврилов, В. Ангелов и Вл. Димчев не только вынуждены были согласовывать свои действия с лидерами БРП(к), но и получили от них прямые указания, какие приговоры следует вынести. В конце заседания Тр. Костов в категорической форме потребовал: регентам, министрам кабинетов Филова и Божилова – смертная казнь, министрам кабинетов Багрянова и Муравиева – жесткие приговоры. Народные представители в парламенте также должны были понести суровую кару: "Никто из депутатов (за исключением умерших до 1941 г.) не должен быть оправдан. Необходимо представить список приговоров депутатам, который должен быть согласован с нами" [8. С. 28–29].

С 20 декабря 1944 г. до конца апреля 1945 г. по закону о "народном суде" по всей Болгарии состоялось 135 массовых процессов с 11 122 подсудимыми, в результате которых к смертной казни были приговорены 2730 человек, к пожизненному заключению – 1305 человек [9]². Из 160 представителей социальной элиты буржуазной Болгарии – регентов, министров, депутатов парламента – ни один не был оправдан, а 103 из них были осуждены на смерть. Как удовлетворенно рапортовал Димитров секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в июне 1945 г., "деятельность народных судов в Софии и по всей стране нанесла жестокий удар по внутренней реакции, ослабила позиции крупной буржуазии и явилась грозным предостережением для всех внутренних врагов нового, демократического режима в Болгарии" [7. Ф. 17. Оп. 28. Д. 758. Л. 124]. К этому прилагался подробный материал о судебных процессах на 40 листах.

² В опубликованных до сих пор статьях и других материалах о "народном суде" эти цифры колеблются. Расхождения имеются и в отчетах главного народного обвинителя, направленных им в ЦК БРП(к) (см.: [6. С. 158]).

Суровая чистка в Болгарии, затронувшая не только сторонников царского режима и прогерманской внешнеполитической линии, но и многих демократов с прозападной ориентацией, значительно превзошла по своим масштабам аналогичные "народные" судилища в других странах, оказавшихся в зоне советского влияния. Прошедшие в Болгарии в 1944–1945 гг. политические процессы со всей очевидностью показали, что коммунисты начали решительно расчищать путь к своему единовластию в стране. "Народный суд", организованный и руководимый БРП(к) под зорким оком Москвы, занимает центральное место в послевоенных репрессиях в Болгарии. Однако с его окончанием преследования политических противников коммунистов не прекратились. В последующие годы под судом оказались оппозиционные партии и их лидеры, большинство которых были подлинными носителями демократических традиций. Некоторые из них (как Н. Петков, К. Лулчев) еще вчера были союзниками коммунистов по ОФ, но осмелились выступить против усиливающейся советизации Болгарии. Сам же Отечественный фронт все больше превращался в ширму, за которой БРП(к) прибирала к рукам политическую и экономическую власть в стране, сверяя при этом каждый свой шаг с Москвой. В соответствии с договоренностями "большой тройки" о разделе сфер влияния, СССР имел возможность прямого воздействия на развитие внутриполитических процессов в Болгарии. Это обеспечивалось присутствием в стране советских войск и оперативных групп НКВД, решающей ролью СССР в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии, использованием системы политических, экономических и военных советников.

Все отчетливее проявлявшееся нарушение компартией принципа коалиционности управления страной правомерно вызывало недовольство некоммунистических партий, входивших в Отечественный фронт. Назревал кризис межпартийных отношений в ОФ, усилилась и поляризация сил внутри входивших в него партий (см. подробнее: [10. С. 115–148]). Политическое доминирование БРП(к) в органах ОФ и государственной власти, прежде всего в институтах принуждения, уже в то время наметившаяся тенденция к сращиванию госаппарата с компартией вступили в реальное противоречие с традиционными взглядами некоммунистических партий на организацию властных структур, представительных органов и т.д.

Единственной политической силой, способной тогда преградить коммунистам путь к утверждению монополии на власть, был Болгарский земледельческий народный союз – партия, пользовавшаяся поддержкой крестьянства, наиболее многочисленной социальной группы населения страны. БЗНС имел массовое влияние и среди мелких предпринимателей города. В период с сентября 1944 г. по январь 1945 г. происходил процесс бурного роста членской массы и престижа БЗНС. Этому во многом способствовало возвращение в Болгарию из эмиграции признанного лидера партии доктора Г.М. Димитрова. В период 1941–1944 гг., преследуемый за свою антигерманскую деятельность, он находился в эмиграции на Ближнем Востоке, где создал при поддержке и финансировании англичан Болгарский национальный комитет, который вел антигерманскую пропаганду через радиостанцию "Свободная и независимая Болгария". Возвращение д-ра Димитрова на родину в конце сентября 1944 г. сопровождалось небывалым триумфом. На национальной конференции БЗНС в октябре 1944 г. его избрали главным секретарем Постоянного присутствия (руководящего органа Союза). Деятельность Г.М. Димитрова на этом посту характеризовалась стремлением отстоять независимый курс БЗНС в рамках ОФ, что не могло не вызвать противодействия коммунистов. БРП(к) расценила создавшуюся ситуацию – организационное восстановление и количественный рост БЗНС, увеличение популярности д-ра Димитрова в стране в ущерб авторитету коммунистических лидеров, прежде всего Г. Димитрова и В. Коларова, все еще находящихся в Советском Союзе – как исключительно опасную для своих политических амбиций.

В Москве Г. Димитров в тесном контакте с советским руководством разработал стратегию, направленную на устранение БЗНС как сильного конкурента БРП(к) с болгарской политической сцены. В качестве первого шага была поставлена задача

отстранения д-ра Димитрова от руководства БЗНС и замены его человеком, который будет послушно выполнять волю БРП(к).

4 декабря 1944 г. газета "Работническо дело" открыла кампанию против д-ра Г.М. Димитрова, который обвинялся в разжигании пораженческих настроений после включения болгарской армии в боевые действия против германских войск, а также в попытках саботировать единство Отечественного фронта. По настоянию коммунистов (получивших через заместителя председателя СКК С.С. Бирюзова указания из Москвы) 18–19 января 1945 г. БЗНС провел свою конференцию, на которой следовало переизбрать Постоянное присутствие и прежде всего главного секретаря. В своем отчете д-р Димитров привел данные, объяснявшие тревогу и его московского однофамильца, и самого Сталина: в начале 1945 г. БЗНС насчитывал 750 тыс. членов [11. С. 66]. Если принять во внимание, что Компартия к середине января 1945 г. выросла до 254 тыс. членов (с 25 тыс. накануне 9 сентября 1944 г.) [12], то становится очевидным, что БЗНС представлял собой главную партию по численности и по влиянию в массах.

После своего отчета д-р Г.М.Димитров объявил, что уходит с руководящего поста Союза во имя сохранения единства БЗНС (именно такая "рекомендация" была дана Бирюзовым накануне во время встречи с министрами-"земледельцами"). Реакция на заявление д-ра Димитрова была бурной и отрицательной. Лишь с четвертой попытки избрали новое Постоянное присутствие. Главным секретарем Союза стал Н. Петков. В Москве его рассматривали как наиболее левого лидера БЗНС, способного повернуть партию к сотрудничеству с коммунистами на их условиях. Петков действительно был одним из самых левых "земледельцев" до 9 сентября 1944 г. Кроме того, он казался на первый взгляд более мягким и уступчивым, чем непримиримый антикоммунист д-р Димитров. Однако Петков очень быстро проявил решимость не допустить превращения своей партии во второсортную сателлитную организацию, выполняющую чужую волю.

1 мая 1945 г. Тр. Костов (в то время фактический руководитель болгарских коммунистов в стране) передал Н. Петкову рекомендацию Г. Димитрова созвать конференцию БЗНС с целью очистить Союз от "геметовщины"³ и повернуть к сотрудничеству с компартией на ее условиях [10. С. 91–93; 13. № 5. С. 103]. Н. Петков и министры-"земледельцы" Б. Бумбаров и А. Павлов, учитывая преобладающие настроения членов Союза, отказались созвать такую конференцию. 7 мая Димитров в разговоре по ВЧ с Бирюзовым и Костовым вновь просил передать Петкову, чтобы он отмежевался от "геметовцев", принял участие в конференции и остался во главе Земледельческого союза и в правительстве. Если же Петков прямо или косвенно поддержит "геметовцев", предупреждал Димитров, то партия и он лично "будут вынуждены публично выступить против такого вредного для народа поведения" [14. С. 477]. Когда коммунистам стала очевидна беспочвенность надежд на капитулянтство Петкова, их взгляды обратились к другим "земледельческим" лидерам. Роль руководителя коллаборационистской группы в БЗНС, назвавшей себя "левыми земледельцами", согласился играть крайне амбициозный Ал. Оббов⁴.

8–9 мая 1945 г. "левые земледельцы" провели конференцию, на которой постановили изгнать из Союза всех "геметовцев" и участвовать в предстоящих парламентских выборах на основе единого списка всех кандидатов от ОФ. Формально Н. Петков сохранил свой пост, но по распоряжению министра внутренних дел коммуниста А. Югова вся собственность БЗНС, включая газету "Земеделско знаме", была передана группе Оббова. Н. Петков, не участвовавший в конференции, отказался принять ее решения, счел действия МВД незаконными и превратил свой собственный дом в резиденцию БЗНС. Именно этот шаг, с которым солидаризировалось большинство членов Союза, в том числе министры А. Павлов и А. Держанский, знаменовал собой рождение болгарской демократической оппозиции.

³ От прозвища Г.М. Димитрова – Гемето.

⁴ Вскоре Оббов также отказался от сотрудничества с БРП(к) и был репрессирован в 1947 г.

Часть руководства компартии, в том числе Г. Димитров, сочли дальнейшее участие Н. Петкова и его сторонников в правительстве невозможным. Из Москвы Димитров "дал указания, как быстро и решительно провести необходимое преобразование правительства и разъяснить это народу". Однако Сталин счел несвоевременным устранение Петкова и его товарищей из кабинета министров, упрекнул болгарских коммунистов в сектантском подходе и рекомендовал им на данном этапе проявлять большую осторожность и терпимость. В очередной раз проявился политический прагматизм Сталина – ссориться с союзниками из антигитлеровской коалиции пока не входило в его планы. Разумеется, Димитров немедленно передал в Софию это мнение [14. С. 487].

Тем временем нападки на д-ра Г.М. Димитрова продолжались – его открыто обвинили в подготовке антинародного и антисоветского заговора. В конце апреля 1945 г. был издан приказ о его аресте и отправке в "трудовой воспитательный лагерь". В связи с болезнью д-р Димитров временно оставался под домашним арестом. Месяц спустя ему удалось бежать и укрыться в здании американского представительства в Софии. На следующий день, 25 мая, он был исключен из БЗНС. Болгарские власти не решились уничтожить д-ра Димитрова физически, опасаясь осложнений с американцами, взявшими его под защиту и требовавшими разрешить ему выезд в США. Хотя позиция части руководства БРП(к), выраженная секретарем ЦК Т. Павловым, сводилась к тому, что "можно было бы не поднимать такого шума, скромно и потихоньку убрать его [Г.М. Димитрова. – *Е.В.*]. Тогда РП [БРП(к). – *Е.В.*], да и правительство были бы освобождены от тех неудобств, в которых они теперь оказались" [15. С. 240]. Известно и личное отношение вождя болгарских коммунистов к своему однофамильцу (ему приписывается фраза: "В Болгарии нет места для двух Димитровых!") [11. С. 62]. Тем не менее, обсудив ноту американского представителя в Болгарии М. Барнса от 14 июля 1945 г. с просьбой разрешить отправить д-ра Димитрова в Америку, болгарское правительство дало следующий ответ: "Передать Димитрова болгарскому правительству с тем, чтобы потом сам Димитров обратился к болгарскому правительству с просьбой разрешить ему выехать в Америку, и оно гарантирует ему выезд в Америку" [15. С. 237]. Естественно, это решение было согласовано с советским руководством. Сталин решил пойти на эту незначительную уступку западным державам. В начале сентября 1945 г. д-ру Димитрову был оформлен загранпаспорт, и он выехал вместе с женой в США.

Эмиграция Г.М. Димитрова и его политическая деятельность за границей стали поводом для судебного преследования его в качестве "шпиона" и "врага народа". Начались аресты сторонников изгнанника. В конце мая–июне 1946 г. состоялся "показательный процесс". Главного обвиняемого – д-ра Димитрова – судили заочно. Еще 15 членов БЗНС обвинялись в пораженческой пропаганде во время военных действий Болгарии против немецких войск, в содействии побегу главного обвиняемого в мае 1945 г., в укрывательстве лиц, разыскивавшихся "народным судом". Процесс шел с большими трудностями ввиду отсутствия серьезных доказательств, а, главное, потому, что д-р Димитров покинул страну с официального разрешения властей. Тем не менее, заочно он был приговорен к пожизненному тюремному заключению, десять обвиняемых получили различные сроки заключения, пятеро были оправданы.

Суд над д-ром Г.М. Димитровым открыл целую серию политических процессов против лидеров болгарской оппозиции. В июне 1946 г. состоялся суд над патриархом болгарской социал-демократии Кр. Пастуховым. Обвинения против него основывались на двух его статьях, в которых критиковалась политика компартии в армии. Но фактически это был процесс, на котором осуждению подверглась вся политическая деятельность Пастухова, ревностного защитника социал-демократических идей как до, так и после 9 сентября 1944 г. Семидесятидвухлетний Кр. Пастухов был приговорен к пяти годам строгого тюремного заключения. За несколько дней до своего освобождения, в августе 1949 г., он был задушен в тюремной камере посаженным к нему уголовником.

Летом 1945 г. союзником Н. Петкова в борьбе против монополизации власти коммунистами становится часть Болгарской рабочей социал-демократической партии. На нее также оказывалось массированное давление со стороны БРП(к) с целью превращения партии в безликую сателлитную организацию. В июне–июле 1945 г. в БРСДП произошел раскол. Значительная часть членов партии, объединившись вокруг главного секретаря К. Лулчева и одного из партийных лидеров Г. Чешмеджиева, отказалась капитулировать под натиском коммунистов и сохранила свою демократическую платформу и самостоятельность.

В условиях раскола БЗНС и БРСДП, при доминировании БРП(к) в Отечественном фронте проведение парламентских выборов по единому от ОФ списку, как того требовала компартия, было сочтено оппозиционными деятелями антидемократичным. 26 июля 1945 г. члены БЗНС Н. Петков, Ас. Стамболийский и Г. Йорданов направили письмо премьер-министру (копию – председателю СКК и ее членам, а также регентам) с требованием международного контроля за выборами и их переноса с 26 августа 1945 г. на более поздний срок.

К середине августа политическая обстановка в Болгарии накалилась до предела. 14 августа министры-"земледельцы" подали в отставку в знак солидарности с Н. Петковым, который вышел из правительства двумя неделями раньше. Позиция Н. Петкова и его сторонников получила поддержку западных держав. 20–21 августа США и Великобритания направили болгарскому правительству ноты, смысл которых сводился к следующему: если выборы не будут отложены, то эти страны не признают правительство, которое образуется в результате этих выборов. 23 августа министр иностранных дел П. Стайнов, склонявшийся к поддержке оппозиции, неожиданно для многих членов кабинета и для руководства БРП(к) сделал заявление перед иностранными журналистами о том, что болгарское правительство не возражало бы против возможного решения СКК об отсрочке выборов. Узнав об этом, Димитров был разгневан. "Безобразие! Это скандальное, капитулянтское заявление неизбежно приведет к отсрочке выборов..." – отметил он в своем дневнике [14. С. 494–495]. Так и произошло. Опираясь на заявление Стайнова представителя США и Великобритании в СКК потребовали от своих советских коллег согласиться на отсрочку выборов. В противном случае западные державы пригрозили не признавать их результатов и не заключить мирный договор с Болгарией. Советские представители в СКК были вынуждены уступить. 25 августа, т.е. за день до выборов, болгарское правительство было вынуждено объявить об их отсрочке. 30 августа 1945 г., во время встречи с руководителями БРП(к) Димитровым, Костовым и Червенковым Сталин, обращаясь к присутствовавшему там же Бирюзову, заявил: "Отложили выборы – это была существенная уступка. Больше никаких уступок. Никаких изменений в составе правительства" [14. С. 495]. Однако в это же время прагматик Сталин вынужден был на словах согласиться не только с требованием своих западных союзников перенести выборы, но и разрешить легальное существование оппозиции в Болгарии. В конце августа 1945 г. он дал директивы болгарским коммунистам, суть которых сводилась к ограниченному временным уступкам оппозиционным силам с тем, чтобы лучше подготовиться к новому наступлению на них. Возможно, новая тактика Сталина была связана с проведенными в начале августа США атомными бомбардировками Японии. Они заставили советское руководство стать более уступчивым по всем спорным вопросам американо-советских отношений, в том числе и в Восточной Европе. Сталин рекомендовал болгарским коммунистам разрешить оппозиции легализоваться для того, чтобы ее можно было держать в руках и заставить быть лояльной. "Вы заинтересованы в том, чтобы иметь оппозицию, – поучал Сталин руководство БРП(к). – Если вы будете хорошо работать, вы сможете овладеть оппозицией Петкова и использовать ее в целом ряде случаев" (см. [16]).

В соответствии с этими директивами в августе 1945 г. оппозиционерам было разрешено легализоваться в качестве самостоятельных политических партий. БЗНС – НП (Никола Петков) и БРСДП(о) (объединенная) вместе с некоторыми "независи-

мыми" политиками образовали так называемую лояльную оппозицию Отечественному фронту. Как писал позже в одном из своих предсмертных писем Н. Петков, он "ушел в оппозицию не для того, чтобы бороться против ОФ, не с целью свержения ОФ, а с целью борьбы против отклонений от его программы от 17 сентября 1944 г., против некоторых ошибок и уклонов..." [13. № 7. С. 56]. Отклонения, как это следовало из многочисленных выступлений Н. Петкова, заключались в следующем: БРП(к) не обеспечивает свободной организационной жизни БЗНС и других партий, ОФ превратился в ширму, за которой управляет одна политическая организация – БРП(к), в стране не соблюдаются основные демократические свободы, коммунисты подчинили себе министерство внутренних дел и армию.

В августе 1945 г. была обнародована избирательная платформа оппозиционного блока, в основном повторявшая программные установки БЗНС, альтернативные планам компартии. Их стержень составляла идея "крестьянской кооперативной республики", т.е. кооперативные принципы организации экономики и политическая гегемония крестьянства в обществе. Кооперативные принципы организации экономики были выдвинуты Н. Петковым еще на I съезде комитетов ОФ (март 1945 г.). Демократический потенциал идеи "крестьянской кооперативной республики" (парламент, политические и гражданские свободы, социальное равноправие, трудовая собственность и кооперация как средство ее защиты, уничтожение экономических позиций спекулятивных групп буржуазии) отвечал задачам прогрессивного развития болгарского общества (подробнее см. [17]). Эти идеи были весьма популярны как в деревне, так и среди значительной части городского населения.

"Лояльная оппозиция" выражала, таким образом, общественные настроения, надежды и недовольство значительной части болгарского общества. Премьер-министр К. Георгиев утверждал, что Н. Петков "имеет за собой по меньшей мере половину Земледельческого союза". В. Коларов в письме Г. Димитрову от 19 сентября 1945 г. также подчеркивал, что "влияние Петкова и его силу нельзя недооценивать" (цит. по: [10. С. 167]). Важное значение имело то, что во главе оппозиционного блока стояли авторитетные лидеры, имевшие заслуги в антифашистской борьбе, еще недавно участвовавшие в правительстве, в руководящих органах ОФ, в других массовых организациях.

"Лояльная оппозиция" противопоставляла стремлению коммунистов к политическому господству принципы парламентской демократии, равноправия политических партий. Ее лидеры заявляли, что поддерживают внешнюю политику ОФ, выступают за сотрудничество с СССР, за тесные контакты с балканскими народами, за дружественные отношения с западными державами. Однако оппозиция решительно выступала против захвата коммунистами всей полноты политической и экономической власти, против преследований ими своих политических противников.

"Легальная оппозиция" имела несомненно организованный и массовый характер: после ее оформления в селах и городах возникли многочисленные оппозиционные "земледельческие" организации. Это было ответом рядовых членов БЗНС на постоянное давление и вмешательство компартии в политическую жизнь Союза. Неслучайно некоторые авторы полагают, что Н. Петков и другие лидеры ушли в оппозицию в значительной мере под давлением снизу, ибо со всех концов страны от рядовых "земледельцев" поступали жалобы, что коммунисты и ремсисы (комсомольцы) разгоняют собрания первичных организаций БЗНС, устраивают побоища, изгоняют представителей БЗНС из комитетов ОФ [18].

Таким образом, глубинные корни возникновения оппозиционных сил, прежде всего в БЗНС, крылись, с одной стороны, в объективных социальных условиях, в тех общественных слоях, с которыми были связаны соответствующие партии, а с другой – в самом ходе созидания нового строя в Болгарии, который в значительной степени не отвечал программным целям этих партий.

В своих воззваниях и письмах, распространявшихся по всей стране, Н. Петков и его соратники требовали от правительства демократизации политической жизни. Оппози-

ционные партии издавали свои газеты – "Народно земеделско знаме", редактором которого был Н. Петков, и орган БРСДП(о) "Свободен народ", руководимый талантливым журналистом Цв. Ивановым, вскоре представшим перед судом и впоследствии погибшим в лагере.

Для успеха своей борьбы "легальная оппозиция" стремилась заручиться поддержкой западных держав в лице представителей США и Великобритании в СКК и иностранных журналистов. Учитывая колоссальную поддержку, которую оказывало советское руководство БРП(к), можно считать это попыткой уравновесить силы, противопоставить советскому внешнему фактору западный. Впрочем, поддержка болгарской оппозиции со стороны Запада носила в значительной мере эгоистический характер – она скорее преследовала цель принудить Кремль к уступкам в других спорных вопросах, в то время как с ситуацией в Болгарии западные державы фактически смирились: Лондон соблюдал договоренность с Москвой о взаимном признании интересов в Болгарии и Греции.

Общепризнанным лидером объединенной оппозиции был, несомненно, Никола Петков. Он родился 21 июля 1893 г. в семье Димитра Петкова, видного деятеля Народно-либеральной партии.

В середине 20-х годов Н. Петков изучал право и работал в Париже. В Болгарию он возвратился в 1929 г., а в 1931 г. принял активное участие в организации левого крыла БЗНС – "Александр Стамболийский". На протяжении 30-х годов Петков сотрудничал с прогрессивными и демократическими силами, а в 1938 г. был избран депутатом Народного собрания, откуда вскоре исключен за антиправительственную деятельность. В годы второй мировой войны Петков активно выступал против прогерманской политики правительства, сотрудничал с коммунистами, поддерживал создание Отечественного фронта. В 1943 г. он вошел в Национальный совет ОФ, участвовал в подготовке захвата власти 9 сентября 1944 г. и стал министром первого правительства Отечественного фронта. 28 октября 1944 г. Петков в составе правительственной делегации участвовал в подписании в Москве перемирия Болгарии с державами-победительницами.

Учитывая создавшиеся после прихода к власти ОФ реальности, он видел свою задачу прежде всего в том, чтобы попытаться регулировать начавшийся после 9 сентября процесс преобразований и удерживать его в рамках демократии и законности. Программа Петкова – это альтернатива надвигавшемуся тоталитарному режиму с его однопартийной системой. Задача, которую поставил перед собой Н. Петков, в действительности являлась нереальной – слишком неравны были силы. Цель Сталина в послевоенной Европе – не просто влияние в странах, попавших в соответствии с договоренностями "большой тройки" в сферу советского доминирования, а насаждение в них советской политической и экономической системы. Достижение этой цели ставилось сталинским руководством в прямую зависимость от сосредоточения всей полноты власти в руках компартий, что исключало наличие оппозиции. Ее уничтожение становилось лишь вопросом времени. В 1945 г. это время еще не пришло, и оппозиция была активна. Она избрала тактику бойкота парламентских выборов, рассчитывая дискредитировать ОФ. Однако эта тактика себя не оправдала: на состоявшихся 18 ноября 1945 г. выборах за кандидатов ОФ проголосовало более 88% избирателей [10. С. 230]. Правительства Англии и США, основываясь на оценках своих дипломатических представителей, не сочли выборы свободными и демократичными и не признали их результатов. Таким образом, оппозиция получила моральную и политическую поддержку правительств западных держав и их представителей в СКК.

На Московском совещании министров иностранных дел в середине декабря 1945 г. по настоянию Англии и США было принято решение о том, что советское правительство даст дружеский совет болгарскому правительству о включении в состав кабинета министров дополнительно двух представителей оппозиции и о проведении в 1946 г. новых выборов в Народное собрание. Представители западных держав

заявили, что признают болгарское правительство и установят с ним дипломатические отношения только после выполнения этих рекомендаций.

23 декабря Сталин вынужден был посоветовать Димитрову: "...Подумайте, не могли бы вы включить одного или двух министров из оппозици[онных] кругов, оторвав их от оппозиции. Надо дать им какое-нибудь незначительное министерство. Естественно, вопрос не стоит о Петкове" [14. С. 518]. Однако лидеры оппозиции Н. Петков и К. Лулчев поставили перед премьер-министром К. Георгиевым свои условия: ограничение позиций БРП(к) в органах государственной власти и управления, прежде всего в министерствах внутренних дел и правосудия, роспуск парламента, проведение новых выборов в Народное собрание. Для объяснений со Сталиным в Москву в начале января 1946 г. отправилась делегация во главе с К. Георгиевым. На вопрос Сталина по поводу трудностей в реализации решений Московского совещания К. Георгиев заявил, что "оппозиция выдвигает абсолютно неприемлемые требования". Возмущенный руководитель СССР, просматривая письменный ответ Петкова, заметил: "Формально они признают это соглашение (решение Московского совещания. – Е.В.), а по существу отвергают его. Это обычный жульнический прием". Затем он продолжил: "Очевидно, нам надо вмешаться. Ясно, что ни Петков, ни Лулчев, ни Пастухов не должны попасть в правительство". Тут же возникла идея послать в Болгарию заместителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского, "чтобы он распутал там дела". Отдавая Вышинскому по телефону инструкции в отношении Болгарии, Сталин сказал: "Петков нахально требует реконструкции болгарского правительства и роспуска парламента. Это наглец. Его надо поставить на место так, как поставили румынского короля". На вопрос болгар, что будет, если оппозиция и после приезда Вышинского откажется участвовать в правительстве, Сталин объяснил, что в таком случае ответственность будет падать на советское правительство, а не на болгарское: "Вас могут обвинить в срыве Московских решений, а нас не могут, не посмеют". "Я считаю, – продолжил Сталин, – что положительное решение вопроса лучше для вас и для нас. Но если оппозиция не пойдет на это, то тем хуже для оппозиции. Она погибнет. Обойдемся без нее. Пусть Петков не думает, что СССР и Америка будет воевать из-за него" [15. С. 357–361].

В начале января 1946 г. Вышинский прибыл в Софию. Он провел переговоры с болгарским правительством и с лидерами оппозиции. Н. Петков и К. Лулчев не отступили от своих требований. Пополнение болгарского кабинета министров представителями оппозиции так и не состоялось, что послужило причиной отказа западных держав в дипломатическом признании Болгарии вплоть до заключения мирного договора. В марте 1946 г. было сформировано новое правительство из представителей лишь "отечественнофронтовых" партий. При распределении портфелей были послушно учтены все пожелания советского правительства. 28 марта Сталин через Молотова передал Димитрову указания проводить по отношению к несговорчивой оппозиции следующую политику: всячески игнорировать оппозицию, не вести с ней больше никаких переговоров, но умелыми действиями задушить ее [14. С. 524].

Высшей отметки накал политической борьбы в Болгарии достиг осенью 1946 г. 27 октября предстояли выборы в законодательное Великое Народное собрание (ВНС). "Легальная оппозиция" (БЗНС-НП, БРСДП(о) и независимые интеллигенты) выступила на выборах с единым списком кандидатов, который был назван "Федерация сельского и городского труда". В программе оппозиции подчеркивалось, что она борется против "однопартийного и коммунистического ОФ", за демократическую, независимую республику, основанную на свободе, равенстве, праве собственности и социальной справедливости. Оппозиция призывала своих сторонников не допустить проведения в жизнь "коммунистического проекта конституции, выдвигаемого от имени ОФ". Программа использовала традиционные для болгарского крестьянства и мелкобуржуазных масс города лозунги: добровольное и свободное кооперирование на основе частной собственности, осуществление принципа "Земля тому, кто ее обраба-

тывает", организация кооперативного экспорта и импорта основных товаров, устранение разрыва в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, предоставление ремесленникам возможности свободно развивать частную инициативу [19]. О привлекательности программы для значительной части болгарского общества свидетельствовал внушительный митинг в поддержку оппозиции, состоявшийся в Софии 19 октября.

На этот раз БРП(к), уверенная в своей силе, распорядилась, чтобы каждая входящая в ОФ партия участвовала в выборах отдельным избирательным списком. Выборы продемонстрировали концентрацию голосов избирателей на двух политических полюсах: БРП(к) получила свыше 53% голосов, объединенная оппозиция – свыше 28% [10. С. 314]. Коалиция БЗНСП-НП, БРСДП(о) и "независимых" получила 101 место в парламенте из 465. Учитывая многочисленные нарушения процедуры выборов, запугивание избирателей и фальсификации, можно считать эти результаты серьезным успехом демократической оппозиции [11. С. 99].

После выборов в ВНС главной ареной борьбы против усилившегося господства БРП(к) в экономике и политике для Н. Петкова стал парламент. В связи с первой же декларацией нового правительства (возглавленного вернувшимся 4 ноября 1945 г. в Болгарию Г. Димитровым) Н. Петков с трибуны Народного собрания заявил, что группа депутатов от оппозиции "не признает декларацию правительства, являющегося результатом выборов, проведенных в обстановке угроз, беззаконий, избийений, арестов и убийств, а не свободного волеизъявления болгарского народа. Парламентская группа Болгарского земледельческого народного союза не одобряет внутреннюю, хозяйственную и культурную политику, объявленную г-ном премьер-министром в декларации" [20. Дял. II. Кн. I. С. 83]. Будучи хорошо осведомленным о положении в деревне, Петков отметил: "До сих пор болгарский крестьянин почувствовал следующие результаты политики, проводимой в сельском хозяйстве: незаконное и насильственное кооперирование и конфискация его земли по закону о трудовом земледельческом кооперативном хозяйстве, ...несправедливое и жесткое распределение подлежащих сдаче государству товаров, реквизиций, налогового обложения, трудовой повинности не в соответствии с нуждами и податными возможностями, а в соответствии с партийной принадлежностью гражданина и налогоплательщика" [20. Дял. II. Кн. I. С. 87]. Касаясь внешней политики правительства, Петков заявил о принципиальной ее поддержке, но категорически возражал против попыток правительства убедить СССР во враждебном к нему отношении со стороны оппозиции. Петков осудил также правительственную кампанию против западных держав.

Лидер оппозиции также резко раскритиковал предложенный правительством проект конституции, в котором не соблюдался принцип разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной. "В проекте конституции болгарский народ видит сосредоточение всей власти в руках партии, имеющей большинство в Народном собрании", – сказал Петков и заметил, что подобное положение присуще только тоталитарным государствам. "Рабочая партия захватила всю власть, несмотря на данные до и в день 9 сентября 1944 г. торжественные обещания демократического управления при равных правах и обязанностях, и Отечественный фронт превратился в ширму однопартийного управления – управления РП(к). Посмотрите на новое правительство – в нем нет ничего, кроме Рабочей партии (коммунистов) и личности г-на премьер-министра" [20. Дял. II. Кн. I. С. 84], – заключил лидер оппозиции.

Вторым участком неравной борьбы Н. Петкова против утверждающегося тоталитарного строя была руководимая им газета "Народно земеделско знаме". С ее страниц он разоблачал беззакония политики компартии, участвовавшие случаи нарушения прав и свобод человека в Болгарии. "Редко в истории человечества свобода прессы и право человека свободно выражать свое мнение имели столько фанатичных противников, открыто и тайно стремящихся их уничтожить, как это происходит сегодня, – писал Петков 24 апреля 1947 г., за шесть дней до закрытия газеты. –

Никогда раньше тоталитарная идея диктатуры не была столь тесно связана с насилием над человеческой мыслью и совестью". Терпеть подобные заявления не намеревались ни советская, ни болгарская партийно-государственные элиты.

Лидер болгарской оппозиции стал жертвой новой советской политической линии, направленной в это время на форсирование революционного процесса в Восточной Европе, на ускорение ее советизации. Следуя этой линии, руководство БРП(к) начало разрабатывать сценарий предстоящих ареста и суда над Н. Петковым.

В течение целого года готовилось следственное дело, собирался (а точнее – фабриковался) материал, на основании которого можно было бы обвинить оппозицию и ее лидера в подрыве народно-демократического режима. Самым тяжким, несомненно, могло стать и стало обвинение Н. Петкова в том, что он является политическим организатором государственного вооруженного переворота. Для обоснования связи "оппозиция – военные" были использованы политические процессы против конспиративных военных организаций "Нейтральный офицер", "Военный союз" и "Царь Крум", проходившие в 1947 г. почти одновременно с процессом Петкова. Аресты военных начались в июле 1946 г. С помощью процессов против офицеров компартия стремилась укрепить свои позиции в армии. Подчинение болгарской армии БРП(к) имело особо важное значение еще и потому, что после подписания мирных договоров с Болгарией, переговоры о которых начались в 1946 г., предполагался вывод из страны советских войск.

Прозвучавший во время процесса против организации "Царь Крум" тезис о связи "вооруженного заговора" и "земледельческой оппозиции" уже широко использовался на суде против организации "Нейтральный офицер". 31 января 1947 г. "Работническо дело" опубликовала переданный московским радио материал, озаглавленный: "Превращение оппозиции в странах новой демократии в банды диверсантов, террористов, вредителей и шпионов". В статье прямо формулировался тезис будущего обвинения против Н. Петкова: "Уже полностью установлено, что вожди оппозиции организовали реакционный заговор с целью свержения народной власти путем насильственного военного переворота. Никола Петков хотел сыграть роль кровавого Цанкова. Для успеха этого преступного дела рассчитывали на иностранную помощь... Что еще нужно, чтобы заключить, что болгарская оппозиция вступила на путь измены и предательства?" Так было достигнуто сразу две цели: во-первых, очевидна необходимость "чистки" офицерского корпуса болгарской армии, а во-вторых, разоблачена "заговорщическая" и "предательская" роль БЗНС-НП. Забегая вперед, отметим, что при обыске помещений оппозиционного Земледельческого союза было найдено всего 12 охотничьих ружей, 8 карабинов (из них 4 без затворов), 8 револьверов и 7–8 ножей [18].

Генеральной репетицией судебного фарса по делу Н. Петкова явился процесс против члена Постоянного присутствия БЗНС, депутата парламента Петра Коева. Он обвинялся в том, что во второй половине 1945 – начале 1946 г. подстрекал ряд высших офицеров образовать тайную организацию "Нейтральный офицер", ставившую целью военный переворот. Коев был также объявлен руководителем вымышленного военного центра при руководстве БЗНС [20. Дял. I. Кн. 2. С. 529]. В первый раз Коева арестовали в августе 1946 г. В ноябре он направил из тюрьмы письмо Н. Петкову, которое тот зачитал с трибуны Народного собрания. Зал, затаив дыхание, слушал эти свидетельства жертвы "правосудия" народно-демократической Болгарии: "Допрос продолжался пять дней непрерывно, 24 часа в сутки. Следователи сменялись каждые три часа, я же все это время должен был стоять, закованный в наручники, – без сна, без права прислониться к стене и, что было хуже всего в эти жаркие августовские дни, – без воды. Для человека, который впервые подвергается этому продолжительному террору, неммыслимо выдержать и не подписать все, что ему предложат" [20. Дял. I. Кн. 1. С. 85].

В начале февраля 1947 г. П. Коева вновь арестовали и в течение нескольких месяцев подвергали чудовищным пыткам, чтобы довести до "нужной кондиции" к

моменту начала процесса над Петковым. Не случайно в день своего ареста, в своей последней речи в Народном собрании П. Коев предупреждал, что если после периода "воздействия" появятся какие-либо его "признания", то они будут вырваны у него при "тяжелейших, невозможных и невыносимых условиях" [20. Дял. I. Кн. 2. С. 557]. Излишне говорить, то это заявление Коева не было принято во внимание правительственным большинством парламента. В середине июня 1947 г. он был приговорен к 12,5 годам строгого тюремного режима. Свидетельские показания Коева по делу организации "Нейтральный офицер" по существу стали обвинением против главного секретаря Земледельческого союза.

Итак, материал для нового судебного процесса, который займет особое место и сыграет исключительную роль в послевоенной истории Болгарии, был подготовлен. 28 мая 1947 г. министр внутренних дел А. Югов направил Г. Димитрову докладную записку с информацией о том, что органы госбезопасности располагают данными о "преступной деятельности" Н. Петкова [11. С. 122]. На основе этих данных было составлено письмо прокуратуры, которое председатель Народного собрания В. Коларов зачитал на заседании парламента 5 июня 1947 г. В нем говорилось, что в ходе следствия по делу военных организаций "Нейтральный офицер" и "Военный союз", а также по делу П. Коева было собрано "исключительно много данных, которые бесспорно доказывают, что главным вдохновителем, организатором и руководителем всех этих заговоров является народный представитель Никола Димитров Петков из г. Софии. Из всех этих данных видно, что Никола Д. Петков вместе со своими близкими соратниками нашел в среде реакционно настроенных офицеров лиц, с помощью которых готовились совершить государственный переворот против народной власти вооруженным путем" [20. Дял. II. Кн. 1. С. 115; 21. С. 11].

После оглашения прокурорского письма Коларов добавил, что по закону юридическая комиссия Народного собрания должна представить по данному вопросу свой доклад до конца заседания парламента. Комиссии потребовалось всего полчаса(!) для того, чтобы ознакомиться с "преступлениями" Н. Петкова и единогласно решить удовлетворить требование прокурора о лишении оппозиционного лидера депутатского мандата и об его аресте. После возобновления заседания Н. Петков в последний раз поднялся на трибуну Народного собрания. Основной мотив его выступления – разоблачение существующего режима, защита демократических позиций своей организации, опровержение клеветнических обвинений [20. Дял. II. Кн. 1. С. 149–150]. Далее события развивались так: микрофон отключают, правительственное большинство свистом и криками мешает Петкову говорить. В зал парламента врываются вооруженные милиционеры. Депутаты от оппозиции безуспешно пытаются загородить собой своего лидера, но их жестоко избивают и оттесняют. Н. Петкова выводят из зала и сажают в милицейский фургон [18]. 23 оппозиционных депутата вскоре будут лишены своих мандатов.

Началась непосредственная подготовка процесса. В течение июня Г. Димитров провел несколько совещаний, на которых присутствовали руководители болгарской госбезопасности и советские советники. 11 июня Димитров записал в своем дневнике: "Наши из ГБ и сов[етские] советники по процессу Н.П[еткова]"; 26 июня: "Совещание с друзьями по процессу Петкова" [14. С. 551] ("друзья" – советские специалисты в органах МВД Болгарии). На протяжении двух месяцев Петкову непрерывно устраивали очные ставки. Одних из сводимых с ним Петков не знал вообще, другие являлись его бывшими соратниками или просто знакомыми, с неузнаваемыми от пыток лицами, повторявшие заученную клевету о конспиративной деятельности, совершавшейся якобы по его внушению.

Для защиты Петкова его партия направила пятерых лучших адвокатов страны (позже режим расправится с каждым из них). Но защита была бессильна – сценарий судебного фарса расписали до мелочей. Правительственная печать ежедневно выливали потоки грязи и клеветы на оппозицию и ее лидера. Создается обстановка общественного психоза – как в СССР в 1937 г. "Трудовые коллективы" мобилизованы

для участия в бесчисленных митингах и собраниях, на которых принимаются резолюции с неременным требованием: "Смерть Николе Петкову!"

В конце июля Н. Петкову и обвиняемым по одному с ним делу четырем офицерам был вручен обвинительный акт, проект которого, по свидетельству Димитрова, составили при участии советских юристов и следователей [14. С. 553; 22]. Столь тяжкое обвинение, как "подготовка вооруженного государственного переворота", понадобилось для обоснования высшей меры наказания – смертной казни.

Судебные заседания открылись 5 августа 1947 г. и продолжались 11 дней. Н. Петков не признал себя виновным, отверг все обвинения в конспиративных связях с военными и созданиями нелегальной организации для свержения власти ОФ, отстаивал свои антифашистские, демократические убеждения и приверженность Отечественному фронту и его первоначальной программе [3. С. 187].

16 августа 1947 г. был оглашен приговор: Николе Петкову – смерть через повешение, другим подсудимым, обвиненным в создании тайных организаций, – многолетнее тюремное заключение. На следующий день "Работническое дело" опубликовало приговор Петкову с комментарием: «Никакой пощады могильщику нашей национальной независимости Николе Петкову! Разгон оппозиционного "земледельческого союза" – пристанища фашистов и спекулянтов». Смертный приговор был вынесен фактически не только Н. Петкову, но и возглавлявшейся им организации. 20 августа Димитров, находившийся на лечении в подмосковной Барвихе, направляет Тр. Костову телеграмму с указанием распустить БЗНС-НП, не дожидаясь решения кассационного суда, и аннулировать мандаты его представителей в Народном собрании. Спустя два дня Димитров вновь телеграфирует в Софию: "Мое мнение – распустить союз Петкова полностью – центральные руководства и местные подразделения. Распустить также и его молодежный союз. Здесь полумеры неуместны. Следует действовать решительно, чтобы закрыть эту страницу внутриполитического развития нашей страны и расчистить себе путь для дальнейшего благотворного развития. Не следует слушать заграничную шумиху" [14. С. 557–558]. 26 августа 1947 г. ВНС принял закон, по которому БЗНС-НП был запрещен. Его имущество и архив были конфискованы, все подразделения и секции распущены, парламентская группа лишена депутатских мандатов. Начались массовые аресты сторонников Петкова.

С момента вынесения смертного приговора Н. Петкову до его приведения в исполнение 23 сентября 1947 г. общественность Запада прилагала немалые усилия по спасению лидера болгарской оппозиции. Однако Димитров держался уверенно: ему было известно, что еще в феврале 1947 г. США выразили готовность признать болгарское правительство. Димитрову направили письма и телеграммы все подразделения Всемирной лиги защиты прав человека, глава римско-католической церкви, многие известные общественные и политические деятели Запада. Позиция болгарского руководства оставалась непоколебима: любое вмешательство из-за границы неуместно и недопустимо. Еще во время посещения Димитрова непосредственно после ареста Петкова корреспондентом газеты "L'Humanité" премьер-министр Болгарии заявил: "В этих делах никакое вмешательство извне не поможет ни Петкову, ни кому-либо другому. Я мог бы сказать больше – всякое вмешательство извне может лишь усложнить вопрос, поскольку тогда станет основательным подозрение, что Петков готовил государственный переворот не только со своими соратниками в Болгарии, но и вместе с теми, кто взял его сейчас под свою защиту за границей" [21. С. 7].

Находясь на лечении под Москвой, Димитров несколько раз встречался со Сталиным. На этих встречах обсуждались и вопросы, связанные с процессом над Н. Петковым. Есть все основания полагать, что директивы, которые Димитров направлял в Политбюро ЦК БРП(к) по поводу процесса, отражали сталинскую точку зрения. Она заключалась в том, что Н. Петкову должен быть вынесен смертный приговор, который затем следует заменить на пожизненное заключение. 9 августа Димитров направил радиogramму Тр. Костову и В. Червенкову с указанием: "Следует

дать главному обвиняемому высшую меру наказания при условии, что эта мера будет подтверждена высшим кассационным судом. После подтверждения приговор должен быть заменен председателем суда на пожизненное заключение" (цит. по: [13. № 7. С. 72–73]). Этот план включал в себя идею заставить Петкова после объявления смертного приговора дать письменные показания, в которых он признал бы свою "вину" и полностью "раскаялся". Тем самым организаторы процесса надеялись политически дискредитировать и уничтожить Петкова и демократическую оппозицию.

Выявленные и сравнительно недавно опубликованные болгарским исследователем В. Стояновым архивные документы проливают свет на то, как и почему были написаны предсмертные "покаянные" письма Н. Петкова (см.: [13. № 5, 7]). Однако письма Петкова явно разочаровали членов Политбюро: 13 сентября Тр. Костов пишет Димитрову, что "покаяние Петкова несерьезно и неудовлетворительно" (см.: [13. № 7. С. 74]). В этот же день Политбюро ЦК БРП(к) приняло решение об исполнении смертного приговора. Обсудив в очередной раз вопрос со Сталиным, 17 сентября Димитров сообщил Коларову и Костову о согласии Кремля на исполнение смертного приговора: "После того, как англо-американцы вмешались и предъявили категоричное требование отменить смертный приговор, данный вопрос приобретает для нас уже особое внутри- и внешнеполитическое значение и вызывает необходимость изменить наше первоначальное намерение. Затрагивается непосредственно суверенитет Болгарии, и представляется возможность для нового поощрения реакции в стране. Если приговор не будет исполнен, это будет расценено в стране и за рубежом как капитуляция перед вмешательством извне и поощрит интервентов к новому вмешательству... Приговор следует привести в исполнение, независимо от того, какие заявления сделал бы осужденный. Таково мнение и наших друзей" [14. С. 565] (т.е. советских руководителей). Именно это мнение оказалось решающим в судьбе оппозиционного лидера.

Несомненно, важной причиной изменения первоначального плана в отношении Н. Петкова стало влияние новой ориентации восточноевропейских компартий на непримиримую политическую борьбу против Запада – позже ее назовут "холодной войной". Полным ходом шла подготовка к созданию Коминформбюро – до совещания коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе оставалось всего около недели. В этих условиях кампания на Западе по спасению жизни болгарского оппозиционного лидера вызывала крайне болезненную и острую реакцию руководства Болгарии.

Разгон оппозиционного БЗНС и казнь его лидера означали ликвидацию "земледельческой" демократической альтернативы общественного развития Болгарии. Однако целью компартии были полная дискредитация идей Земледельческого союза, которые исповедовало тогда большинство населения страны, обезличивание "земледельческого" движения в политической жизни Болгарии. С этой целью был организован судебный процесс против Димитра Гичева – последнего из крупных деятелей БЗНС. Гичев – один из создателей и руководитель БЗНС "Врабча I" (правого крыла Союза). В годы второй мировой войны он занимал антигерманские и антифашистские позиции, но отказался войти в Отечественный фронт, руководимый коммунистами. Участвовал в правительстве Муравиева, за что был осужден "народным судом". Как один из самых влиятельных лидеров БЗНС, Гичев был вскоре освобожден при условии, что его крыло "Врабча I" будет бороться против БЗНС-НП. Гичев, однако, пошел на сотрудничество с Петковым, за что и "поплатился". Сценарий повторился – Гичева обвинили в организации саботажа и боевых групп для свержения власти. 16 апреля 1948 г. его осудили на пожизненное заключение. Д. Гичев умер в 1964 г., вскоре после выхода на свободу.

Шел 1948 год. Разгоралась "холодная война", опускался "железный занавес". Монополия компартии на власть в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, уже практически утвердилась. Последним препятствием (пусть уже и формальным) на пути к окончательному установлению однопартийной системы

оставалось существование руководства и парламентской группы оппозиционной БРСДП(о) во главе с К. Лулчевым. 6 ноября 1948 г. против них открылся судебный процесс. Обвиненные в контрреволюционной и антисоветской деятельности, подсудимые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. БРСДП(о) – последняя легальная оппозиционная сила в стране – перестала существовать. БРП(к) начала подготовку к своему V съезду (декабрь 1948 г.), который сыграл решающую роль в советизации Болгарии и в реализации здесь сталинской модели социализма.

Политические процессы 1944–1948 гг. в Болгарии были составной частью становления тоталитарного режима. Провозглашавшиеся коммунистами в народно-демократический период лозунги о лояльном сотрудничестве и равноправии различных партий в рамках Отечественного фронта были сугубо тактическим (и в значительной мере демагогическим) приемом. На практике же от этих лозунгов БРП(к) стала отказываться уже в первые месяцы после прихода ОФ к власти. Под флагом борьбы с фашизмом происходило физическое уничтожение всех тех, кто не был согласен с утверждавшейся гегемонией компартии, кто не хотел примириться с новыми порядками.

Борьба болгарских коммунистов с оппозицией велась в соответствии с интересами советской внешней политики, исходившей из того, что внутренний режим в Болгарии должен отвечать договоренностям "большой тройки" и позициям, которые СССР получил на Балканах по итогам второй мировой войны. Судебные процессы 1947–1948 гг. явились отражением новой стратегии сталинского руководства, вызванной нарастанием противоречий между державами-победительницами в послевоенный период. Провозглашенная с созданием Коминформбюро в сентябре 1947 г. установка на форсированное углубление революционного процесса в странах Восточной Европы, на построение социализма по советскому образцу и советскими методами исключала наличие в этих странах конструктивной оппозиции, отстаивавшей иные варианты общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Въроръжената борба на българския народ против фашизма 1941–1944. Документи. София, 1962. С. 633.
2. Работническо дело. 1944. 18 IX.
3. *Иусов М.* Сталин и България. София, 1991.
4. Държавен вестник. 1944. 6 X.
5. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. М., 1981. Т. II. С. 38.
6. *Мешкова П., Шарланов Д.* Българската гилотина. Тайните механизми на народния съд. София, 1994.
7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).
8. Народна демокрация или диктатура? Христоматия по история на България. 1944–1948. София, 1992.
9. Энциклопедия "България". София. 1984. Т. 4. С. 432.
10. *Иусов М.* Политическите партии в България. 1944–1948. София, 1978.
11. *Гунев Г.* Към брега на свободата или за Никола Петков и неговото време. София, 1992.
12. История Болгарской коммунистической партии. М., 1971. С. 471.
13. *Стоянов В.* Предсмъртните писма на Никола Д. Петков до Георги Димитров и Васил Коларов (19 август – 22 септември 1947 г.) // Исторически преглед. 1991.
14. *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.
15. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
16. *Toshkova V.* The struggle between the USSR and the USA for Bulgaria: a step towards the cold war 1944–1947 // Eurobalkans. Spring 1995. P. 32.

17. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? М., 1993. С. 137.
18. Земледельско знаме. 1989. XII.
19. Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 478.
20. Стенографски дневници на VI Велико Народно събрание. София, 1946–1951. 1946.
21. Защо ще бъде съден Никола Петков? Защо бяха лишени от депутатски мандат 23 опозиционни народни представители? София, 1947.
22. Le procès Nicolas D. Petkov. Sofia, 1947. P. 34–35.

© 1999 г. В.А. ЗУБАЧЕВСКИЙ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНИИ, ПОЛЬШИ, СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1920 ГОДА

30 сентября 1998 г. Комитет по вопросам геополитики Государственной Думы РФ провел совещание "Геополитические итоги Мюнхенской конференции глав европейских держав 1938 года (К 60-летию со дня проведения)" с участием российских и зарубежных политических деятелей и ученых. Депутат от ФРГ в Европарламенте в 1989–1994 гг., редактор журнала "Nation und Europa" Х. Нойбауэр заявил, в частности: "Мюнхен – попытка выдернуть фитиль, зажженный Версальским договором". Предпринимавшаяся западными державами попытка умиротворения Гитлера экс-депутат оправдывал как политику предотвращения новой войны, поскольку сложившиеся после первой мировой войны границы в Центрально-Восточной Европе, по его мнению, являлись искусственными и требовались "справедливые границы" с учетом права народов на самоопределение. По словам другого докладчика, профессора О.А. Ржешевского, "геополитические императивы правых сил неизменны" и требуют нашей адекватной реакции. Неоднозначность происходящих в историографии ФРГ и во всей политико-идеологической жизни страны после объединения Германии процессов подчеркивал и видный германист, профессор А.И. Борозняк: «Выросло влияние тех течений в исторической науке и в исторической публицистике, сторонники которых, выступая под флагом "нового немецкого национализма", пытаются "смягчить" оценки гитлеровского режима» [1].

Объективного исторического анализа с позиций геополитики требуют межвоенные международные отношения в целом и, в том числе, планы Германии, Польши, Советской России в период польско-советской войны 1920 г. Основные принципы германской геополитики обосновал в конце первой мировой войны К. Хаусхофер [2], а "идейно-теоретические и военно-практические основы революционной геополитики закладывались ...большевиками" после образования Коминтерна для того, чтобы «создать сплошное революционное поле, которое соединило бы "социалистический остров" – Советскую Россию, Польшу, Германию и Италию» [3]. Реальные возможности для осуществления своих целей Германия и Россия получили в 1920 г. благодаря геополитическим устремлениям польского "начальника государства" Ю. Пилсудского на Востоке, хотя первые попытки не допустить расширения польского "жизненного пространства" на Западе были предприняты Германией еще в 1918–1919 гг. [4].

Непоследовательность и неконкретность с геополитических, исторических и этнических позиций территориальных постановлений вступившего в январе 1920 г. в силу

Зубачевский Виктор Александрович – канд. ист. наук, доцент Омского государственного педагогического университета.

Версальского мирного договора обусловили конфликтность германо-польских отношений в межвоенный период. И. Риббентроп, в частности, писал: "То, что из-за проблемы Данцига и коридора разразилась германо-английская война, – это трагедия Европы" [5]. Причины второй мировой войны, как известно, многоплановы, и лежат гораздо глубже, но поводом к ее началу явилась указанная проблема. Значимость территориальных вопросов для судеб не только Центрально-Восточной Европы, но и для всей системы европейских международных отношений подчеркивалась еще на заре ее создания. Премьер-министр Италии в 1919–1920 гг. Ф. Нитти отмечал: "Вся система Версальского договора базируется на Польше..., она имеет двойное назначение: отделить Россию от Германии..., и служить военной угрозой для Германии..., нынешняя Польша не может быть долговечной, ... она ... должна будет пасть, когда возродившиеся Германия и Россия пожелают восстановить свои исторические права" [6]. Рефреном Нитти звучит выступление 8 мая 1920 г. секретаря Исполкома Коминтерна К.Б. Радека: "Когда германский империализм рухнул, союзники создали Польшу, чтобы иметь в ней плацдарм для борьбы с одной стороны с Германией, с другой стороны с Советской Россией ... Франции нужна Польша, если дойдет дело до войны между Францией и Германией ... Поэтому Франция помогала отнять у Германии не только польские земли, но и земли, на которых живут немцы, для того чтобы Польша находилась во вражде с Германией" [7].

Действительно, немецкие политики считали статьи Версальского договора по германо-польской границе наиболее уязвимыми, и правящие круги Веймарской республики сконцентрировали свои усилия на борьбе за "возвращение немецких восточных земель" рейху. Польшу версальские постановления тоже не устраивали, поскольку она получила только часть своих исторических западных земель (треть Верхней Силезии, около двух третей Поморья [бывшей Западной Пруссии] – так называемый Польский коридор, три четверти Познанщины), не обеспечила себе широкий и безопасный выход к морю, так как Данциг (Гданьск) в качестве "вольного города" был передан под управление Лиги Наций. Но в связи с тем, что Германия стремилась к ликвидации "Версаля", правящие круги Польши вынуждены были защищать территориальный status quo на Западе, вынашивая одновременно великодержавные геополитические планы на Востоке.

Исповедовавший "федералистскую" концепцию Польши "от моря до моря" Ю. Пилсудский еще 8 апреля 1919 г. в письме своему представителю на Парижской мирной конференции предлагал добиваться обмена "сомнительного Гданьска" на Либаву и Ригу, признавая часть ранее принадлежавших Польскому государству земель "старыми немецкими колониями" [8]. В 1919 г. Польша захватила значительную часть Литвы и Белоруссии, в 1920 г. собиралась восстановить восточные границы 1772 г. и продолжить экспансию вглубь России, ограничив ее суверенитет. 10 января 1920 г. в польское Министерство промышленности и торговли были переданы документы с геополитическим обоснованием юго-восточных захватов: "Более важными для Польши, чем Гданьск, были бы черноморские порты: Польша заняла бы такое положение в отношении восточноевропейских государств, какое сейчас в отношении Польши занимают западноевропейские государства ... Польша не получила бы от Гданьска того, что получит на Черном море. Порты на Балтике будут иметь значение, когда Польша одновременно получит порты на Черном море" [9. Sygn. 146. К. 136–142]. О геополитических планах Пилсудского свидетельствуют также опубликованные в марте 1920 г. эндеками (оппозиционная пилсудчикам буржуазно-помещичья группировка, выступавшая с националистических позиций за более однородное по этническому составу Польское государство) статьи секретного проекта мирного договора с РСФСР, предполагавшие фактическое установление польской гегемонии в Восточной Европе [10. С. 170]. Имея в виду намерения Пилсудского, советский представитель на переговорах с Польшей Ю. Мархлевский предостерегал в марте 1920 г.: "История учит, что именно в результате экспансии на восток Польское государство ослабло и в XVIII веке, вследствие сохранения

магнатской олигархии в сочетании с анархией в государстве, с дезорганизацией его, превратилось в анахронизм милитаристской Европы ... Чем дальше Польша истекает кровью на Востоке, тем больше у немецких контрреволюционеров может усиливаться желание также еще раз поставить на ту же самую карту ... Война против Польши с целью вырвать у нее земли прежнего прусского захвата несомненно была бы популярна не только среди буржуазии, но и даже среди самых широких слоев немецкой мелкой буржуазии" (цит. по: [10. С. 76, 167]).

Свои геополитические замыслы на Востоке польские правящие круги объясняли не только стремлением к восстановлению "исторической справедливости", но и необходимостью освобождения народов Восточной Европы от большевизма. В феврале 1920 г. Пилсудский заявил в интервью французской газете "Echo de Paris": "На штыках несем этим несчастным странам свободу" (цит. по: [11. С. 161]). В межвоенный период официозные польская историография и пропаганда считали аксиомой изначальную подчиненность советской политики в отношении Польши идее мировой революции. Эта точка зрения возобладала в современной польской историографии: часть историков предпочитает не термин "польско-советская", а термин "польско-большевистская война", поскольку она велась "не против поработенных империализмом большевиков россиян" [12; 13. С. 366; 14. С. 13]. Российские и многие западные историки "видят в таком подходе опасность субъективизации исторической науки", так как "Москва в 1919–1920 гг. была очень заинтересована в установлении мира с Польшей и готова была дорого за это заплатить" [11. С. 131].

Отказ советского руководства от соображений военно-политической целесообразности в угоду революционной геополитике произошел не без влияния решений конференции в Спа (заседание Верховного совета держав Антанты 5–16 июля 1920 г.), в ходе работы которой с просьбой к союзникам о помощи в войне против Советской России обратилась польская делегация. Правительство Польши 10 июля согласилось признать своей восточной границей линию, рекомендованную из геополитических и этнических соображений Верховным советом еще 8 декабря 1919 г. В направленной Кремлю 11 июля 1920 г. от имени Антанты ноте британского министра иностранных дел Дж. Керзона предлагалось заключить с Польшей в течение недели перемирие и прекратить наступление Красной Армии на вышеуказанной границе, которая с тех пор именовалась "линией Керзона". Будущая демаркационная линия в Восточной Галиции описывалась в ноте так, будто остававшийся в руках Польши Львов заранее признавался за Советской Россией [15]. Британское правительство тем самым хотело показать свое неодобрение выходящими за этнические границы требованиями Польши, но в условиях войны это выглядело как прямое поощрение к занятию Восточной Галиции Красной Армией.

Уполномоченный СНК РСФСР за границей М.М. Литвинов в телеграмме от 14 июля наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину рассматривал варианты реакции на ноту: "Мы можем играть ва-банк, отвергнув предложение... тянуть эти переговоры до занятия Варшавы и переворота ... Если же игра представляется слишком рискованной, то, приняв посредничество Англии, необходимо требовать гарантии полного прекращения подвоза Польше со стороны союзников амуниции... допущения наших контролеров в Данциг и на важнейшие пункты южной и западной границы Польши" (цит. по: [11. С. 307]). Чичерин считал возможным принять все предложения ноты Керзона, но большинство советских лидеров, включая В.И. Ленина, английское посредничество оценило как признак слабости. 15 июля Ленин дал телеграмму члену Реввоенсовета Западного фронта И.С. Уншлихту, спрашивая его и других польских коммунистов, о возможности "советского переворота в Польше" с установлением ее восточных границ согласно этническому принципу. Уншлихт сообщил: «Советский переворот в Польше с подходом наших войск к ее границам считаем в ближайшее время вполне вероятным при сопротивлении западных областей Польши "Познани", которое может быть сломлено переворотом в Германии» (цит. по: [16]). Подобные соображения возобладали и, переоценив собственные силы и возможности, советское

руководство стало с 20-х чисел июля руководствоваться идеями революционной геополитики.

Позднее В.И. Ленин так излагал логику совершенного в июле поворота: "Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы их победили, когда они на нас наступали. Мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Польши ... Возможна ошибка в ответе на ноту Керзона..., стратегия подчинена политике" [17]. Более откровенно о советских планах писал М.Н. Тухачевский: "Германия революционно клочкотела и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции... Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки... быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией Западно-Европейской" [18].

Интересной представляется оценка изменения советских планов польской стороной. Так, советник посольства в Лондоне Я. Цехановский 27 июля в беседе с сотрудником Foreign Office У. Тиррелом отметил: "В России партия Ленина победила партию Троцкого, иными словами теория идеалистического большевизма победила милитаризм Советов... Для Ленина и его партии территориальные границы не играют роли. Их интересует единственно осуществление мировой революции... Следует допустить, что Польшу не ждут трудности в получении от Советов выгодных для себя территориальных условий" [19. Sygn. 807. К. 103].

Вместе с тем, по признанию Радека, "когда летом 1920 г. Красная Армия стояла под Варшавой, Черчилль... выступил со статьей, где он требовал, чтобы Антанта простила Германии часть ее версальских долгов, чтобы употребить ее в качестве тарана против красных войск" [20]. Действительно, не только Советская Россия, но и Германия попыталась использовать сложившуюся военно-политическую ситуацию для осуществления своих геополитических планов. 16 февраля 1920 г. на заседании комиссии рейхсрата министр иностранных дел Г. Мюллер заявил, что возможная "победа России над Польшей благоприятно повлияет на наше положение в Верхней Силезии и в Данциге..., [но] большевистское правительство в Германии будет иметь под собой почву только тогда, если оно разовьется внутри страны" [21. С. 167].

Наряду с другими факторами, это объясняет принципиальное изменение политики правящих кругов Германии в отношении немецкого национального меньшинства в Польше: если вначале реэмиграция немцев путем оказания "беженцам" финансовой помощи стимулировалась, то с конца 1919 г. принимались решения, поощрявшие немцев оставаться в Польше. 10 января 1920 г. воевода Поморья сообщал об усилении там пангерманской агитации [19. Sygn. 3869. К. 20]. Для координации в Поморье националистической пропаганды в феврале 1920 г. было создано финансировавшееся прусским правительством "Литературное общество Конкордия", штаб-квартира которого находилась в Берлине [22]. Подобные организации создавались и в других западных воеводствах. Весной 1920 г. в связи с намеченным по решениям Парижской мирной конференции на июль плебисцитом в бывшей Западной Пруссии и на юге Восточной Пруссии резко возросла активность немецких националистов. Одновременно, по информации от 17 апреля польского вице-консула в Мариенвердере (Квидзын), немецкие коммунисты в Восточной Пруссии выступили за разоружение националистов и передачу оружия в руки рабочих (чтобы через плебисцитарные территории "открыть дорогу большевикам в Польшу из Восточной Пруссии") и создали в Кёнигсберге бюро для записи добровольцев в Красную Армию [23. Sygn. 4611. К. 107–109]. По сообщениям польской печати, в случае успешного для Германии исхода плебисцита, планировалось провозгласить "вольное государство Западная Пруссия" [24. 22 V].

Но внимание варшавских властей было привлечено не к положению в западных воеводствах и предстоящему голосованию, а к событиям на восточном фронте. Выступавший в апреле–июне 1920 г. с антивоенных позиций орган Польской социа-

листической партии "Robotnik" писал в передовице: «"Освобождаем" Киев, а с Мазуров и Вармии (зоны плебисцита. – В.З.) вызывают к нам голоса отчаявшихся подневольных поляков» [25]. В свою очередь, близкая к эндекам газета "Dziennik Powszechny" отмечала: "Польша не проявила должной энергии в борьбе за Поморье, недооценивая важность его и Гданьска. Это отразилось на настроениях кашубов (обладавшие определенной культурной самобытностью поляки – потомки древних поморян. – В.З.), которые в чисто польских городах голосовали за немецкий список на выборах в польский Сейм" [24. 11 VI]. Развязанная пилсудчиками на востоке агрессия повлекла за собой неблагоприятное для Польши решение вопроса об окончательном установлении ее северных границ. Лишь за четыре дня перед состоявшимся 11 июля голосованием польское правительство обещало населению плебисцитных округов самоуправление и обязалось не брать оттуда рекрутов для войны с Советской Россией. Но германская пропаганда и польская авантюристическая внешняя политика уже сделали свое дело: даже в Мазурах (с коренным польским населением) большинство голосов было отдано за сохранение этой земли в составе Германии, и единственный прямой железнодорожный путь из Варшавы в Данциг был перерезан германской территорией [26. S. 78]. Депутаты западных воеводств докладывали на Совете обороны государства 6 августа: "Варшава и военная администрация не представляют себе точно всей опасности, грозящей Польше с запада... В пограничных германских поместьях и деревнях много оружия и солдат..., часть народа на выборах в Сейм голосовала за немецкий партийный список... Необходимо создать Стражу национальной обороны и другие добровольческие вооруженные объединения" [9. Sygn. 147. К. 214–220]. Используя факты дискриминационной политики варшавских властей в отношении коренного польского населения западных воеводств, немецкие националисты разжигали его недоверие к прибывающим из Центральной Польши полякам, пытались вербовать кашубов в свои нелегальные организации.

В противоположность польским властям западных воеводств, германская администрация восточных провинций смогла извлечь для себя выгоды из сложившейся ситуации. "Neue Preussische Zeitung" 8 мая писала: "Нашим грознейшим противником является Польша..., отражающая французские интересы", но рейх не оказывает достаточной помощи "обороне Восточной Пруссии". Уже 31 мая министр иностранных дел О. Кёстер предложил министру рейхсвера усилить германское военное присутствие в плебисцитных зонах [27]. Из записей в июле сотрудников IV (восточно-европейского) отдела Министерства иностранных дел и командующего рейхсвером генерала Г. Секта следует, что при приближении Красной Армии к русско-германской границе 1914 г. идея возврата "области Коридора" или создания из нее "буферного государства" как "преграды против большевизма" приобрела зримые очертания [28. S. 381–382, 430, 456–458]. Но поскольку внутри- и внешнеполитическое положение Германии тогда не позволяло пойти на подобные конкретные шаги, ее правящие круги ограничились провозглашением 20 июля "нейтралитета" в польско-советской войне. 25 июля президент Ф. Эберт запретил экспорт и транзит военных материалов в Польшу, а затем туда были прекращены поставки важнейших промышленных товаров, что означало экономическую блокаду Польского государства.

Одновременно Германия продолжала подготовку к "возвращению отторгнутых от рейха территорий" после предполагаемого краха Польши. 31 июля Г. Сект писал новому министру иностранных дел В. Симону: "В случае посылки войск Антанты для поддержки Польши через Данциг ... провинции Западная Пруссия и Позен (Познанщина. – В.З.) станут ареной борьбы Антанты и Польши, с одной стороны, России – с другой. Но даже если Антанта не высадит войска..., откатывающиеся польские войска превратят немецкие провинции в руины. Эта вероятность ... должна нас побудить к обращению к русским... Затем последует предложение наших представителей на Лондонской конференции (проходила с 21 февраля по 14 марта 1921 г. – В.З.) о проведении плебисцита для отторгнутых провинций... на основе права на самоопределение народов" [28. S. 466–468].

Пока же рейхсвер и полиция, получив соответствующие приказы, концентрировались на германо-польской границе; готовился захват польских учреждений в Данциге, в котором движение солидарности пролетариата с Советской Россией направлялось в антипольское русло [19. Sygn. 91. К. 31–42]. Польский генеральный комиссар в Данциге в рапорте от 2 августа в Министерство иностранных дел видел в качестве "единственного выхода из возникшей опасности высадку в Гданьске команд нескольких союзнических военных кораблей, находящихся в Балтийском море" [19. Sygn. 91. К. 46]. После изменения ситуации на польско-советском фронте статс-секретарь германского МИД Э. Ганиэль, выступая 17 августа в комиссии рейхсрата по иностранным делам, "рекомендовал" немецкому населению западных польских земель уже самому "принять надлежащие меры к возврату" рейху районов своего проживания (см: [29. S. 29]).

Польское дипломатическое представительство в Берлине в направленном 28 августа в Варшаву сообщении следующим образом оценило эволюцию германских планов: "Немецкие консервативные круги ... полагают..., что большевизация Королевства Польского и Галиции... вызовет добровольный отрыв" от Польши ее западных земель и "в силу обстоятельств последует повторное соединение" этих земель с Германией, которая обещает им "полную автономию". Другая часть германских политических деятелей пыталась "внушить" странам Антанты и Польше, что Германия готова участвовать в "разгроме большевиков" в обмен на "ревизию германо-польской границы". В связи с этим польский министр иностранных дел Е. Сапега в инструкции от 28 июля предложил поверенному в делах Польши в Берлине "уклониться от дискуссии на эту тему", но выяснить возможность прекращения "саботажа" польских поездов с военными материалами "в обмен на уступки в области [германского] транзита через Коридор" (цит. по: [26. S. 22–23, 27–28]). Указанная инструкция польскому поверенному и свидетельства германских дипломатов, казалось бы, опровергают версию итальянского посланника в Варшаве Ф. Томмазини о намерении Пилсудского в момент приближения Красной Армии к Варшаве отдать Германии Верхнюю Силезию, Коридор и Данциг в обмен на немецкую военную помощь против наступающих советских войск [29. S. 27–28; 30]. Но исключить полностью наличие подобных намерений у "начальника государства" тоже пока нет оснований.

В любом случае, независимо от исхода польско-советской войны германские правящие круги, запугивая Антанту "большевистской угрозой", стремились сохранить и даже усилить военное присутствие рейха на востоке [28. S. 252]. Страны Антанты, прежде всего Великобритания, пытались использовать Германию против Советской России, вплоть до планов высадки германских войск на Украине под предлогом "защиты" проживавших там немецких колонистов [28. S. 219]. Такие намерения заставляли советское правительство искать ответные меры. Так, уполномоченный НКВД РСФСР в Германии В.Л. Копп в беседе 12 августа с советником IV отдела МИД А. Мальцаном отметил, что советское правительство "уважает желание немцев" западных польских земель создать автономное государство и не против возвращения Германии "этнографически немецких" территорий "польским большевистским правительством" в случае образования последнего [28. S. 497]. Не исключено, что дальнейшие успехи Красной Армии могли привести Германию к конкретным переговорам с Советской Россией по территориальным проблемам. В какой-то мере свет на возможные шаги германского правительства в этом направлении проливает Сект в докладной записке от 26 июля: "Есть люди, полагающие, что мы должны вынудить Антанту покупать нашу помощь за уступки по договору о мире. Во-первых, они недооценивают того, что массы, охваченные идеями русской революции, никогда не поняли бы этого; во-вторых, они недооценивают того, что Антанта добровольно не откажется от самых существенных требований, касающихся наших границ с Польшей...; в-третьих, они недооценивают того, что сотрудничество с Россией самым

надежным образом и совершенно естественно разрывает мирный договор... Другие люди считают, что мы открыто и немедленно должны принять сторону России. Это было бы тоже ошибочно, так как, во-первых, нам нужно выждать, чтобы определить, какова ударная сила России и достаточна ли она..., чтобы... поддержать нас в случае разрыва между Антантой и Германией, ибо, во-вторых, мы должны приписать вину Антанте, если дело дойдет до разрыва между ней и Германией... Если же Россия нарушит границы Германии 1914 г., то нам из-за этого вовсе не нужно бросаться в объятия Антанты, а скорее следует привлечь на свою сторону Россию путем заключения союза" [21. С. 206–208].

Тем временем польские правящие круги вели антигерманскую и антирусскую пропаганду, пытаясь доказать Антанте, что союз Германии и Советской России – свершившийся факт. 12 апреля польское посольство в Берне сообщило о создаваемой из оставшихся еще в Германии бывших русских военнопленных "армии Гучкова" (А.И. Гучков – эмигрировавший в 1918 г. в Берлин лидер партии октябристов), которая должна объединить антипольские силы для "возрождения великой России" и включить в себя изветсную бригаду Эрхардта (один из организаторов капповского путча). Отмечалось, что на переговорах в Берлине Радек от имени Ленина обещал "создать коалиционное правительство с участием всех российских партий, чтобы с началом большевистского наступления привлечь войска Гучкова против Польши" [19. Sygn. 2. К. 2–3]. В июне–июле центром сбора войск стала Восточная Пруссия [19. Sygn. 2. К. 16]. В фондах "Посольства Республики Польши в Берлине" хранятся копия "Секретного германо-большевистского договора", якобы подписанного 17 июля в Берлине Радеком, Коппом и Мальцаном и предусматривавшего оккупацию Россией Польского коридора и Данцига с последующей их передачей Германии, а также "Договор Стиннес–Копп" о всесторонней военно-технической помощи со стороны Германии Советской России [19. Sygn. 2. К. 36–37]¹. По информации польских военных, имевшееся в Восточной Пруссии большое количество боеприпасов и оружия Германия предполагала передать наступающим советским войскам [23. Sygn. 4477. К. 27]. Польская военная разведка сообщала также, что на северном участке польско-советского фронта в оперативном отделе штаба Красной Армии служили германские офицеры под командованием генерала П. Леттов-Форбека (бывшем главнокомандующем германскими войсками в африканских колониях). Эти офицеры называли "две главные цели большевиков: политическая – захват Варшавы, практическая – форсирование Гданьского коридора для соединения с Германией и отторжения Польши от моря" [19. Sygn. 807. К. 187; 13. S. 234–233].

Но Антанта не оказала Польше ту помощь, на которую надеялись ее правящие круги. Более того, геополитические авантюры Пилсудского на востоке привели к тому, что западные державы утвердили невыгодные для Польши границу с Чехословакией в Тешинской Силезии и ее конвенцию с Данцигом. Переполнившей чашу терпения союзников каплей стал захват 9 октября 1920 г. польскими войсками генерала Л. Желиговского Вильнюса (Вильно), который должен был отойти Литве по польско-литовскому соглашению от 7 октября. 30 октября руководитель польской делегации на переговорах в Париже И. Падеревский писал Сапеге: Англия требует "сурового наказания за Вильно... Поддержка Франции... под влиянием последних событий значительно ослабела... Если мы не подпишем конвенции, то... Англия возьмет в свои руки представительство Гданьска за границей" [31]. 18 ноября, после официального провозглашения Данцига "вольным городом", Падеревский вынужден был подписать Парижскую конвенцию.

Современные польские историки объясняют такое невнимание Запада к польским интересам на востоке "успехами большевистской пропаганды" и непониманием того, что польско-советская война "велась за будущее Старого Континента" и польская победа "подарила Европе более десяти лет относительного мира" [14. S. 166]. На деле

¹ Г. Стиннес – крупнейший германский монополист.

западные державы стремились сохранить напряженность в германо-польских и польско-советских отношениях, чтобы оставить в своих руках рычаги давления на Германию, Польшу, Советскую Россию, а геополитическая направленность политики пилсудчиков способствовала осуществлению их намерений. Более решительная в вопросе защиты западных польских границ позиция эндеков, парализовалась присущим им, как и пилсудчикам, антисоветизмом. Подписанный 18 марта 1921 г. польско-советский Рижский мирный договор означал по сути победу концепции эндеков в вопросе о польских границах и провал "федералистских" планов Пилсудского. Этот договор, явившийся геополитическим и этническим компромиссом, обрек польско-советские межвоенные отношения на затяжную конфронтацию, которая закончилась сентябрьской 1939 г. трагедией II Речи Посполитой. Польский генерал и дипломат Т. Махальский писал в мемуарах: "Установленная в Риге граница не была ни исторической, ни этнографической, ни экономической, ни стратегической. В Риге выяснилось, что война собственно не была нужна, перед киевским походом мы имели возможность получить лучшую границу без боев... Если бы, как этого хотели Падеревский и Сейм, приняли в 1919 г. предложение Ленина, то имели бы не только значительно более благоприятную для нас границу на востоке, но что важнее, отменить эту границу в Ялте было бы для Сталина трудно, если не невозможно. Как мог бы Сталин требовать ликвидации границы, установленной самим великим Лениным" [32].

Что касается правящих кругов Германии, включая руководителей рейхсвера во главе с Сектом, многих дипломатов и политиков, в частности будущего канцлера Й. Вирта (одного из авторов линии Рапалло), то, следуя русофильской прусско-германской традиции, они были заинтересованы в победе Советской России над Польшей. Но, по словам Чичерина, сознавая "противоположность интересов господствующих классов Германии и Польши", германские правящие круги не использовали конъюнктуру "нашей борьбы с Польшей" [33]. Вероятно, они оказались правы, выжидая развития событий, поскольку пресловутое "чудо на Висле" в середине августа привело к отступлению Красной Армии.

Поглощенная борьбой с белыми армиями, Советская Россия не могла в 1919 г. дать должный отпор польским войскам. Но даже после поражения А.И. Деникина советское правительство предлагало в декабре 1919 г., а затем в январе 1920 г. чрезвычайно выгодные для Польши условия мирных переговоров, признавая все польские захваты в Белоруссии, Литве и на Украине. Отказ Пилсудского от мира и начавшееся 25 апреля генеральное польское наступление на Киев привели к изменению советских планов. Последовавшие вскоре успехи Красной Армии способствовали принятию идей революционной геополитики и "советизации" Польши в качестве стратегических целей. Обсуждалось также возможное воздействие военных побед на подъем революционного движения на Западе, в первую очередь в Германии. Но, если судить не по пропагандистской риторике, а по действительным намерениям советских руководителей, то переход Красной Армией западных рубежей Польши исключался. Так, председатель советской делегации на мирных переговорах с Польшей А.А. Иоффе свидетельствует, что Ленин не предполагал развивать военный успех за границами Польского государства (см.: [11. С. 247]). В то же время, в случае формирования в Польше просоветского правительства, не было исключено возвращение им части бывших восточных немецких земель Германии в обмен на предоставление Польскому государству финансовой и экономической помощи, различных льгот и уступок. Подобный гипотетический вариант развития событий мог привести к пересмотру территориальных постановлений Версальского мирного договора и серьезнейшим образом изменить геополитическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе, что имело бы далеко идущие последствия для развития стран этого региона и всей европейской системы международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борозняк А.И.* Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 73.
2. *Андрианова Т.В.* Геополитические теории XX в. (Социально-философское исследование). М., 1996. С. 60–66.
3. *Улунян А.А.* Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919–1938 гг. М., 1997. С. 42, 52.
4. *Зубачевский В.А.* Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918–январе 1920 гг. // Советское славяноведение. 1986. № 3; *Зубачевский В.А.* Из истории становления Версальской системы: дипломатическая борьба вокруг проблемы выхода Польши к морю накануне и в период работы Парижской мирной конференции // Советское славяноведение. 1989. № 3.
5. *Риббентроп И.* Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. С. 210.
6. *Нитти Ф.* Европа над бездной // Волга 1923. С. 250, 251.
7. *Радек К.* Война польских белогвардейцев против Советской России. М., 1920. С. 10, 11.
8. *Pilsudski J.* Pisma zbiorowe. Warszawa, 1937. Т. 5. S. 73.
9. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa.
10. *Черных М.Н.* Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. М., 1990.
11. *Мухомина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.
12. Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1995. Т. IV: 1918–1939. S. 366.
13. *Szczepański J.* Wojna 1920 roku na Mazowszu i Podlasiu. Warszawa; Pułtusk, 1995.
14. *Łukomski G.* Walka Rzeczypospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Poznań, 1994.
15. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III. С. 54, 55.
16. *Leinwand A.* Polska Partia Socjalistyczna wobec wojny polskoradzieckiej 1919–1920. Warszawa, 1964. S. 84.
17. "Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать": Выступления В.И. Ленина на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 16, 22.
18. *Тухачевский М.* Поход за Вислу. Б.м., 1923. С. 30, 31.
19. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Ambasada RP w Berlinie.
20. *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923. С. 70.
21. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. М., 1971. Т. 2 (1919–1922).
22. *Krekele N.* Revisionanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik: Die Subventionierung der deutschen Minderheit in Polen 1919–1933. Stuttgart, 1973. S. 22–24.
23. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Ministerstwo Spraw Zagranicznych.
24. Dziennik Powszechny. 1920.
25. Robotnik. 1920. II V.
26. *Krasuski J.* Stosunki polsko-niemieckie 1919–1932. Poznań, 1975.
27. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Müller I: 27. März bis 21. Juni 1920. Boppard am Rhein, 1971. S. 299.
28. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Göttingen, 1985. Ser. A: 1918–1925. Bd. III. I. Januar bis 30. September 1920.
29. *Höltje Ch.* Die Weimarer Republik und das Ostlokarno-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919. Würzburg, 1958.
30. *Laeuen H.* Polnisches Zwischenspiel: Eine Episode der Ostpolitik. Berlin, 1940. S. 64–66.
31. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. Wrocław, 1974. Т. II. S. 548.
32. *Machalski T.* Pod prad: Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 r. Londyn, 1964. S. 24.
33. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 158.

© 1999 г. В.Л. ЦЫМБУРСКИЙ

ПРАСЛАВЯНСКОЕ *OSTROVЪ: К ПЕРЕСМОТРУ ЭТИМОЛОГИИ

Этимологию, формально и семантически корректную, обычно бывает невозможно "опровергнуть" в буквальном смысле, т.е. доказать ее недостоверность. Как правило, "пересмотр" этимологии сводится к альтернативному истолкованию, встраивающему этимологизируемое слово в иной ряд межъязыковых соответствий. Таким "пересмотром" на деле создается лишь конкуренция версий, соревнующихся в охвате материала и объяснительной силе. При этом новая трактовка, ища преимущества, неизбежно должна обратить внимание на такие аспекты функционирования слова, которые старая этимология считала позволительным оставить без внимания.

С Ф. Миклошича в славянском и индоевропейском языкознании утвердилось стандартное объяснение группы слов, отражающих праслав. **ostrovъ* 'земля среди вод'. К этой группе принадлежат ст.-слав. *ОСТРОВЪ*, болг. *остров*, серб.-хорв. *острво*, словен. *ostròv* (род. пад. -*òva*), чеш., слвц. *ostrov*, польск. *ostrów* (ныне вытесненное словом *wyspa* собственно 'насыпь'), н.-луж. *wotšow*, русск. *остров*, укр. *острів*. Этимологи усматривают за ними префиксальное образование **o(b)-strovъ*,

родственное слав. **struja*, лит. *rovė* 'течение', греч. *ροή* то же, нем. *Strom* и т.д. и якобы трактующее остров как нечто, "окруженное струями". На правах точного славянского же аналога указывают серб.-хорв. *оток* 'остров' [1. S. 334; 2; 3; 4. P. 29; 5. S. 420; 6. Т. III. С. 165; 7. S. 1003; 8. S. 1680].

Надо сказать, что семантическая модель, связывающая понятие "остров" с идеей воды, водного окружения, преобладает среди индоевропейских слов с этим денотатом. Напомню лат. *insula* <**eni-salā* '(земля) в море', др.-англ. *īgland*, др.-исл. *eyland*, *ey* и т.д. с той же основой, что в гот. *ahwa*, лат. *aqua*, сюда же нем. *Aue* 'луг', т.е. "земля, прилегающая к воде". По той же модели построены др.-инд. *dvīpa* <**dwi-Npos* 'окруженный водой с двух сторон' (во второй части – ступень редукции от *apa* 'вода' <**Nepos*, хет. *ḫapaš* то же) и, наконец, лит. *salà*, сближаемое с *salti* 'таять, течь' и предположительно возводимое к префигированному **api-sala* 'обтекаемая (земля)' [4. P. 29; 9]. При подобных параллелях, казалось бы, не было оснований сомневаться в аналогичной "внутренней форме" слав. **ostrovъ* – если бы не факты, намечающие, при всей видимой их маргинальности, совсем иную возможность.

Но прежде чем к ним обратиться, следует оговорить, что очерченный тип обозначений для острова в индоевропейских языках – хотя и исключительно популярный, но не единственный. Так, германские языки дают нам ряд слов с этим смыслом от корня **kel-* 'выситься, торчать', каковой едва ли не тождествен омонимичному **kel-* 'колоть (-ся)', слав. **kolti*. Др.-исл. *holmr*, *holmi* 'остров', др.-англ. *holm* 'остров,

морской вал' родственны греч. *κολώνη* 'холм', лат. *collis* то же, *columna* 'колонна', др.-англ. *hyll* 'холм', нем. *Holm*, также лит. *kálnas* и лтш. *kalns* 'гора'; кроме того, ср. лтш. *kalva* 'холм, остров на реке' при лит. *kalvą* 'небольшой холм' [7. S. 544]. "Остров на фоне водного пространства" у индоевропейцев сосуществует с островом, воспринимаемым просто как род выступа над ровной поверхностью, земной или водной, вспомним ирл. *inis* "остров" <**eni-sti-* "стоящий-посреди" [4. P. 29]. Эти две мотивировки – основные, помимо них упоминания заслуживает разве что новопольское представление об "острове" как "насыпи" (однако примером смыслового движения от идеи "холма" к акту "насыпания" может служить англ. *to hill* "насыпать").

С учетом подобной типологии очень любопытно греч. *νήσος*, др. *νάσος* 'остров'. Преподносимое в авторитетных словарях как форма без надежной этимологии [10. S. 317; 11], оно, как выясняется, допускает два или даже три варианта этимологизирования, которые покрывают чуть ли не весь спектр известных "внутренних форм" для понятия "острова". Были попытки связывать его с греч. *νήθω*, вар. *νήχω* 'плавать, пребывать в водах' <**snā-dh-*, **snā-gh*, ср. лат. *nare* и т.д. [4. S. 29]. По примеру польск. *wyspa* для *νήσος* можно бы зарезервировать шанс сближения с греч. *νήεω*, *νέω* 'наваливать, насыпать', pf. pass. *νένησμαι* без явных связей (ср. может быть, др.-инд. *násate* 'собираться, присоединяться'). Но, помимо этих возможностей, в XIX в. Ф. Бопп, а в XX в. В. Пизани доказывали родство *νήσος* с и.-е. *nās-* 'нос; выступ, мыс' [10. S. 317; 12]. При этом Пизани ссылаясь не только на др.-англ. *nose* 'мыс', англ. *ness*, др.-исл. *nes* то же, на франц. *nez* и нем. *Nase* в смысле 'возвышение, мыс', но и на одно из значений русск. *нос* в словаре Даля – 'земля, берег, выдавшийся в воду, обычно несколько возвышенный' [13]. Формально допустима любая из этих трех этимологий, и среди них осмысление острова как "плывущего", т.е. "погруженного в воды", не имеет никакого преимущества. Достоинствами цельнолексемного сопоставления скорее обладает возведение *νήσος* к **nas-so-*, лат. *nasus* и т.д., представляющее остров, по типу др.-исл. *holmr*, выступом над гладью.

Очертив типологический фон, перейду к славянским данным, работающим на переосмысление формы **ostrovъ*. Оправданно начать с лужицких языков, где нижнелужицкому *wotšow* 'речной остров; возвышенность, подобная острову' фонетически безукоризненно соответствует в.-луж. *wotrow* 'укрепленное место; крепостная стена', 'befestigter Ort; Burgwall' [8. S. 1680; 14], о котором мнения этимологов резко расходятся. М. Фасмер зачисляет его, без уточнения семантической стороны, в один ряд с продолжениями **ostrovъ* [6. Т. III. С. 165]. Ф. Безлай трактует значение 'укрепление, палисад' как новое развитие старой семантики "остров" [15. S. 259], а Х. Шустер-Шевц вообще отрицает наличие аппеллативных отражений **ostrovъ* в верхнелужицком, хотя и допускает пережиток этого слова в топониме *Wotrow* (= Остро) [8. S. 1680].

Между тем в.-луж. *wotrow* 'крепость' по смыслу можно бы сравнить с некоторыми употреблениями слова "остров" в древнерусском. Например, с характеристикой Чюнера (Джуннара), города и святилища на высокой горе в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина: "Чюнерей же град есть на острове на каменом, не одѣлан ничѣм, Богом сотворен" [16], или с названием *Остров* для царской резиденции XVI–XVII вв., пребывавшей на крутом прибрежном холме Москвы-реки. Эти случаи подтверждают древность засвидетельствованного по русским диалектам XIX–XX вв. использования "остров" в значениях 'старинный курган, могильник' (владимирск., 1857 г.), 'возвышение, гряда, грива среди равнины' (челябинск., тобольск.) [17. Вып. 24. С. 81 и след.]. Верхнелужицкое слово, значащее "крепость", при н.-луж. *wotšow* 'возвышенность, подобная острову', др.-русск. и русск. диал. *остров* 'гора, холм', четко вписывается в известную модель Berg: Burg. С другой же стороны, наличие подобных смыслов у рефлексов праслав. **ostrovъ* на западной и восточной окраинах славянского ареала

заставляет, как я покажу ниже, задуматься над возможностью генетической связи этого словопонятия с гнездом форм, которые, насколько мне известно, этимологами по данному поводу не принимались и не принимаются в расчет.

Это следующий ряд: серб.-хорв. диал. *дстрва* 'кол для сушки клевера' (Хорватское Загорье), 'лесенка перед домом для вешанья ружей' (Чрна Гора), словен. *ostřv*, род. пад. -*rvi* 'кол в стогу сена', вар. *sřv ostřvo, ostřva* то же; чеш. *ostřev*, род. пад. -*rve*, ст.-чеш. *ostrva* 'ствол с сучьями, служащий в качестве лестницы или для сушки фуража', словц. *ostrva*, вар. *ostrv* 'сушилка для клевера, травы в виде столбика, жердочки с поперечными плечиками или в виде пирамиды из трех жердей', ст.-польск. *ostrew*, вар. *ostrwa* в описаниях гербов 'ствол с длинными сучьями', польск. *ostrew*, род. пад. -*rwi* 'жердь с сучьями или с колючками для сушки сена, хлеба, конюшины; род. лестницы в виде столба с торчащими в обе стороны поперечными жердочками'; русск. диал. *бстрбв*, вар. *бстрбвь* 'нетолстое срубленное дерево с подрезанными сучьями', 'вбитый в землю кол, вокруг которого мечут стог', 'кол с сучьями для подсушки снопов, сена, льна' и т.д., мн.ч. *бстрбви* 'колья с заостренными концами', *бстрбвыи* (арх.) 'вбитые в ряд шести, жерди, служащие остовом длинного стога', укр. *острбва* 'заостренный кол для навешивания сена', *остерва, остурва* 'тонко расколотое дерево для переплетения ограды' (по данным Миклошича, XIX в.) [18; 19; 5. S. 420; 15. S. 259; 20; 21; 22. S. 868; 23; 17. Вып. 24. С. 81, 82, 84; 1. S. 227]. Этимологический анализ этих слов, доходящий до их праславянских и индоевропейских истоков, неожиданно открывает возможность по-новому объяснить славянское наименование для *острова*, как бы далеко по смыслу оно не отстояло – на первый взгляд – от этой группы.

Еще Миклошич и А. Брюкнер возвели данные термины для кола, жерди и т.п. к и.-е. **ak-* 'острый, острие' [1. S. 227; 24]. Сегодня этимологи обычно усматривают за ними всеми единый прообраз в виде **ostrъvъ* (женского рода), соотносящийся с прилагательным **ostrъ* 'острый' [15. S. 259 и след.]. Правда, от этой праформы фонетически несколько отклоняются такие образования, как польск. *ostrzew*, род. падеж -(e)*wia* 'жердь из ствола ели или пихты с длинными сучьями, служащая в стоячем положении лестницей, а в лежащем – козлами, барьером, шлагбаумом' и укр. *острева́* 'ствол дерева, обычно его верхушка в несколько аршин длины, поставленный вертикально, вокруг которого кладут снопы или сено в стог' [22. S. 875; 25; 26]. Для них, похоже, приходится постулировать вторичную, промежуточную праформу **ostrъvъ*, происходящую из более ранней **ostrъvъ*, с известным факультативным развитием *ъ > ь* перед смягченным согласным [27] (кроме того нужно отметить и переход польск. *ostrzew* в "мягкую" разновидность имен мужского рода I склонения).

Бросить вызов реконструкции **ostrъvъ* пытался лишь В. Махек [5. S. 420]. Но его весьма причудливая идея насчет некоего скрещения праслав. **kostrъba* 'кострика' и **ob-zordъ* 'огражденное место для стога, сушки сена и т.п.' (русс. диал. *зород, озород*, укр. *озород*, блр. *азарод*) семантически гадательна и фонетически авантюрна, как многие иные предположения этого автора, работающего на пределе или даже за пределами возможностей научной этимологии. Самое большее, можно допустить сближение и контаминацию **ostrъvъ* и **kostrъba* в чешских и словацких вариантах к *ostřev / ostrva* вроде *ostrb(a), ostrbja, kostreba* и т.п., от которых отгалкивается Махек. Однако такое "скрещение" форм, по-видимому, не выходит за границы чешско-словацкой диалектной области.

Думается, реконструкция **ostrъvъ* неоспорима. Но принимая ее, было бы неверно на ней останавливаться. Ибо славянские языки предоставляют достаточно информации для восстановления более раннего вида основы.

Склонение рефлексов **ostrъvъ*, в общем совпадая со склонением по соответствующим языкам старых имен на этимологическое и.-е. слав. *-у (**kry, *bry, *mъrky* и т.д.), позволяет предположить древнюю форму **ostry*, род. пад. **ostrъve*. С этим согласу-

ются и серб.-хорв. *о́стрва*, ст.-чеш., словц. *ostrva*, ст.-польск. *ostrwa*, укр. *о́стрѡва*, *о́стрѡвѧ*, вполне аналогичные, скажем, отражениям **trьky*, род. пад. *-*ve* в серб.-хорв. *мр̀ква*, словц. *mrkva*, русск. диал. *мѡрквѧ*, укр. *мѡрква* [6. Т. II. С. 655 и след.]. Так мы получаем корреляцию слав. **ostrь* 'острый': **ostru* 'заостренный кол', собственно 'острие, заострение', подобную известным праславянским парам **l'ubь* 'любимый': **l'uby* 'любовь'; **cělь* 'целый, здоровый'; **cělъ* 'исцеление, здоровье' [28. Вып. 3. С. 181; Вып. 15. С. 185 и след.], хотя и с оговоркой насчет большей предметности семантики **ostru*, как она запечатлелась по живым языкам. В то же время из этой платформы могло непосредственно возникнуть русск. диал. *о́стрѡв* 'кол, шест', о вторичности которого думать нет оснований. Скорее, надо допустить существование наряду с **ostru* > **ostrъvъ* тематического имени **ostrōvъ* – и эта вариантность позволяет сделать следующий шаг в реконструкции.

Я полагаю, этот шаг может опереться на точное соответствие между дублетами **ostru*/**ostrōvъ* и колебаниями в оформлении праславянского наименования для жернова. Как известно, в последнем случае **zьrnu*, представленное в ст.-слав. ЖРЪНЪИ, род. пад. ЖРЪНЪВЕ, соседствует с **zьrnovъ*, давшим ст.-слав. ЖРЪНОВЪ, чеш. *zernov*, польск. *żarnów*, русск. *жернов*. Фасмер по праву объясняет эту картину различными преобразованиями старой этимологической основы на -*u* краткое, о которой свидетельствуют лтш. *dzirnis* 'мельница', гот. (*asilu*)-*quairnis* '(вращаемый ослами) жернов' и, с различными расширениями, лтш. *dzirnavas*, прусск. *girnoywis* [6. Т. II. С. 49]; в последней форме В.Н. Топоров видит графическую передачу звучания *girnoywis* [29]. Думается, подобно тому, как за колебанием **zьrnu*/**zьrnovъ* встает **zьrnъ*, род. пад. **zьrnu* < и.-е. **gʷrnis*, точно так же за вариантами **ostru*/**ostrōvъ* просматривается прототип **ostrъ*, род. пад. **ostru*, в свою очередь предполагающий и.-е. **ak'ru* или **ok'ru* 'острие'.

Очевидно, что польск. *ostrowie* 'оконная решетка в оборонительных сооружениях' и русск. диал. *о́стрѡвье* 'жердь', мн.ч. *о́стрѡвья* [17. Вып. 24. С. 84] надо присоединить к явным доказательствам развития словообразовательного типа на -*ovъje* из исторических *u*-основ, наряду со **stanъ*: **stanovъje* и т.д. Сюда же относится и русское диалектное (псковск.) *о́стрѡвье*, *о́стрѡвье* 'сооружение из жердей с сучьями, на которое навешивают лен для просушивания' [17. Вып. 24. С. 77], где нет необходимости видеть след вторичной праформы **ostrъvъ*: звучание суффикса здесь скорее объясняется тем же, отличающим псковский говор комбинаторным развитием, которое диалектологи отмечают в глагольных формах *мѧйу*, *рѧйу* вместо *мою*, *рою* [30]. Ведь позиция перехода *o* > *je* в псковск. *о́стрѡвьѧ/о́стрѡвье* точно та же, что и в *мѧйу*, *рѧйу* – под ударением после твердого согласного (сонорного) перед следующим йотированным слогом.

Воссоздаваемое по славянским данным и.-е. **ak'ru* (или **ok'ru*) в первую очередь можно соотнести с основой литовского атематического прилагательного *aštrūs* 'острый', жен. род. *aštrī*. Это имя с исторической баритонезой рассматривается иногда как позднее образование по сравнению с тематическим ст.-лит. *aštras* [31. С. 58]. Правда, показания большого "Словаря литовского языка" (2-е изд. Вильнюс, 1968 –) на этот счет не так уж однозначны. Действительно, *aštras* фиксируется по текстам с последней трети XVI в., тогда как *aštrūs* отмечается с начала XVIII в. (под 1701 г. в переводе Нового Завета, Лук. 3, 5: *aštrūs kelias pramintas* – "неровный путь гладок [стал]"). Однако образованное от атематической основы наречие *aštriai* "Словарь" знает с середины XVII в. [32. S. 340, 343]. При ограниченности литовского текстового материала XVI–XVII вв. отражение атематических форм с запозданием менее чем на столетие по сравнению с тематическими едва ли может быть неоспоримым основанием для датировки возникновения первых. Но меня сейчас интересует другое. Рекон-

струируемое праславянское имя **ostrъ* с основой на *-u* точно отвечает сохранившемуся пережиточно в литовских диалектах, в том числе в переносных значениях, имени среднего рода *aštrù*, ср. приводимый "Словарем" пример из вилкавышского диалекта Ma(n) negaliu per aštru valgyt ("Не могу есть слишком острое") [32. S. 343]. Не исключено, что изначально для балтийского, как и для славянского праязыкового состояния следует допустить одновременное наличие тематического прилагательного, восходящего к и.-е. **ak'ro-* (лит. *aštras* = слав. **ostrъ*, далее ср. греч. ἄκρος, лат. *acer*), и субстантива, выражающего идею "остроты" и представляющего и.-е. **ak'ru* либо **ok'ru* (лит. диал. *aštrù* = слав. **ostrъ*, *-u*, преобразованное в **ostru* и **ostrovъ*). На базе такого имени качества, видимо, и возникло новое атематическое прилагательное *aštrús*. Толчок к этому могло дать переосмысление существительного среднего рода на *-u(aštrù)* по аналогии с несклоняемыми предикативными формами прилагательных типа *gražù*.

Помимо балто-славянского ареала основу **ak'ru-* обнаруживаем на Балканах в глоссе Гесихия ἄκροῦν. ὄρος κορυφή "вершина горы" и, с суффиксальным расширением, у того же лексикографа в форме ἄκροῦνοι. ὄροι "межевые камни, рубежи", помеченной как македонское слово. Если смотреть шире, то слав. **ostrъ*, *-u* 'острие' попадает в ряд иных индоевропейских рефлексов **ak'-r-/*ok'-r- < *Hok'-r-*, с разными вокальными расширениями – и в их числе мы видим не только др.-инд. *áçrī* 'острие', но и греч. ἄκρη 'выступ, высота; мыс, морская коса', ἄκρίς 'горная вершина', композит *ἄκρό-πολις* 'крепость на возвышении, кремль, акрополь', далее греч. ὄκρίς 'обрывистый', лат. *ocris* 'обрывистая гора', умбр. *okar* 'крепость, твердыня' (в молитвах Игуинских таблиц). Потому, возвращаясь к славянскому материалу, я считаю себя вправе поставить вопрос: нельзя ли усмотреть ту же индоевропейскую основу и в **ostrovъ* 'суша, возвышающаяся среди вод', также по отдельным языкам – 'гора, холм, курган' (др.-русс., русск. диал.), 'подобное острову возвышение на местности' (н.-луж.), 'укрепленное место, крепостная стена' (в.-луж.)?

Дополнительным доводом в пользу подобной интерпретации может быть круг значений, отмечаемых у родственных **ostru* славянских слов **ostrogъ/*ostroga*. Это ст.-слав. ОСТРОГЪ = греч. χάραξ 'кол, жердь, ограда', серб.-хорв. *Ostromog* название горы, *òstroga* 'шпора', болг. *ocmpòg* 'шесть в стогу', чеш. *ostroh* 'мыс', по толкованию Махека, 'выступ земли при слиянии двух потоков или на стыке двух долин', польск. *ostróg* 'крепость' при чеш. *ostroha* и польск. *ostroga* 'шпора'; др.-русск. *ocmpog* 'самый край горы' (1650), 'крепость', русск. *ocmpog* 'тюрьма' при *ocmpogá* 'жердь для накалывания рыбы', 'шпора', по ср. диал. *ocmpòga* 'острый мыс' [6. Т. III. С. 166; 5. S. 420]. Как видим, у этих образований от основы **ostr-* значения 'жердь, шпора', 'край горы, мыс, земля среди вод', 'крепость' оказываются конкретизациями единого корневого смыслообраза. В таком случае, что мешает генетически объединить **ostru / *ostrovъ* 'кол, шесть, жердь' и **ostrovъ* 'остров', 'холм, гора', 'крепость', как дающие в совокупности тот же пучок смыслов для основы от того же корня?

При этом в.-луж. *wotrow* оказывается особенно интересно возможностью двойной семантической мотивировки. По линии модели *Berg : Burg* это слово причастно значению 'возвышение, холм', но вместе с тем как наименование для "крепостной стены, палисада" оно трудно отделимо от уже упоминавшихся польск. *ostrowie* 'решетка в оборонительных сооружениях', русск. диал. *ocmpòvu, ocmòвья* 'вбитые в землю колья'. Паронимия, наблюдаемая в польском, где *ostrowie* – это и 'решетка', и 'остров' (устар.), и в русских диалектах, где имеем *ocmpòвья* 'колья', но *ocmpòвья* 'острова' [17. Вып. 24. С. 84], – эта паронимия, проецирующаяся на праславянский уровень, в лужицких языках обретает свойство вторичной синкретизации уже и так изначально родственных основ с семантикой "возвышения" и "ограды", имеющих общую этимологическую внутреннюю форму "торчания, остроты". Еще раз вспомним германские именованья острова как "выступа, мыса", скорее всего, от того же корня

*kel- 'торчать, выситься, колотья', что представлен в слав. *kolъ 'кол, шест, подпорка и т.д.', а заодно в композите *često-kolъ 'ограда, палисад'.

Я усматриваю лишь один серьезный контраргумент, который мог бы быть выставлен против предлагаемой этимологии. В глаза легко бросаются акцентные различия по русским диалектам между *óстров* 'остров, курган и прбч.' и *ostróv* 'кол, жердь', а особенно между дериватами от них: ср. такие пары форм, как *островина* 'остров, отмель', но *ostróвина*, вар. *островина* срубленное нетолстое дерево без сучьев, шест или длинный кол'; *островище* 'низкий, заливаемый водой или подводный остров, крупная мель, едва прикрытая водой', но *ostróвище* 'воткнутый в землю кол, вокруг которого ставятся снопы'; *островник* 'архипелаг', но *островник* 'срезанное нетолстое дерево'; *островья́* 'острова', но *ostróвья* 'вбитые в ряд шесты, жерди' [17. Вып. 24. С. 81–84]. Я признаю, что на первый взгляд эти факты могут быть использованы против гипотезы, генетически отождествляющей акцентно различающиеся основы, и хочу сейчас обстоятельно обсудить это предвидимое возражение.

Согласно славянской акцентной реконструкции В.М. Иллича-Свитыча и В.А. Дыбо, слав. *ostrъ < и.-е. *ak'ros принадлежит к индоевропейскому баритонированным основам с краткостным корневым слогом, который в славянском обычно теряет свое ударение [31. С. 58; 33. С. 21]. У таких основ производные с суффиксом -ov- – все равно, выступает ли он в своей обычной роли показателя отыменных прилагательных (типа **hobrónъ*) или включается как "интерфикс" в суффиксальные цепочки -ov-*ije*, -ov-*ina* и т.д. – получают устойчивое ударение на этом элементе [33. С. 126, 155, 173]. И в самом деле, хотя в **ostrónъ* 'кол, жердь' суффикс -ov- парадоксальным образом выполняет не атрибутивную, но, напротив, субстантивирующую функцию, однако целая лексическая серия, порожденная от этой основы в русских диалектах, строится сообразно с правилом, выведенным Дыбо: *ostróv*, *ostróвище*, *ostróвник*, *ostróвина*.

Правда, судя по "Словарю русских народных говоров", наблюдаются два отклонения от этого правила. Во-первых, в некоторых диалектах (псковском, новгородском, тверском, пермском) чередуются варианты *ostróвина* и *островина* в одном и том же значении 'срубленное дерево' и т.п. Но, похоже, что это отклонение мнимое. Думается, русск. диал. *островина* с данным значением может восходить не к слав. **ostrovina*, а к **ostróvina*, каковое, будучи образовано от **ostróvъ* и потому не содержа "интерфикса" -ov-, закономерно следует модели **travá*: **travína* [33. С. 173].

Во-вторых, в нескольких говорах, наряду с *ostróvъ*, *ostróv* 'кол, жердь' наблюдаются более редкие варианты с оттягиванием ударения на первый слог: *óстров* и *óстровь* [17. Вып. 24. С. 82, 84 и след.]. Они усложняют картину, и о них ниже придется говорить особо.

Что же касается праслав. **ostrovъ* 'земля среди вод', то его Дыбо, ссылаясь на прилагательное **ostrovьskъjъ*, русск. *островскóй* и на древнерусские предложные сочетания с переходом ударения на предлоги *во острова*, *на островъ*, *на остров*, относит к основам с подвижным акцентом: это индоевропейская окситонеза, дающая в славянском колебание места ударения между началом фонетического слова и окончанием или элементом, предшествующим окончанию [33. С. 70]. Отсюда в самом деле выводятся *óстров*, *островина*, *островище*, *островник*, *островья́*.

Однако при этом жестко развести прилагательное **ostrъ* и существительное **óstrovъ*, основываясь на различии их акцентных свойств, все равно не удается. Как показывает тот же исследователь, многие тематические существительные мужского рода, изначально принадлежавшие к баритонированной парадигме, очень рано в славянском – в отличие от прилагательных – переходят в парадигму подвижную (в их числе такие, как **rogъ*, **gordъ*, **zqbъ* и др.). Они утрачивают первичную акцентную характеристику основы, так что она пережиточно отражается лишь в некоторых ок-

раинных хорватских диалектах [31. С. 119; 33. С. 22]. Ударение слав. **óstrǫvъ* 'земля среди вод' и его производных легко может быть объяснено как раз таким переходом. Вопрос как раз в том, почему этот переход не охватил в русском продолжение слав. **ostrǫvъ* 'кол', – точнее, охватил лишь на правах крайне редкого факультативного варианта, например, в вологодском диалекте, где в конце XIX – начале XX в. фиксируются в этом значении и *острѡв* и *бстрѡв* [17. Вып. 24. С. 82]? И почему он никак не проявляется в образованиях от этой последней основы?

Я считаю, что это следует связать с аналогическим воздействием формы *острѡвь* < **ostrǫvъ* < **ostrŭ*, сохранившей старое насуффиксальное ударение и закрепившейся исключительно в значениях 'жердь, кол', не проникая в сферу местообозначений. Согласно "Словарю русских народных говоров", этот термин засвидетельствован в таком виде от Перми до Пскова и от Архангельска до Костромы. Лишь в небольшой группе говоров появляется окказиональный вариант *бстрѡвь*. Возможно, он достаточно ранний, если его обусловил уход ударения с этимологического редуцированного. Достаточно отметить, что именно прототип **óstrǫvъ* способен предшествовать тому **ostrǫvъ*, которое отразилось в польск. *ostrzew* и в укр. *острева́*, поскольку переход *ъ* < *ь* перед смягченным согласным часто бывает в безударной позиции [27]. Но как бы то ни было, по русским говорам форма *острѡвь*, похоже, абсолютно преобладает. Подстраиваясь под ударение этой формы, вероятно, и устоял против общеславянской акцентной тенденции, отмечаемой Илличем-Свитычем и Дыбо, дублет *острѡв* с тем же значением и, соответственно, уцелело колонное ударение на *-ов-* в производных от него (даже в слове *острѡвина*, где соответствующее образование от самого древнего **ostrŭ*, напротив, предполагало акцентный сдвиг). Так ранняя специализация употребления слав. **ostrŭ* могла в последующем способствовать формальной дифференциации семантически разошедшихся продолжений **ostrǫvъ*: 1. 'острие, шест, кол'; 2. 'выступ на местности', в том числе 'остров'. В последнем значении слово переходит, как и многие тематические имена мужского рода, в подвижную акцентную парадигму и дает **óstrǫvъ*, а в первом – по преимуществу, лишь с очень небольшими локальными колебаниями, держится первоначальное ударение.

Тем важнее один факт, в котором можно усмотреть архаизм, подтверждающий вторичность этой дифференциации. Я говорю о словен. *ostrǫv*, род. пад. *-ova*, 'остров'. В.А. Дыбо считает его акцент позднейшим, возникшим "вероятно через промежуточную стадию обобщения ударения окситонированных форм" [33. С. 70]. Но как могло быть обобщено насуффиксальное ударение в парадигме, которую, согласно мнению того же ученого, должно было отличать колебание акцентировки по типу русск. *бстрѡв* (др.-русс. на *бстрѡв*) – *острѡвѡв* (род. мн.ч.)? Напротив, совпадение словен. *ostrǫv* в ударении с русск. диал. *острѡв* 'кол' скорее должно говорить о сохранении в словенском древнего облика лексемы, предшествующего акцентному размежеванию двух ее частных значений, т.е. превращению полисемии в паронимию.

Таким образом, я нахожу достаточно оснований, чтобы усомниться в подверстывании праславянского местообозначения **ostrǫvъ* под этимологическую внутреннюю форму "пребывающий среди струй" и предпочитаю сближать его с индоевропейскими словами от **Hek'-r-* / **Hok'-r* 'острый', относящимися к мысам, горам, холмам, также и к воздвигаемым на них укреплениям – от славянского *острога* до греческого *акрополя*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
2. Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923. S. 279.
3. Skok P. Zum insula-Problem // Glotta. 1936. Bd. 25. S. 217.

4. *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Sjnonyms in the Principle Indo-European Languages. Chicago, 1949.
5. *Mahek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Praha, 1968.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
7. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. I.
8. *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorischen Sprache. Bautzen, 1988. Hf. 22.
9. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1965. Bd. 2. S. 758.
10. *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1963. Bd. II.
11. *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Paris, 1968. Т. 3. P. 750.
12. *Pisani V.* Insula und νῆσος // Glota. 1937–1938. Bd. 26.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 555.
14. *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski slownik. Budyšin, 1954. S. 438.
15. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1982. Kn. 2.
16. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 7.
17. Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.), 1965 – Вып. 1 –.
18. *Štok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1975. Kn. 2. S. 575.
19. Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1989. D. III. S. 602.
20. Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1960. D. II. S. 612.
21. Słownik staropolski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960. Т. 5. Zesz. 9. S. 673 и след.
22. Słownik języka polskiego / Red. J. Karłowicza, A. Krynskiego, W. Niedzwiedzkiego. Warszawa, 1904. Т. 3.
23. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1992. Т. 2. S. 556.
24. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. S. 386.
25. *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. 3. С. 72.
26. Словник української мови. Київ, 1974. Т. 5. С. 789.
27. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 93 и след.
28. Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974 –. Вып. 1 –.
29. *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. Е–Н. М., 1979. С. 245.
30. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973. С. 269.
31. *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
32. Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1968. Т. I.
33. *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. М., 1981.

© 1999 г. Е.В. АЛЕКСЕЕВА

РУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ БЕЛГРАДА (1919–1941 ГОДЫ)

После Октябрьской революции и гражданской войны в России Берлин, Париж, Прага, Харбин, Белград, София и Рига стали основными центрами российской эмиграции. Каждый из них имел свою специфику, обусловленную социальным составом эмигрантов, их имущественным положением, уровнем образования. Экономика, политика, культура и религия государств, их приютивших, оказывали значительное влияние на жизнь эмигрантов.

Возникшее после окончания первой мировой войны в 1918 г. Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия) стало одним из государств, принявших эмигрантов из России. Правительство страны, исходя из объективных национально-государственных интересов, активно содействовало обустройству беженцев, которые появились здесь в результате трех крупных эвакуаций с юга России: в апреле 1919 г., зимой и осенью 1920 г. После разгрома в октябре 1920 г. генерал Врангель обратился к правительствам многих стран с просьбой о приеме "крымских беженцев". Одним из первых откликнулось правительство КСХС. Оно дало согласие на въезд в страну более 20 тыс. беженцев, предварительно заручившись финансовой поддержкой Франции на их содержание. Деньги французское правительство регулярно выплачивало до 1925 г. включительно [1. Д. 641. Л. 6]. Близость духовных и культурных традиций, языка, родственные связи между монархическими династиями России, Сербии, Черногории, а также заинтересованность властей КСХС в подготовке национальных кадров, развитии науки и культуры обусловили благоприятный прием беженцев из России.

Подавляющее большинство среди эмигрантов составляли мужчины, что объяснялось "военным" характером эвакуации. По данным статистического отдела Государственной комиссии по делам русских беженцев, в 1922 г. в КСХС из 24 255 зарегистрированных эмигрантов 17 138 человек составляли мужчины [1. Д. 75. Л. 103–104 об.]. Отношение других диаспор эмигрантов из России к русским беженцам в Югославии как сосредоточению военных и казаков, оплоту белой гвардии обрекало "гражданских" беженцев на безвестность. Прибывшие в страну в те же годы, они находились как бы в тени "военной" эвакуации, хотя их вклад в развитие многих сторон научной и культурной жизни Югославии в 1920–1930-е годы являлся весьма существенным и прослеживается до наших дней.

Общий образовательный уровень эмигрантов из России в КСХС был невысок; подавляющее большинство беженцев имело среднее или начальное образование, что

Алексеева Елена Викторовна – канд. ист. наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

послужило причиной для весьма пренебрежительного отношения русских диаспор Западной и Центральной Европы к русским в Югославии, снисходительно именовавших их "провинциалами". Высшее образование среди эмигрантов, обосновавшихся в Югославии, имели 3016 человек [1. Д. 75. Л. 105], и многие из них сумели профессионально реализоваться в привычной для себя сфере. Быстро находили работу по специальности инженеры, техники, агрономы, землемеры, врачи и даже артисты [2. Ф. 66, ф 16; Ф. 65, ф 145]. Это объяснялось острой нехваткой высококвалифицированных национальных кадров в молодом государстве. Проиллюстрируем это на примере развития высшего образования в Югославии (особенно Сербии) и вклада русской профессуры в его становление.

Наиболее яркий след в судьбах российских профессоров и студентов сыграл Белградский университет. Во время мировой войны университет лишился значительной части своих научных кадров: одни были призваны в действующую армию, другие выехали из страны и продолжили свою профессиональную деятельность в университетах и колледжах Европы и Америки. Для только формировавшейся системы высшего образования в КСХС такие кадровые потери оказались очень тяжелыми. Не успевшая еще сложиться национальная научная школа оказалась в трудном положении. После окончания войны многие научные дисциплины в Белградском университете стало некому преподавать. В этой критической ситуации прибывшие в рядах беженцев преподаватели высших учебных заведений из Одессы, Киева, Петрограда оказались востребованными университетом.

В отличие от стран Центральной и Западной Европы, где не было широкой практики получения постоянной и даже временной должности в государственных университетах, в Белграде русские ученые оказались интегрированными в рамках официальной интеллектуальной и научной жизни страны.

Ученые из России не только продолжили преподавание имевшихся в Белградском университете предметов, но, что важнее, положили начало новым научным направлениям, ранее там не существовавшим. Русская профессура привнесла в традиции Белградского университета многие особенности, характерные для высшей школы России: широкий научный кругозор, эрудицию и профессионализм, высокие требования к студентам, различные формы аудиторной и внеаудиторной совместной работы преподавателей и студентов, в результате которых закладывались преемственность знаний и научные школы.

Русская профессура не просто нашла место работы в Белградском университете, но и активно включилась в его научную и общественную жизнь, подчас определяя ее приоритеты. Благодаря своему высокому профессиональному и научному уровню ей удалось на некоторое время занять лидирующее положение на отдельных факультетах.

Первые русские профессора начали свою деятельность на техническом факультете университета в 1920 г. П.Н. Рыжков, ректор Киевского политехнического института, преподавал дисциплину "Железнодорожные мосты", Г.Н. Пио-Ульский читал курс "Термодинамика и теория термических машин", В.В. Фармаковский, профессор Киевского политехнического института, – "Строение машин, котлов и локомотивов", А.А. Лебедев, профессор Горного института в Петрограде, – "Строительные машины и моторы с внутренним сгоранием", А.И. Косицкий, профессор Военно-технического института в Киеве, – "Двигатели внутреннего сгорания", П.П. Фетисов – курс по архитектуре Древнего Востока. Они, а также Н.А. Пушкин, П.Э. Зайончиковский, Я.М. Хлитчиев, Н.А. Житкевич, Д. Косицкий, Н.Н. Обрадович, К. Марков, А.А. Барнд и другие, составили научную основу факультета [3]. В 1923/24 учебном году преподаватели из России на техническом факультете составляли 40% от общего числа профессуры, через 10 лет их стало вдвое меньше. Кадры специалистов, подготовленные русскими преподавателями, на несколько десятилетий определили развитие технической мысли в Югославии.

Второе место по количеству работавших на нем русских преподавателей занимал

философский факультет университета, состоявший из отделений: философского, исторического, филологического и естественно-математического.

Механику преподавали А. Билимович, В. Жердинский, Г.В. Демченко, К.П. Воронец, защитившие свои докторские диссертации в Белградском университете. На кафедре математики работал Н. Слатиков. В. Ласкарев внес существенный вклад в изучение палеонтологии и геологии, С. Лебедев – химии, Г. Гагарин – минералов [4].

На отделении филологии старофранцузский язык и литературу преподавал писатель Илья Голенищев-Кутузов совместно с В. Работиним. Основы изучения истории Византии на отделении истории заложили профессора Г. Острогорский и В. Мошин. А. Погодин преподавал русскую литературу, а С. Кульбакин был признанным в университете специалистом по старославянской палеографии и грамматике.

На юридическом факультете часть основных курсов читали профессора из России: историю славянского права – Ф. Тарановский, историю права – А. Соловьев. Ведущими преподавателями на факультете являлись также К. Смирнов, С. Трегубов, Н. Алексеев, Е. Спекторский, Г. Афанасьев.

На сельскохозяйственно-лесном факультете работали Ю. Вагнер, читавший курс "Практическая зоология", И. Марков ("Общая и специальная бактериология"), Т. Локоть ("Производство семян"), Н. Васильев ("Сельскохозяйственная химия"), А. Челинцев ("Аграрная политика").

Русские ученые-медики и практикующие врачи из числа эмигрантов не только активно включились в преподавание и подготовку кадров на медицинском факультете, но и создали новые научно-клинические центры и кафедры. А. Игнатовский был организатором и руководителем Терапевтической клиники при факультете, Р. Бурьян организационно оформил Физиологический институт. Активно работали на факультете С. Рамзин, К. Софотеров (заведующий кафедрой хирургии), подготовившие не одно поколение медиков высокого класса.

Наконец, на православно-богословском факультете университета преподавали А. Доброклонский, А. Рождественский, М. Зеремский, Ф. Титов, Н. Глобовский и др. [5. F. 1, f. III].

С преподавателями из России руководство университета подписывало контракт на три года, по истечении которого заключался новый на тот же срок. Оплата труда осуществлялась из специального фонда, выделенного для русских эмигрантов. Профессорам и преподавателям, имевшим семью, с 1922 г. выплачивалась дополнительная материальная помощь.

В целом преподаватели из России были хорошо приняты коллективом университета, хотя иногда возникали и конфликтные ситуации. Так, на сельскохозяйственно-лесном факультете сложились напряженные отношения между русскими преподавателями и деканом Р. Джорджевичем, не желавшим продлевать их контракты. Конфликт был разрешен в пользу преподавателей, принятых в штат, а в решении руководства университета по данному вопросу специально отмечался их большой вклад в развитие факультета [5. G/200. Zapisnik univerzitetkog vesa, knj. 5. 1924 g.]. Однако до 1925 г. профессора и преподаватели из России имели ограничения во внутриуниверситетской жизни: они могли голосовать, но не имели права занимать выборные должности декана и заместителя декана факультетов. При замещении вакантных должностей преимущества отдавались гражданам КСХС, нередко слабее подготовленным в профессиональном плане.

Начиная с 1925 г. подавляющее большинство русских преподавателей приняли югославское подданство, что укрепило их положение в университете, хотя тенденция протекционизма в подборе кадров по национальному признаку не ослабевала до конца 30-х годов.

За выдающиеся заслуги в развитии различных отраслей науки некоторые ученые, работавшие в Белградском университете в 1919–1925 гг., были впоследствии удостоены избрания в действительные члены Академии наук: С.М. Кульбакин

(1873–1963), В.Д. Ласкарев (1868–1954), Е.В. Спекторский (1875–1951), Н.А. Пушкин (1875–1947) [6].

Подавляющее большинство русских эмигрантов, работавших в сфере просвещения (это относится к высшей и средней школам), прибыли в Югославию в возрасте 40–50 лет (58%). Они уже имели значительный профессиональный опыт, сложившееся научное мировоззрение и достигли определенных высот в профессиональной карьере. Около 40% преподавателей были в возрасте 30–40 лет, т.е. они не успели в полной мере реализовать в России и стремились сделать научную и профессиональную карьеру в КСХС. Внешние условия – нехватка собственных национальных кадров – и внутренняя установка на самореализацию позволили практически всем преподавателям из России найти свою профессиональную нишу, в том числе в Белградском университете. Следует также учитывать родственную языковую среду, в которой они оказались, что значительно облегчило их профессиональную адаптацию.

Важную роль Белградский университет сыграл и в жизни молодой части российской эмиграции, которая стремилась получить высшее образование, преодолеть состояние самоизоляции от внешней среды, характерной для старшего поколения русской диаспоры, среди которого идея скорого возвращения в Россию в первые годы изгнания определяла своеобразие их обособленной жизни даже в тех странах, где интеграция могла бы пройти относительно просто. Эмигрантская молодежь была менее связана с прошлым и легче адаптировалась в новых условиях. Многие, имея российские гимназические аттестаты, признававшиеся королевским правительством, решили продолжить образование. Наибольшее количество от общего числа студентов-эмигрантов из России обучалось в университете Белграда (85%). В отдельные учебные годы их количество составляло 17% от всего студенческого контингента в университетах страны [7. С. 6, 288].

С 1919 по 1923 гг. не было никаких ограничений для зачисления русских эмигрантов в студенты университетов КСХС. Многие русские становились студентами ради приобретения определенного социального статуса и получения полагавшихся льгот в форме стипендий, материальной помощи, студенческих кредитов, проживания в общежитии, пользования дешевой столовой, а самое главное – вида на жительство в столице, выдававшегося МВД страны студентам, в том числе и иностранцам. Таким образом, до 1923 г. число фактически числившихся студентами было больше реально учившихся. С 1923/24 учебного года МВД и советы университетов ввели ограничения на поступление русских эмигрантов в высшие учебные заведения КСХС.

В правилах приема Белградского университета были указаны три категории русских¹ эмигрантов, имевших право на поступление: окончившие среднее учебное заведение в КСХС; уже обучавшиеся в каком-либо университете в России и имевшие тому документальное подтверждение; прибывшие в КСХС из других стран с целью получения высшего образования и не имеющие материальных претензий к правительству на свое содержание [5. Ф. III. 86/122]. Наибольшей популярностью среди русских абитуриентов пользовался технический факультет университета Белграда. В 1929/30 учебном году среди его студентов числились 680 россиян. На втором месте по популярности находился философский факультет, в том же году там обучались 170 русских студентов [2. Ф. 66, f 711]. Определяющими при выборе факультета эмигрантской молодежью были возможность трудоустройства по специальности после окончания учебы и большое количество русской профессуры именно на этих факультетах, что значительно повышало уровень профессиональной подготовки. За 1919–1936 гг. получили диплом об окончании Белградского университета 638 русских студентов [7. С. 6].

В 1928 г. правительство КСХС предоставило возможность русским на льготных условиях принять югославское гражданство. Часть молодежи воспользовалась этим, но в целом процент принявших югославское подданство оставался незначительным,

¹Под русскими понимались все выходы из России, вне зависимости от их национальности.

так как принятие гражданства автоматически влекло прекращение скудной, но регулярной финансовой помощи от правительства, которая для старшего поколения эмигрантов была важным, а иногда и единственным источником существования.

В 1921 г. был создан "Союз русских студентов в Белградском университете" с целью их объединения, оказания всевозможной материальной помощи и моральной поддержки, а также для защиты прав и интересов как в университете, так и в различных государственных учреждениях страны. Позже стали создаваться объединения русских студентов-медиков, математиков, историков и филологов, ветеринаров, астрономов и др. На всех факультетах университета, где обучались русские студенты, были организованы подобные союзы и землячества. Эти организации, помимо профсоюзных функций, играли роль просветительских обществ. Они организовывали различные творческие вечера, дни русской культуры, ввели традицию празднования Татьянинного дня. Землячества русских студентов активно участвовали в общественной жизни университета.

В 1937 г. было создано "Общество помощи русской университетской молодежи", которое взяло на себя роль координирующего центра по решению проблем студентов, обучавшихся в университетах Югославии. В 1937/38 учебном году в университетах страны обучалось 510 студентов, из них 451 – в Белграде [8]. На протяжении 1920–1930-х годов Белградский университет оставался основным учебным заведением, в котором обучались русские студенты, и окончание которого дало им возможность реализоваться в новом обществе.

В 1920–1930-е годы перед интеллектуалами из среды российской эмиграции в Югославии остро стояла проблема творческого самовыражения, что в местных условиях было непросто. Уровень культурного, научного, промышленного развития Югославии в то время был значительно ниже потребностей этой категории эмигрантов. Поэтому уже в 1922 г. в их среде возникла идея создания Русского научного института; практическое воплощение она получила в 1928 г. под покровительством короля КСХС Александра I.

Русский научный институт был ориентирован на научно-исследовательскую и культурно-просветительскую работу. Основная цель его деятельности состояла в том, чтобы помочь ученым, оказавшимся в эмиграции, продолжить свою творческую работу и познакомить местное общество с вкладом России в различных областях науки и культуры. В деятельности института отчетливо выделяются следующие основные направления: проведение фундаментальных научных исследований с применением "методик и традиций русской науки", изучение прошлого и настоящего России и Югославии [9]. Организационно институт подразделялся на несколько отделений: философское, филологическое ("языка и литературы"), общественных и исторических наук, естественное, агрономическое, медицинское, математических и технических наук [10]. Сотрудники института делились на две категории: постоянные и совместители (временные, в эту категорию входила научная молодежь).

В научных программах института участвовали многие выдающиеся ученые-эмигранты, обосновавшиеся в разных европейских странах. Наиболее привлекательной для них была возможность опубликовать свои научные труды на русском языке. Основание института дало им на непродолжительный период возможность системно работать. По приглашению института в Югославию приезжали многие известные ученые, писатели, поэты: П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, Д.П. Рябушинский, С.Л. Франк, Е.Ф. Шмурло, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, И. Северянин, Д.С. Мережковский и др.

Русский научный институт проводил многочисленные конференции, симпозиумы. Все мероприятия были открыты для посещения и носили не только научный, но и учебно-просветительский характер. За 1928–1938 гг. в его стенах было сделано 670 научных сообщений, из них – "253 было посвящено России, 34 – Югославии, 93 – гуманитарным наукам, 47 – военной науке, 65 – биологии и медицине, 53 – математике, механике и физике, 43 – философии" [11].

В конце 30-х годов деятельность института стала сокращаться из-за интеграции русских ученых в соответствующие сферы югославского общества, естественной убыли и миграции, изменения политики правительства Югославии по отношению к эмигрантам. Резко сократилась финансовая поддержка эмигрантских организаций. Беженцы из России постепенно становились обузой для небогатого государства: к этому времени было подготовлено достаточное количество национальных кадров, которые вытеснили выходцев из России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ. Ф. 6792. ОП. 1
2. Arhiv Jugoslavije. (A.J.).
3. *Kastratovic-Ristic V.* Ruski profesori na Bejgradskom univerzitetu. 1919–1925 // Zbornik radova. I deje i pokreti na Beogradskom univerzitetu od osnivanja do donos. Beograd, 1989. S. 51–53.
4. *Majdanac B.* Univerzitetsko vece 1921–1941 godine, Univerzitet u Beogradu. Beograd, 1988. S. 120–121.
5. Arhiv Srbije.
6. Arhiv Srpske Akademije Nauka i Umetnosti. Dosje clanova Srpske akademije nauka.
7. *Aleksic D.* Udruzenja stranih Studenata na Beogradskom univerzitetu. Beograd, 1989.
8. *Dimic J.* Ruska emigracija u kulturnom zivotu gradanske Jugoslavije // Istorija 20 veka. 1990. 1–2. S. 18.
9. Arhiv Srpske Akademije Nauka i Umetnosti. Zbirka A. Belica. 111–244.
10. *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. С. 4, 9–10.
11. *Luksie N.* Ruski emigranti u Jugoslaviji izmedu rata / Knizevna smotra. XX. 1987. Br. 65–66. S. 60.

© 1999 г. В.И. КОСИК

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА "БАЛКАНИЗАЦИИ" РОССИИ В СРЕДЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В 1930-е ГОДЫ: В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ В СВЕТ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ "ЧЕМУ СВИДЕТЕЛИ МЫ БЫЛИ"

Мы без некоторого самодовольства и высокомерия стали здесь патриотами и клеймим тех, кто желает добиться падения большевиков путем расчленения России.

В.А. Маклаков

Революция в империи, какой была Россия, поставила перед победителями и побежденными проблему власти. В одном случае – ее укрепления, в другом – возвращения. Но общим являлось одно – сохранение территориальной целостности страны. Трудностей перед обеими сторонами было, как известно, немало – одна из главных заключалась в своеобразной незаконченности революции, что требовало от победителей "железной рукой" возвращать "на мгновение" утраченное, как это было на Украине или на Кавказе, не допуская никаких мнимых или подлинных попыток разрушения многонациональной советской державы, что показали политические процессы второй половины 1930-х годов. В отличие от "практиков-победителей", действовавших в своей стране и располагавших всем необходимым для строительства нового общества, "теоретики-побежденные", проигравшие гражданскую войну, рассеянные по всему миру, не имевшие опоры на Родине даже в крестьянстве, не находящие общего языка по ключевой проблеме будущего государственного устройства территории СССР, оказались в несравненно худших условиях. В головах некоторых российских эмигрантов "бродил" уже не "призрак коммунизма", а "призрак национализма", в основном имперского масштаба.

Строились планы, программы, формировались партии с нелегальными отделениями в СССР, создавались подпольные военные организации, боевые группы с целью спасения "своей" Родины от "коммунистической тирании". Хотя была и разница: украинцы, сторонники "самостийной Украины", или грузины выступали за освобождение своего народа, за самих себя, в то время как российские государственники ставили одну задачу – "единая и нераздельная Россия".

Здесь можно вспомнить записку некоего Б. Петровича "Всероссийский националь-

ный центр как прототип русской национальной власти", разосланную в 1938 г. многим активным деятелям эмиграции. Согласно проекту, в новый "Всероссийский надпартийный центр русской национальной мысли и действия" должны были входить: четыре представителя от Всероссийской Православной церкви; четыре – от дома Романовых; восемь авторитетных деятелей эмиграции, таких как А.А. Архангельский, А.И. Деникин, Ф.Ф. Абрамов, А.М. Драгомиров, П.Н. Краснов, В.Н. Коковцев, В.А. Маклаков, Е.В. Саблин, А.А. Нератов; восемь человек, "выделившихся в годы эмиграции жертвенной любовью к отечеству и особо полезной деятельностью", например генералы Н.Н. Головин, Шинкаренко, Кислицын, А.В. Туркул, профессора А.В. Карташев, В.Н. Новиков, Ю.Ф. Семенов, И.П. Солоневич, И.Н. Тхоржевский; восемь офицеров от участвовавших в гражданской войне боевых корпусов Русской императорской армии; восемь боевых представителей от дравшихся на гражданской войне добровольческих дивизий; восемь представителей от русской национальной печати; восемь представителей от русской науки, литературы и искусства; двадцать человек от общественно-политических организаций или партий; двадцать четыре – из стран русского рассеяния по определенной квоте. Итого сто человек [1]. Это был русский план. (Небольшая ремарка. В эмиграции, особенно среди молодежи, монархические чувства все больше уходили в область преданий. Е.В. Саблин писал в 1934 г. В.А. Маклакову: "Все Романовы ныне потухли, угасли, и никакого значения они не имеют... Я люблю вот этих несчастных Романовых, как я люблю гравюры старого Петербурга, Москвы" [2. Кн. 1. С. 221]. В другом письме, от 15 сентября 1937 г., он дает весьма нелицеприятный отзыв о сыновьях великой княгини Ксении Александровны: "Все никуда не годны. Андрей – блаженный, Федор – анархист в полном смысле слова и пьяница, Никита – мнит себя царем под эгидой вождя дальневосточных фашистов Вонсяцкого, Дмитрий – очень милый бездельник на содержании у богатых евреев, Ростислав и Василий – хорошие малые, но никчемущные". Поэтому – уж лучше Сталин, сохраняющий единство России, нежели Романовы, которые скорее могут привести к расчленению России [2. Кн. 1. С. 510]. Конечно, в эмиграции были и иные мнения, действовали чисто монархические организации. Тут же следует заметить, что первоиерарх Русской Православной церкви за границей (Карловацкой) митрополит Антоний (Храповицкий) являлся активным сторонником восстановления самодержавия с одним из Романовых на троне.)

Еще один проект. В конце 20-х годов в эмиграции была создана Лига русских офицеров и солдат, состоящая в основном из украинцев. Свою главную задачу она видела в освобождении Украины от большевиков и в создании украинского государства, независимого от СССР. Ее члены полагали, что как только на украинской земле появится русско-украинская рота, то на борьбу с ненавистной властью поднимется весь народ. Свою обособленность от РОВС и других подобных организаций деятели Лиги объясняли тем, что в истории создания "великого русского государства бывало и так, что отдельные ветви русского народа силою исторических судеб ставились в полусамостоятельное, а иногда и самостоятельное положение, которое обязывало их прежде всего прочно стать на ноги... для того, чтобы помочь потом своим братьям... никогда ни Украина, ни Сечь не забывали, что они русские и православные" [3]. Эту организацию и ее программу опять-таки можно назвать "русскими". Но спланиванию русских препятствовала их политическая грызня между собой; мешало также различное отношение к СССР и Германии.

В более выгодном свете выглядят украинские организации, такие как Украинская войсковая организация и ее преемница Организация украинских националистов, а также Украинская народная казацкая организация во главе с бывшим гетманом П.П. Скоропадским.

И можно понять наших братьев-славян: в России многие видели лишь своеобразный конвой с его железным распорядком – шаг влево, шаг вправо... Трудно понять другое – почему среди "Иванов, не помнящих родства" стойко держится и поддерживается убеждение, что русский – это жандарм, а остальные народы в

евразийской России – его жертвы. Нередкостью является то, что в бывших республиках СССР и национальных образованиях России заботливо хранят и пополняют запас сведений о "несправедливостях и злодеяниях" (разумеется, русских) центральной и местных властей еще с седых времен, но почему-то о своих не желают знать и помнить или выдают их под флагом защиты своего народа, своих национальных интересов.

Те же украинские притязания также не были лишены имперского характера и исторического снобизма, например, утверждение моего однофамильца В. Косика о том, что большинство населения в СССР (80%) принадлежит к украинской нации, не говоря уже о таких славянских странах, как Польша и Чехословакия [4]. В отличие от русских эмигрантов украинские лидеры, такие как Е. Коновалец, С. Бандера, А. Мельник, Р. Шушкевич, сумели создать довольно сильные организации, доставлявшие немало хлопот соответствующим структурам в СССР¹.

Русская же эмиграция, не сумевшая договориться между собой даже в церковном вопросе, занятая созданием "русского Харбина", "русского Белграда" и прочих "российских Афин", могла заниматься только теоретическими построениями.

В связи с этим представляют интерес размышления по национальному вопросу видных представителей бывшей Российской империи, их характеристика украинского вопроса, не утратившего свою актуальность и в зарубежном рассеянии, в частности, в переписке членов "Совета послов", образованного в 1921 г. в Париже.

Надо сказать, что сама политическая обстановка в 1930-е годы способствовала развертыванию украинского вопроса. К власти пришел Гитлер с его планами установления "нового порядка" и продвижением "германской нации" на Восток. В его идеях многие эмигранты видели возможность осуществления своих заветных чаяний. Для украинских националов он был именно той личностью, которая поможет создать "вильну и незалежну" Украину. В то же время английский публицист и политик М. Маггеридж, основательно знакомый с положением в СССР и мечтами эмиграции, писал: "Относительно украинских сепаратистов, находящихся вне России, можно сказать, что они, вероятно, нашли бы германо-польское вмешательство в дела Украины в своих интересах. Не пришлось бы удивиться, если бы украинские сепаратисты получили от Германии и Польши некоторые обещания в том смысле, что названные державы удовлетворятся предоставлением им некоторых экономических и торговых преимуществ, а в остальном предоставят самим украинцам автономию в их внутренних делах. Ценность подобных обещаний, конечно, довольно сомнительна, и весьма возможно, что Скоропадскому пришлось бы ограничиться довольно призрачной властью по примеру нового императора Маньчжоу-Го или по примеру самого Скоропадского во время германской оккупации 1918 года. Однако Скоропадский и другие украинские изгнанники не имеют иного выбора. Они не видят перед собой ничего иного, как либо продолжение советской власти на неопределенное время, либо иностранное вмешательство. ...Украинские сепаратисты ...готовы бороться с Германией и Польшей против коммунистического центра России. Положение неукраинских

¹ В украинской эмиграции также были и свои Остапы Бендеры, чьи похождения стали предметом разбирательств в английском суде. Так, в 1935 г. вспыхнул скандал, связанный с аферой П.П. Скоропадского и В.К. Коростовца по сбору средств на организацию переворота на Украине. По их заверениям, для этого было вполне достаточно 75 тыс. фунтов стерлингов, учитывая то обстоятельство, что у них на родине имеется "готовая организация, поддерживающая гетмана Скоропадского". В аферу удалось вовлечь даже финансового магната Генри Детердинга, от которого удалось получить 6 тыс. фунтов и письмо с обещанием 25 тыс. фунтов. Управляющий посольством Е.В. Саблин писал из Лондона председателю "Совета послов" В.А. Маклакову: "Поразительна также английская наивность, чтобы не сказать глупость. Появляются никому не ведомые господа... Основывается офис Полномочного представителя его светлости гетмана Скоропадского" ... ведется пропаганда ... собираются деньги ... объегоривается даже сам Детердинг ... Для меня его участие в этом деле прямо непостижимо. Ведь [нужно] же быть формальным идиотом, чтобы поверить, что собрав 75 000 фунтов, можно отторгнуть Украину от СССР ... Ведь имеется же соглашение между СССР и другими державами. Наконец, возникает вопрос: "Ви махт ман дас?" (Как это делается)". Правда, что в одном письме Коростовец писал своим "жертвователям", что все командные высоты на Украине уже заняты приверженцами Скоропадского" [2. Кн. 1. С. 335].

русских эмигрантов еще сложнее. Для них всякое расчленение Российской империи являлось бы не меньшим злом, чем господство большевиков. ...Перед русскими эмигрантами является альтернатива – либо желать продления советского строя, который они ненавидят, либо быть свидетелями того, как враги империи используют немощность этого строя. ...Было бы, однако, бесполезным отрицать, что для Европы, в ее совокупности, возможное расчленение России и отход некоторых ее областей к Германии, Польше и Японии представляло бы некоторые выгоды ...Другие державы... раз они не готовы вступить в вооруженную борьбу с Германией и Японией и раз они не могут предоставить названным державам других территориальных компенсаций за свой собственный счет, то им остается удовлетвориться тем, что наступательные импульсы Германии и Японии будут направлены в стороны, наименее вредные для европейских держав" [2. Кн. 1. С. 52–53]. Размышления Маггериджа не могли не вызвать интереса в среде русской эмиграции, нашедшей их заслуживающими самого серьезного внимания, в особенности что касается сферы "высокой политики".

Здесь нужно вспомнить, что 26 января 1934 г. был заключен пакт о ненападении между Берлином и Варшавой на десять лет. Предусматривалось сохранение пакта в случае войны с третьими странами. По сути дела это означало взаимодействие в агрессии – следствием пакта стало участие Польши вместе с Германией в разделе Чехословакии в 1939 г.

Начальник российской миссии в Белграде В.Н. Штрандман в письме к В.А. Маклакову подчеркивал, что некоторые заявления Гитлера не оставляют сомнений относительно его намерений довести борьбу с большевиками до конца. Планов было множество, но ни один из них не гарантирует целостности России, тем более, что, как подчеркивал автор письма, "существуют течения, придающие значение разговорам и статьям о создании великой Украины с 45-ю миллионами душ". Причем эта возможность некоторым эмигрантам кажется легче достижимой: "В ней они склонны видеть начало нового благополучия, новой гарантии своей собственной безопасности". Не забывает Штрандман упомянуть и берлинское интервью Скоропадского сотруднику белградского официоза "Време". В нем бывший гетман, характеризуя надежды на возрождение российской монархии в качестве утопии, категорически заявлял о будущей Украине как самостоятельной и независимой державе [2. Кн. 2. С. 167].

В своем многозначительном ответном письме от 9 января 1939 г. В.А. Маклаков писал: "Вопрос об Украине очень сложен, не только потому, что это уравнение с несколькими неизвестными.

Я не говорю о настоящих украинских сепаратистах, которые желают одного – независимую Украину. Эта перспектива соблазняет их разными, не очень почтенными приманками: возможности играть роль, занимать более видные места в маленьком государстве. Эти украинские честолюбцы находят сторонников и на Западе, которым они за помощь обещаю всякие блага, начиная от выгодных концессий и кончая обещаниями следовать их политическим указаниям. С ними у нас не может быть общего языка: это мародеры во время русского несчастья... Вопрос становится сложным и даже трагическим только для тех, кто стоит за Россию; они думают, что для самой России может быть полезно освобождение Украины от большевиков, хотя с помощью Гитлера, хотя бы ценой уступок. Такие люди по тактическим соображениям не хотят этого говорить – и потому лицемерно раздувать идею независимой издавна Украины, которую будто бы надула и притесняет Москва.

Это рассуждение я могу понимать и не называя это изменой, как позицию больших и маленьких Скоропадских, более того – я приведу в его пользу еще два соображения. Во-первых, если бы действительно создавалась Великая Украина, то она обладала бы такой мощью, которую не смогли бы переварить наши соседи, ни Польша, ни даже Германия; такая Украина, кроме того, не соответствовала бы этнографической Украине, включала бы в себя русские элементы, которые бы неудержимо тянули к России. Если бы действительно создавалась такая Великая Украина, то дело шло бы к

объединению России, и для меня совершенно безразлично, что оно вышло бы из Киева и что там бы и осталась столица России. ...

Во-вторых, я могу представить себе, что теперешние обитатели Украины поневоле смешали Москву с большевиками и искренне хотят полной независимости от Москвы, т.е., в сущности, от Сталина, и только потому приветствуют вмешательство и помощь Гитлера. С их стороны это, может быть, не патриотизм; однако не эмиграции, которая убежала из России, критиковать и клеймить те настроения, которые там создались...

Никакой материальной силы мы не представляем; если мы имеем значение, то только моральное в глазах тех, кто в своих отношениях к России руководится не мародерством, но желанием ей блага. Какой же позиции в их глазах мы можем держаться?

Мы могли бы, быть может, присоединиться к течению за Великую Украину, если бы оно вовне представлялось, как наши белые движения, т.е. желание освободить Россию от большевиков при помощи дружественных иностранцев. Если бы теперешние украинцы выставили своим лозунгом не говорю единую, но хотя бы федеративную Россию, а попытку освободить Украину основывали бы только на принципе самоопределения и, следовательно, направляли бы ее против Сталина, а не против России, если бы, с другой стороны, сам Гитлер заявлял, что освобождая Украину, он борется только против коммунизма, а не против единства, и оказывает свою помощь не украинцам, как таковым, а определенной части России, если бы все дело было представлено так, нам возражать было бы трудно, а может быть, и не нужно... Но это академическая гипотеза. ...Из тактики, как международной, так и внутренней, приходится пока уверять, будто мы хотим независимую Украину, а когда мы ее добьемся, то мы посмотрим. Вот эту позицию я считаю для нас невозможной... Если мы будем вместе со Скоропадским уверять, что Россия притесняла украинцев, считать Россию чужой землей, то какую роль мы сыграем потом, если не тактика лидеров, а настроение самой страны всех потянет к России. Ведь мы тогда в ее глазах будем изменниками; и наконец – и это, пожалуй, еще важнее, – ведь с нашей стороны эта тактика будет самообманом; в позиции украинцев никакой тактики нет, посмотрите, кто ведет это движение, а главное, подумайте, чем оно кончится; Великой Украины все равно не создадут, она никому не желательна, этим флагом только обманывают, а при первых успехах движение, начатое во имя Великой Украины, где-то остановится, может быть около Киева. И Гитлер, и поляки, и сами украинцы заключат мир с советской Россией и будут пока захваченный кусок переваривать... Вы меня спрашиваете, как глядят Англия и Франция. Я думаю, что окончательного взгляда у них еще не составилось. Но у них есть одна исходная точка. Воевать они не будут ни за великую, ни за малую Украину. Великая Украина может быть только делом Гитлера, если он этого не побоится..." [2. Кн. 2. С. 170–172].

В сущности, здесь какие-либо комментарии излишни. Оценка царским дипломатом украинского вопроса и позиции русских государственников, за исключением некоторых моментов, касающихся прежде всего распылчатой характеристики действительных лидеров украинских националистов, а не членов украинского правительства в изгнании, "протирающих штаны в парижских кафе" [5], достаточно серьезна и интересна для рассматриваемой здесь проблематики. И еще. Маклакова, казалось бы, нельзя отнести ни к "оборонцам", ни к "пораженцам", хотя на первый взгляд он ближе ко вторым. Однако его позиции в чисто теоретическом плане, прежде всего по проблеме сохранения России, приближают царского дипломата к "оборонцам" с их лозунгом "Ни пяди русской земли" ее потенциальным врагам. В сущности, многим было понятно, что победа Германии над СССР означала бы конец России, полный крах надежд на ее возрождение.

Упомянутый Саблин в своем памфлете на тему единства России, не желая быть обвиненным в русском национализме теми же украинскими сепаратистами и стремясь показать англичанам всю важность "сохранения целостности российского тела в пределах

СССР", подкрепляет свои рассуждения выдержками из выступления Г. Вильямса – авторитетнейшего эксперта по русским делам, работавшего одно время редактором иностранного отдела газеты "Таймс". Еще в 1917 г., выступая в Кембридже, английский ученый подчеркивал, что главным и определяющим фактором обеспечения единства Российской империи выступает русский народ, язык которого стал главным межнациональным фактором развития в различных сферах жизни страны [2. Кн. 2. С. 194]. «Представляется, – писал Саблин, – что было бы бесполезным и даже вредным пытаться найти аргументы в пользу раздела страны, которая создавалась веками. Если рассуждать абстрактно, то, конечно, российскую территорию можно было бы разбить на ряд новых независимых государств, в их числе Сибирь, Дальний Восток, Туркестан и Украину, отдельные народности и племена Кавказа и даже богатый лесами Север России. Необходимо, однако, наряду с другими соображениями, иметь в виду, что такого раздела никогда не потерпит русский дух с присущим ему динамизмом, который упорным трудом в течение веков развил и сплавил эти районы в одно изумительное целое. Любая попытка раздела поведет к нескончаемым гражданским войнам, которые остановят не только экономическое развитие, но и самую элементарную экономическую жизнь на территории вновь созданных государств. Избегая активного участия в этой борьбе и ограничивая себя ролью наблюдателя за этим всеобщим разрушением, иностранные государства, конечно, воздержатся от капиталовложений и деловой активности... "Балканизированная" Россия как антипод единой России не только мало подойдет для приложения западных капиталов, но, напротив, может существенно способствовать финансовым беспорядкам, тяжкое бремя которых уже давит весь мир» [2. Кн. С. 195–196].

Более того, В.Н. Штрандман сообщал В.А. Маклакову 15 декабря 1939 г. об удивительном признании, сделанном ему одним высокопоставленным церковным иерархом, что революция в России была вполне естественной, и выход только в одном – возвращении на родину и избрании вместе со всем русским народом Сталина царем. Подобные разговоры все чаще приходится слышать, подчеркивал автор, в эмигрантской среде [2. Кн. С. 265].

В чем причина столь удивительного явления? Вероятно, ответ следует искать в зареком комплексе вины интеллигенции перед народом, равно как и в иных настроениях части молодежи, взращенной вне Отечества, но испытывающей гордость за свою Родину, ее успехи, связываемые с именами Сталина. Хотя тут же следует подчеркнуть, что сталинская тема очень сложна и весьма болезненно воспринималась эмиграцией. С одной стороны, Сталин был для нее ненавистен, с другой – это была личность, продолжавшая стратегический курс на укрепление единой и неделимой России. Решение двуединой задачи: устранение Сталина и сохранение единства Отечества – напоминало зачарованный круг, из которого эмигранты не могли выбраться. Хотя некоторые были готовы примириться с расчленением России, лишь бы ликвидировать сталинский режим. Другие же целостность родины ставили превыше всего и готовы были примириться с "временным сохранением Сталина, если этим кладется предел домогательствам наших сепаратистов и иностранных друзей" [2. Кн. С. 332]. Тем более, что речь шла о спасении Родины, которая для эмигрантов была не Совдепией, не Триэсерией, а Россией, той Россией, чья политика была, в частности, направлена на возвращение ранее отторгнутых земель – например, Западной Украины и Западной Белоруссии.

А.И. Деникин в представленной Э. Даладьё в 1940 г. докладной записке "Русский вопрос" указывал, что на большей части земель, захваченных Польшей в 1921 г., проживало не более 5% поляков [2. Кн. 2. С. 295]. Иными словами, определенная часть эмиграции воспринимала курс Кремля в русле национальной политики. Это не удивительно. Как остроумно заметил Е.В. Саблин, "Оттого, что Русью владели татары, она не стала Татарией, не стала она и СССР... Правительство, извините, сволочное, но Россия на месте и никуда она не исчезла и не исчезнет" [2. Кн. 1. С. 301]. Новую Россию он видел в форме союза народов, как конституционную монархию, которая была

бы привлекательна для всех входящих в ее состав частей, с предоставлением всем народам прав административного и экономического самоуправления при оставлении за центральным правительством сферы внешних сношений, армии и финансов [2. Кн. 1. С. 509].

Занимаясь поисками путей высвобождения России от коммунизма, эмигрантские теоретики проигрывали и вариант войны англо-французской коалиции против СССР. В апреле 1940 г. В.А. Маклаков писал бывшему посланнику в Греции Е.П. Демидову о двух планах кампании: «1. Первый и вид простейший способ борьбы – это с самого начала опереться на существующие в СССР сепаратизмы. При переходе кавказской границы можно провозгласить борьбу за освобождение Грузии, Армении, Азербайджана и т.д. в надежде найти поддержку среди местного населения. При операциях на юге России можно поставить ставку на гг. Шульгина и К°, на украинские сепаратистские течения, созданные и вскормленные когда-то германским генеральным штабом ради торжества прусского милитаризма и пангерманизма.

2. Второй способ борьбы, на первый взгляд очень ненадежный и, пожалуй, смахивающий на рискованную авантюру, это ставка на внутренние революционные процессы, которые пока что таятся под спудом, но могут быть в известных условиях вызваны наружу. ...В первом случае ... союзники должны считаться со следующими весьма возможными последствиями.

При опоре на сепаратистов союзники самым методом войны ставят советскую власть в весьма выгодное положение. В глазах населения она перестанет быть ответственной за бедствия войны, напротив, она окажется в положении защитницы единства русского государства, охранительницы интересов русского народа. Опора на щирых сепаратистов, несомненно, вызовет величайшее опасение среди широких масс народа, пробудит дремлющие националистические инстинкты, объединит власть и народ в деле защиты жизненных интересов русского народа. ...Но даже в случае успеха, который потребует неисчислимых жертв от союзников, последствием такой политики будет вероятная балканизация России, что явится для Европы, и особенно для Франции, источником великих опасностей и потрясений. В России проснутся острые националистические течения. Очень скоро начнутся междоусобные войны... Совсем в другом положении окажутся союзники, если они сразу отбросят идею раздела России, если они с самого начала борьбы провозгласят лозунг "борьба за свержение Сталина и коммунизма в России"» [2. Кн. С. 365–366]. Собственно говоря, Маклаков в своих теоретических выкладках во многом прав, но он явно не учитывал хотя бы такого фактора, как нежелание Европы иметь "единую и нераздельную Россию", не говоря о том, что уже шла вторая мировая война.

Нападение Германии на СССР существенно обострило в среде эмигрантов проблему патриотизма и сохранения целостности России, но в одном русская эмиграция была едина – ее члены оставались сторонниками создания мощной российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 144. Л. 1–5.
2. Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940 годов: Сборник документов. М., 1998. Кн. 1–2.
3. За Русь святую!.. Лига русских офицеров и солдат запаса за границей. Белград, 1937. С. 11.
4. Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. С. 36.
5. Судоплатов П. Спецоперації Лубянки і Кремль. 1930–1950 роки. М., 1997. С. 33–34.

© 1999 г. О.В. МЕДВЕДЕВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО КОНСУЛА В СЛИВЕНЕ Г.В. ВАЩЕНКО (1830–1833 ГОДЫ)

Отсутствие документов о каких-либо исторических событиях, как правило, восполняется домыслами и предположениями. И передаются из поколения в поколение легенды, выдаваемые за действительные события; оценки личностей, данные каким-либо автором на основании высказываний современников, становятся непреложной истиной. Настоящей удачей является находка подлинных документов того времени, позволяющих подтвердить или опровергнуть сложившийся в исторической литературе стереотип о каком-либо событии или человеке.

Так произошло и в случае обнаружения нами в Архиве внешней политики Российской империи бумаг первого российского консульства в болгарских землях, в Сливене, в 1830–1833 гг. На протяжении длительного времени эти материалы не были известны исследователям, как и подлинная история учреждения консульства и деятельности первого российского консула в болгарских землях Герасима Васильевича Ващенко. Обнаруженные документы оказались богаты новыми данными об этом слабо изученном периоде болгарской истории, и часто идут вразрез с некоторыми общепринятыми положениями. Они позволили по-новому взглянуть на многие аспекты болгарской истории этого периода и прежде всего на основную, явившийся причиной открытия российского консульства в Сливене (прежнее название – Селимно) – проблему болгарской эмиграции после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (подробнее см. [1]).

История российского консульства в Сливене непосредственно связана с личностью Г.В. Ващенко, вся дипломатическая деятельность которого прошла на Балканах. В литературе о существовании этого консульства имелись только краткие упоминания [2–11], причем оценки деятельности и личности самого консула давались очень поверхностно, зачастую негативные. Так, Г. Раковский на основе воспоминаний людей старшего поколения утверждал, что у российского консула не сложилось добрых отношений с местным населением, и русские власти отозвали его [2. С. 122–127]. М. Арнаудов также привел крайне отрицательную оценку личности Г.В. Ващенко как неблагонадежного, сурового в обращении с людьми человека. Болгары, по его утверждению, в отчаянии направили жалобу российскому посланнику в Константинополь, в результате чего консул был перемещен в Сербию [3. С. 137]. Более мягкую характеристику дал С. Табаков. По его мнению, у Г. Раковского не было точных сведений о поведении российского консула. Из рассказов старожилов этот историк выяснил, что несколько наиболее богатых жителей Сливена написали российскому

посланнику в Константинополь о том, что не желают присутствия Ващенко в городе, в результате чего тот и был отозван. При этом С. Табаков отдавал должное деятельности Г.В. Ващенко, признавая, что он, несомненно, действовал по инструкциям своего правительства и сумел защитить болгарское население от мести турок. А после его отъезда начались расправы над жителями города. Однако болгарский ученый считал, что никаких других дипломатических поручений, кроме защиты болгар от мести турок, сливенский консул не имел, и поэтому считал бесполезным искать в архивах его донесения, тем более могущие подтвердить или опровергнуть ситуацию с его отзывом [4. С. 166–168].

Ни подтвердила, ни опровергла эти мнения болгарских историков Л.И. Стеланова в статье, посвященной истории создания и основным аспектам деятельности российского консульства в Сливене. Говоря о причинах его закрытия, автор сочла, что "функции его были исчерпаны", что и "привело к естественному затуханию его деятельности", а свидетельств конфликта консула с болгарским населением и недолюбливания им она не обнаружила [12].

Как известно, открытие российского консульства в Сливене в 1830 г. было вызвано острой необходимостью присутствия в болгарских землях представителя России в сложных условиях осуществления только что подписанного Адрианопольского мирного договора 1829 г. Положение об учреждении консульства в Сливене как главном городе районов, которые являлись театром военных действий в недавно окончившейся русско-турецкой войне, было утверждено Николаем I 11 (23) февраля 1830 г. [13. Д. 1. Л. 4, 11–12]. Первым консулом России в болгарских землях был назначен сотрудник российской миссии в Константинополе коллежский асессор Г.В. Ващенко, ранее участвовавший в переговорах в Аккермане. Соглашение Порты на это было получено в ходе переговоров в Константинополе посланника царя А.Ф. Орлова с турецким министром иностранных дел. Как сообщал А.Ф. Орлов в Петербург, берат (патент) был выдан Портой после многих затруднений и сопротивления [13. Д. 1. Л. 39]¹. Патент на звание консула в Сливене и берат от Порты, признававший его назначение, были вручены Г.В. Ващенко 4 (16) 1830 г. [14. 1830. Д. 812. Л. 5–5 об.]. На место своего назначения консул прибыл 20 апреля (2 мая) того же года [14. 1830. Д. 813. Л. 12] и пробыл здесь до конца 1833 г.

Основной задачей российского консула было осуществление контроля за выполнением статей мирного договора и, в первую очередь, статьи 13 (о праве болгар, принимавших участие в военных действиях на стороне русских войск, эмигрировать в любую страну, выбранную по их собственному желанию). Однако задачи, поставленные перед Г.В. Ващенко, не ограничивались только этим. Ему предписывалось также наблюдать за делами, сообщать о хозяйственном развитии и торговле, о возможных эпидемиях, о настроениях жителей, действиях турецкого правительства и т.п. Как свидетельствуют документы, консул стремился точно выполнять все предписания. Его донесения, регулярные и подробные, записки о состоянии хозяйства, развитии торговли и ремесел в болгарских землях в период его пребывания там, передают реальную обстановку начала 30-х годов XIX в. Отчеты и донесения Г.В. Ващенко позволяют увидеть не только хозяйственное и демографическое состояние болгарских земель после недавно окончившейся войны. Они довольно подробно показывают условия жизни болгарского и турецкого населения в тот сложный период, а самое главное – позволяют характеризовать самого консула как человека, глубоко сочувствовавшего болгарам, равнодушного к их бедам, стремившегося активно помогать в решении возникавших проблем в пользу болгар.

Консульские материалы касаются практически всех сторон жизни тогдашнего болгарского общества. Из документов видно, в каких чрезвычайно трудных условиях пришлось болгарам этих районов восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Главная трудность по-прежнему, несмотря на некоторые положительные моменты в

¹Эта информация противоречит утверждению о том, что на учреждение консульства в Сливене "Порта согласилась сравнительно легко" [8. С. 170].

политике османского правительства по отношению к немусульманскому населению, состояла в угнетении христианских подданных Порты. Консул в своих донесениях приводит многочисленные примеры притеснений болгар турками, которые старались отыграться за свои страхи и потери в только что окончившейся войне. Враждебность турецкого населения, помимо противостояния местных властей распоряжениям центральной власти, зачастую проявлялась и в открытой форме – в виде угроз, избиений и даже убийств христиан [14. 1832. Д. 818. Л. 41 и др.]. Много жалоб и обращений к консулу со стороны болгар вызывали налоги. Султанское правительство, не желая мириться с потерей доходов с Силистрийского санджака, бывшего до войны житницей Османской империи, часто вопреки своим же постановлениям и обещаниям послаблений в пользу райи продолжало взимать "такие налоги, что не только христиане, но даже турки говорят, что больше не могут терпеть" [14. 1830. Д. 813. Л. 75 об.]. При этом местные власти старались переложить большую часть налогового бремени на болгар [14. 1830. Д. 813. Л. 66, 183].

Показательно, что со всеми своими невзгодами, в поисках справедливого решения своих проблем болгары шли к российскому консулу, видя в нем защитника. Как следует из документов, последний был в курсе всех забот, которые волновали болгар Сливена и окружающих городов и сел. В соответствии с предписанием "не вмешиваться в домашние дела", Г.В. Ващенко должен был соблюдать осторожность, чтобы не вызвать нареканий со стороны Порты. Лишь в крайних случаях ему разрешалось прибегать к "официальным настояниям, используя внушения и советы". По отношению к болгарскому населению консулу рекомендовалось успокаивать его [13. Д. 1. Л. 16–21]. Однако документы свидетельствуют, что Г.В. Ващенко занимал активную позицию в деле защиты интересов болгар. Так, когда при проведении очередной переписи населения в 1832 г. турецкие власти на местах старались переложить на болгар-бедняков большую часть налогов, Г.В. Ващенко вступился "за беззащитных перед аяном (главой городской власти) Сливена, и тот был вынужден отменить повышенные поборы с бедняков, возложив их на зажиточных болгар" [14. 1832. Д. 818. Л. 76–77]. Из документов видно, что он не только заступался перед местными турецкими властями за обиженных, но и сам сообщал рушукскому паше и его каймакаму (наместнику) о нарушениях местными властями постановлений в отношении христиан. Следует отметить, что обращения Г.В. Ващенко зачастую встречали положительную реакцию у главы османской администрации края Гюссейн-паши Адрианопольского и наместника Гассан-бея. Так, по представлению консула верховный правитель Силистрии "наказал и сместил аянов ряда городов за злоупотребления против болгар" [14, 1833. Д. 820. Л. 41 об.].

Естественно, что эта деятельность Г.В. Ващенко вызывала недовольство турок. В одном из донесений он писал: "Турецкий народ, ... видя своеволие свое несколько обузданным, приписывает сие действиям моим". Однако сам он считал, что не столько его деятельность, сколько меры султанского правительства способствовали некоторому улучшению положения христианского населения в крае. Обозлившись на то, что возвращающимся болгарам отдают их дома, сады и все имущество, которое захватили местные турки, и решив, что это – результат вмешательства российского консула, турецкое население требовало его удаления [14. 1831. Д. 817. Л. 17; Д. 818. Л. 11 об. – 12].

Но почему в болгарской исторической литературе упоминается жалоба болгар на действия консула как на причину его отзыва из Сливена? Ведь из документов видно, что Г.В. Ващенко защищал интересы болгар и часто весьма успешно. Так была ли жалоба болгар на него или нет? И в чем причина ее появления, если она была? В документах сливенского консульства мы нашли ответ и на этот вопрос.

Да, действительно, конфликт имел место. И назрел он во взаимоотношениях консула с верхушкой болгарской общины (нотаблями, старейшинами, как он их называл в своих донесениях) Сливена и округи. О причинах возникновения и развития этого

конфликта повествуют подробные донесения Г.В. Ващенко о ситуации, сложившейся в абаджийстве (сукноделии) – основном занятии жителей этого края.

Из донесений явствует, что в 1831 г. в Сливене и округе начались государственные поставки сукна (абы) для османской армии, когда казноу впервые было заказано 40 тыс. штук абы [14. 1831. Д. 817. Л. 94]. В последующие годы заказы возрастали – до 50 тыс. штук в 1833 г. В том же году были введены поставки сукна для флота – по 5 тыс. штук для Сливена и Котела [14. 1833. Д. 819. Л. 45. об.; Д. 820. Л. 84]. Естественно, заказы были значительным стимулом развития этого производства. Г.В. Ващенко отмечал, что поставки в таких количествах не были затруднительны для местного населения, так как только в Сливене ежегодно производилось более 100 тыс. штук абы [14. 1833. Д. 819. Л. 45 об.].

Но донесения консула о ходе выполнения этих заказов позволяют на примере конкретной ситуации, сложившейся в крае в данной отдельной отрасли производства, увидеть, как происходил процесс первоначального накопления капитала и те социальные явления, которые шли в болгарском обществе в данном районе.

Хотя выполнение заказов на абу не вызывало, по словам консула, затруднений, оно привело к ухудшению положения простых ремесленников. Г.В. Ващенко видел причину этого в том, что в распределении поставок среди населения не было порядка и справедливости. Большой спрос на сукно способствовал обогащению болгарской верхушки, сращиванию ее с турецким чиновничьим аппаратом, ускорению расхождения болгарского общества. Болгарские старейшины, чорбаджи (торговцы шерстью) сделали монопольными поставщиками шерсти, а поставки сукна превратили в монополию и совместно с аяном, кадием и воеводой ("надзиратель торговых сборов города", как поясняет Ващенко) Сливена установили настоящий диктат в сбыте этой продукции. Они подкупами и обманом получали специальные фирманы, позволявшие только им закупать шерсть в селах, продавать ее ремесленникам по установленным ими произвольно высоким ценам, а также скупать сукно по самым низким ценам, причём поставщики произвольно увеличили срок поставки, продлив ее на весь год, чтобы "сие время они одни только покупали абу, из которой самую низшую отправляли в Константинополь для войска, а лучшую продавали тайно высшими ценами посторонним покупателям, которые платили воеводе за позволение вывезти товар из города [14. 1832. Д. 818. Л. 48–49; 1833. Д. 820. Л. 58–61 об., 66–67].

По сообщениям консула, сливенский аян и его приспешники под предлогом образования товарищества по закупке шерсти пригласили 20 человек из абаджийского цеха и собрали с них от 5 до 10 тыс. пиастров в качестве взноса до получения денег из казны. И хотя позднее правительство выплатило всю сумму, цеховым денег не вернули. Аян же "удалил всех цеховых от участия в торговле, определив для того прежних поставщиков и несколько евреев" [14. 1833. Д. 820. Л. 85].

В своих действиях аян и его приспешники не останавливались ни перед чем. Когда болгарским старейшинам Котела удалось принести жалобу, на беззакония сливенского аяна своему соотечественнику Г. Богориди², те "очернили старейшин перед правительством до того, что оно повелело фирманом пятерых из них сослать в ссылку" [14. 1833. Д. 828. Л. 46].

Г.В. Ващенко отмечал, что все это сливенский аян и воевода делают в согласии с богатыми болгарскими городами, "которые в силу личных интересов более турки, чем христиане". Притеснения со стороны местных турецких властей часто совершаются "по согласию с болгарскими старейшинами и при деятельном их содействии". Дружеский совет консула болгарским старейшинам не притеснять своих сограждан монополией на заготовку сукна, а справедливо распределить поставки "не имел другого действия, кроме неудовольствия" [14. 1832. Д. 818. Л. 49 об., 68; 1833. Д. 819. Л. 148]. Г. В. Ващенко располагал сведениями о "раздорах" между различными слоями болгарского населения и в других городах края.

²Г. Богориди – видный турецкий сановник, князь о. Самос. Родом из Котела.

Эти действия местных властей поставили жителей в полную зависимость от узкого круга лиц. Для бедняков продажа сукна оказалась даже в убыток, монополисты же "чувствительно" выгадали. Все это вызвало "всеобщий ропот" среди населения [14. 1832. Д. 818. Л. 85–85 об.; 1833. Д. 819. Л. 106–108]. Болгары-ремесленники Сливена не раз обращались по этому поводу к консулу, который в подобных внутренних конфликтах старался быть очень осторожен, советуя жаловаться высшим властям. Осуждая несправедливые действия местных турецких властей и верхушки болгарского общества, Г.В. Ващенко, однако, не смог оставаться равнодушным, и сам доводил до сведения высшей османской администрации края истинное положение дела. При встрече в Рушук с каймакамом пашалыка он говорил, сколь тягостна для бедных жителей поставка сукна, монополизированная несколькими лицами. Гассан-бей обещал ходатайствовать перед правительством о справедливом порядке выполнения государственных заказов на сукно [14. 1832. Д. 818. Л. 49, 85 об.]. И в 1833 г. был издан фирман о праве жителей свободно покупать шерсть в соседних округах "по вольным ценам" [14. 1833. Д. 819. Л. 108 об.]. Однако в ход пошли взятки, и соответствующие документы на покупку шерсти вновь оказались у нескольких лиц. Жители снова вынуждены были покупать у них сырье по высоким ценам [14. 1833. Д. 819. Л. 148–149].

Беззакония, творимые аяном, воеводой и зажиточными болгарями, вызывали крайнее недовольство как болгарского, так и турецкого населения края и их совместные действия против притеснителей – была направлена общая жалоба на них рушукскому паше, что само по себе являлось невиданным и свидетельствует о крайней степени накала страстей. Г.В. Ващенко поддержал жалобу [14. 1833. Д. 820. Л. 21]. По этой жалобе Гюссейн-паша прислал для проверки одного из своих людей. В результате проверки по повелению паши жителям Котела было отдано "в собственное их управление сбор городских доходов и выбор для того начальника по усмотрению их, а селимскому аяну оставлено только сбор абы, и то без принуждения, но единственно купеческим образом" [14. 1833. Д. 820. Л. 84].

В Сливене же аян по подозрению в жалобе на него "арестовал человек двадцать цеховых, удалил всех цеховых от торговли на рынке сукна, запретил продажу шерсти по селениям под опасением жестокого наказания... Таким образом, – писал Г.В. Ващенко, – люди, не имея теперь шерсти, остаются без работы, и выделка абы может от того замедлиться". Отношение сливенского аяна к российскому консулу стало открыто враждебным. Он запретил болгарам общаться с ним и "держит как поднадзорного" [14. 1833. Д. 820. Л. 47–48]. А богатые болгары, заинтересованные в сохранении своей монополии на поставку абы, подстрекали аяна на жестокое обращение с бедняками; на самого же консула подали жалобу сераскеру (главе военного ведомства), обвинив его в подстрекательстве болгар к неисполнению поставок "мятежным способом". Одно из донесений Г.В. Ващенко содержит объяснения в связи с этой жалобой [14. 1833. Д. 820. Л. 58–67].

Итак, как видим, жалоба была. Но не от простых болгар, к которым российский консул, по словам М. Арнаудова, жестоко относился. Как свидетельствуют документы, в конфликте, возникшем в сливенском округе в связи с поставками, Г.В. Ващенко принял сторону "обижаемых" простых ремесленников, поддержал их жалобы верховным властям пашалыка, и это вызвало ответные действия тех, в чьих интересах было сохранение своей монополии в городе и кому мешали действия представителя России. Ими были болгарские "нотабли" – верхушка болгарского общества, из среды которых вышел Г. Раковский. Возможно, что именно от окружающих его в детстве и отрочестве людей он слышал негативные отзывы о личности российского консула, на основе которых сформировалась его оценка Г.В. Ващенко [15]. И лишь через полтора века обнаруженные документы позволили установить подлинный ход развития событий, причину, вызвавшую отзыв из Сливена первого российского консула в болгарских землях. Именно твердая позиция в защите интересов простых болгар-ремесленников стоила Г.В. Ващенко его отзыва из Сливена. Как видим, ближе к истине оказался в оценке деятельности консула С. Табаков.

Конечно, активная позиция консула в этом вопросе противоречила тем инструкциям об образе действий, которые он получил при своем назначении, это было вмешательство в сугубо внутренние дела местных жителей. Можно предположить, что царское правительство не хотело обострять ситуацию (тем более, что основная цель учреждения консульства – остановить массовую эмиграцию болгарского населения – была выполнена) и отозвал Г.В. Ващенко.

Консул покинул Сливен в начале декабря 1833 г. Последнее его донесение датировано 9 (21) декабря. Он был отозван в Константинополь в качестве управляющего коммерческой канцелярией российской миссии с сохранением звания и оклада консула. Ему было предписано при отъезде объявить местным властям и болгарским старейшинам, что "высочайший двор отнюдь не уничтожает в оном городе консульства", что в случае необходимости Г.В. Ващенко будет наезжать в Сливен [14. 1833. Д. 819. Л. 342–344]. Однако документов о том, бывал ли он впоследствии в этом городе, не обнаружено. Возможно – пока.

Отзыв из Сливена не сказался отрицательно на дальнейшей карьере Г.В. Ващенко. Будучи уже надворным советником со старшинством (с 1831 г.), он перед своим отъездом был награжден Знаком отличия "Безупречность службы за XX лет". Дальнейшая его дипломатическая деятельность связана с Балканами: консул в Галаце, Осове, генеральный консул в Сербии, а затем в Адрианополе. Закончил дипломатическую службу Г.В. Ващенко в чине статского советника со старшинством, имея несколько орденов, в том числе два ордена св. Анны 2-й степени и орден св. Владимира с мечами [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы // Советское славяноведение. 1988. № 4; *Медведева О.В.* Проблемът за българската емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; *Медведева О.В.* Материалы российского консульства в Сливене как источник для изучения положения болгарского населения в 30-е годы XIX века // Славяноведение. 1995. № 1.
2. *Раковски Георги С.* Горски пътник. Нови Сад, 1857.
3. *Арнаутов М.* Селимински. Живот-дело-идеи (1799–1867). София, 1938.
4. *Табаков С.* История на град Сливен. София, 1924. Т. 2.
5. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
6. *Коновев В.Д.* Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л., 1960. Т. 20.
7. *Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И.* Доктор Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София, 1962.
8. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
9. *Велики К.* Эмигрирането на българите от Сливен във Влахия през 1830 година // Страници от миналото на българския народ. София, 1987.
10. *Матеева М.* Чуждите консульства и българските земи прези Освобождението // Международни отношения. 1976. № 1; *Матеева М.* Консулските отношения на България 1879–1988. София, 1988.
11. *Стоилова Т.* Първи опит за откриване на руското консулство в българските земи // Военноисторически сборник. 1983. № 2.
12. *Степанова Л.И.* Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830–1833) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989. С. 176.
13. АВПРИ. Ф. Главный архив. IV–2. 1829–1831.
14. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе.
15. *Трайков В.* Георги Стойко Раковски. Биография. София, 1974.
16. АВПРИ. Ф. Главный архив. I–IV.

© 1999 г. Н.В. БОЛОТИНА

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ В МОСКОВСКИХ "ЛИСТКАХ"

Подчас за крупными и существенными фактами, событиями и явлениями общественной жизни менее существенные, однако не менее интересные и важные для воссоздания контекста эпохи выпадают из поля зрения исследователей, а иной раз просто забываются. "Листки" – издания "для народа" – конца 1870-х годов не стали исключением в этом отношении. В Государственной публичной исторической библиотеке РФ мы обнаружили несколько плохо сохранившихся экземпляров "листочков", выходявших в Москве в 1877–1878 гг. Эти иллюстрированные издания, не имевшие подписчиков, были ориентированы на грамотных, однако не особенно эрудированных читателей, для которых стиль "Московских ведомостей", "Русских ведомостей" и "Русского вестника" являлся слишком сложным. Их печатали типографии А. Александровского на Арбате, А. Клейна у Петровских ворот, К. Гаврилова на Лубянке, И.И. Радзевича на Большой Бронной, В.Я. Барбея на Мясницкой (Златоустовский переулок), А. Абрамова.

В большинстве работ о печати времен русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. упоминается лишь "Русско-турецкий листок", единственный номер которого вышел в Москве в типографии И.Л. Радзевича. А между тем "листочков" в период русско-турецкой войны было издано немало. У них не имелось постоянного названия, в большинстве случаев авторство публикуемых статей, рассказов, повестей установить невозможно. Каждый следующий номер выходил уже под другим названием, нередко состоявшим из развернутых предложений. Например: "Не тронь меня, или Русский дух и турецкая слабость", "Кровавый сон турецкого паши, или Современи (так в оригинале. – Н.Б.) листок военных рассказов", "Наши с природы, в рисунках, стихах и прозе, положение Турции" и т.д. Поскольку русско-турецкая война 1877–1878 гг. была тем событием, которое волновало в России едва ли не всех, то, естественно, примерно половина объема в некоторых листках, а то и все издание полностью было посвящено именно ей. Необходимо было убедить население, что война эта справедливая, что русский народ в ней играет роль освободителя и именно так воспринимает народы Балкан русскую армию, и "Листки" удачно справлялись с этой пропагандистской задачей. Тут же надо заметить, что во время русско-турецкой кампании, когда оживилось издание "листочков", обычная цена на этого рода издания составляла 20 копеек, что по тем временам было суммой солидной, но доступной.

Наше внимание привлекли семь "листочков": "Русско-турецкий листок", "Не тронь меня, или русский дух и турецкая слабость", "Кровавый сон турецкого паши, или современи листок военных рассказов", "Русские орлы. Из военных событий", "Наши с природы, в рисунках, стихах и прозе, положение Турции", "Герои наших дней, в рисунках, стихах и прозе", "Ворожея. Листок без подписчиков".

Подобные "беспрограммные спорадические издания" [1. С. 29] появились задолго

до начала русско-турецкой войны, в конце 1850-х – начале 1860-х годов и являлись изданиями смешанного типа, т.е. в них много места занимали как анекдоты, пародии, душещипательные истории, стихи, гороскопы, сонники, юмористические рассказы, так и серьезные материалы на злобу дня. Известны негативные отзывы Н.А. Добролюбова о подобных изданиях. Ругал "листки" и М. Лемке [1. С. 29–31]. С другой стороны, В.Г. Белинский считал, что именно творения "нестроного" искусства создают фон, контекст, необходимый и для бытования, и для восприятия, и даже – кощунственная мысль! – для появления произведений великих, "творений строгого искусства" [2. С. 753]. "Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы. Но их-то... у нас всего меньше, и от того-то публике и нечего читать" [2. С. 757]. А ведь именно "легкой литературе" положено "занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности", помогать ему "не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества" [2. С. 753].

Издания "листочков" 1877–1878 гг. представляют особый интерес. В этих изданиях "для народа" в период русско-турецкой войны публиковалось немало интересных статей, рассказов солдат и офицеров, т.е. они не отставали от серьезной, "качественной" (традиционной и авторитетной) прессы в освещении хода кампании и способствовали пониманию ее важности для страны и народа, поднимая патриотический дух и воспитывая чувство национального достоинства. И даже если мы признаем "листки" "желтой" прессой, то никто не сможет отрицать, что и ее не миновал подлинно патриотический подъем, вызванный идеей освобождения славян. В качестве примера позволим себе описать один из найденных нами "листочков" "Не тронь меня, или Русский дух и турецкая слабость".

"Листок" состоит из 18 страниц, включая обложку, размер экземпляра – 20,5 × 29,5 см. Здесь мы находим четыре литографии, на которых сатирически обыгрывается метафора бани (подписи – разговор двух обывателей: "Слышал ли, какого жару задали наши туркам? Ого, го! до новых веников не забудут"). За второй литографией следует рассказ "Подвиг пластунов", повествующий о действиях русских разведчиков-казаков и написанный в манере информационного очерка. Следующая часть "листка" – "Турецкие курьезы", имеющая целью заострить внимание читателя на серьезных проблемах в Турции военного времени. Интересно, что автор заметки сознательно облегчает восприятие материала читателем, сводя всю серьезность повествования к анекдоту о том, как корреспондента "Daily Telegraph" приняли за генерал-майора Кембеля. Характерной особенностью стилистики "куриозов" является прием "свидетельство очевидца", настолько мастерски здесь примененный, что читателю кажется – автор (аноним) был "там", и видел то, о чем пишет.

"Рассказ инвалида о битве под Карсом" – очерк, выполненный в сказовой манере, которая в данном случае позволяет добиться живого сочувствия читателя рассказчику. Кстати сказать, этот очерк – тема для особого разговора о субъекте речи "листочков". Думается, что авторской может быть признана языковая манера информационных очерков, которые обязательно присутствуют практически в каждом "листке" и носят функцию обрамления других материалов. Прочие голоса помимо авторского – голос рассказчика, повествователя, одического поэта, народного песенника, обывателя и проч. – приемы-маски автора "листка", с помощью которых он адаптирует информацию для определенной группы читателей. Поскольку в каждом "листке" таких масок несколько, мы можем говорить о потенциальном разнообразии читательской аудитории, ее литературных пристрастиях, которые обуславливали чрезвычайно широкий стилиевой диапазон "листочков".

Очерк "Турецкий и русский солдат" исполнен сочувствия к рядовым участникам войны. Турецкий солдат "при своей отваге довольствуется малым, самым скудным образом, терпеливо и невозмутимо выносит на себе непогоду, беспрекословно исполняет волю начальника, не ропща на его грубое, даже жестокое обращение". Причины неудач турок на театре военных действий – в отсутствии "терпения для про-

должительного боя" и "в недостатке туземных, способных главных начальников, принужденных действовать по указаниям иностранных руководителей". Таким образом, в сознание читателей ненавязчиво внедряется мысль о том, что основным противником является не только и не столько турецкий народ, сколько "европейский концерт", толкающий Порту на войну со славянским миром. Третья причина – "в недостатке у турецких армий тех необходимых хозяйственных и санитарных принадлежностей, без которых ни одна армия не может сражаться с успехом". Явная цель этого очерка – объяснить причины поражения турок. Между прочим, автор не старается достичь своей цели, принижая достоинства турецкой армии, скорее наоборот: "Турецкому солдату нельзя отказать в природной отважной выносливости. Этот народ от природы обладает храбростью и всеми свойствами, необходимыми для военной боевой жизни. Очевидцы удивляются этими качествами турецкого солдата". Заметим, что в том же "листочке" помещены картинки и подписи к ним, которые, наоборот, высмеивают противника. Интересно также отметить, что данный очерк написан в речевой манере автора без применения какой-либо стилиевой маски, что обнажает его истинные намерения и цели и подчеркивает осведомленность в вопросах международной политики. Теперь он не представляется эдаким простачком-издателем, создающим чтиво с целью "урвать лишний пятак".

Совершенно особенным является материал "Чудотворец воевода", исполненный уверенности в богоблагословенности победы русских. Жанр этого произведения определить весьма сложно. Неоспорима лишь его апокрифичность: он являет собой оригинальную смесь прозы с поэзией, былины, исторической песни, жития с элементами апофеоза великой личности: автор произносит панегирик Суворову, как символу русской победоносной армии.

Листок завершается очерком "Казачи", который представляет собой краткую историю всего казачества, несет в себе историческую информацию и является пояснением к рассказу о подвиге казачьих-пластунов, приведенному в начале листка. Между прочим, интересна эта дистанцированность двух материалов: первый – проблемно-исторический, имеющий целью не просто информировать о некотором событии, но и вызвать в читателе определенное настроение и поставить описанное событие в круг героических деяний русского оружия, а второй – описательно-исторический, закрепляющий информацию в сознании читателя.

Рассматриваемые "листочка" оформлены красочными литографиями, выполненными частично в манере реалистической, прочно занявшей к концу 1870-х годов ведущие позиции в русском изобразительном искусстве, а частично – правда, таких иллюстраций меньшинство – в специфической "народной", лубочной манере. И это еще одна важная особенность "листочков", которую необходимо отметить. Лубок – это узнаваемая культурная формула. Под лубочным элементом в иллюстрациях "листочков" мы понимаем плоскостной принцип изображения, одновременность нескольких различных действий, в некоторых случаях – две картинка на один и тот же сюжет, следующие друг за другом, схематичное изображение фигур и т.д. Речь идет о некотором родстве "листочков" с лубочными картинками. Сходство это определяется, по видимому, близкими целями и задачами, которые выполняли "листочка" и лубок.

Лубок очень разнообразен по содержанию: предметами и темами его изображения становится все то, что волнует его адресата, то, что волнует самого автора. Популяризаторские идеи одинаково свойственны и "листочкам", и лубку. Интересно, что исторически особое значение придается именно московским лубочным картинкам. "Петербургский лубок был, главным образом, рассчитан и отвечал вкусам различных слоев столичной буржуазии (сюда можно отнести различные слои класса торговцев, мещан, наконец, столичной интеллигенции из разночинцев и т.д.) и через последнюю проникал уже в провинцию, тогда как московский лубок потреблялся именно провинцией, в известной части он может быть назван народным" [3].

К стилиевым особенностям "листочков" относятся и указанные своеобразно построенные названия некоторых из них. Касаясь названий "листочков", задаемся вопросами:

почему они не выходили под одним и тем же именем? Почему не стали регулярным изданием: из цензурных соображений? По материальным резонам? Думается, что причина кроется как раз в пресловутой стилистической неоднородности изданий: разные речевые манеры предполагали читателя-обывателя, ориентированного как на "высокую", так и на "народную" культуру. А значит, издатели не были уверены в том, что этот читатель захочет купить следующий "листок" под тем же титулом.

В отличие от серьезной прессы, авторы "листочков" не пытались завуалировать идеологическую функцию своих изданий. "Московские ведомости", "Русские ведомости" и т.д. предлагали читателю информацию, подавали ее в зависимости от своих взглядов, однако предоставляли право читателю самому определить свое отношение к тому или иному событию, и, что немаловажно, к "европейскому концерту", европейским великим державам – оппонентам России в русско-турецкой войне, в то время как "листки" довольствовались прямолинейным взглядом на проблему. Между прочим, там, где в солидных изданиях – освещение политических дебатов в верхах, в "листочках" – картина побед русского оружия, призыв к милосердию и терпимости к противнику. Быть может, внимание издателей крупных газет к политическим проблемам было обусловлено их ощущением собственной причастности к миру принимающих решения. И в противовес этой позиции – заметная дистанцированность издателей "листочков" от сильных мира сего.

Выскажем еще одно предположение. Несмотря на большое стилевое разнообразие и яркость "листочков", можно заметить все же и их определенную сопоставимость с "качественными" изданиями. В самом деле: солидный журнал стремился иметь несколько разных разделов, публиковать корреспонденции, свидетельства очевидцев, поэзию и прозу, в "смеси" – анекдоты, сценки и проч. То же видим и в "листочках". Очевидно, цель "листочков" – приучить публику, не имеющую культурной привычки, к чтению более сложному, интеллектуальному, иначе говоря, приучить публику просто читать. Кроме того, важно то, что "листки" помогали ведущим московским изданиям создавать особую патриотическую атмосферу по отношению к событиям на Балканах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
2. *Белинский В.Г.* Вступление [к "Физиологии Петербурга, составленной из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова"] // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. 2.
3. *Кожин Н.А., Абрамов И.С.* Народный лубок второй половины XIX в. и современный. Л., 1929. С. 10.

© 1999 г. Я.Р. СТРЕЛЬЦОВА

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Существуют три аспекта рассматриваемого нами вопроса: гражданство, статус русского языка и соответственно проблема образования.

В настоящее время русскоязычное население в государствах ближнего зарубежья делится на три категории в зависимости от их правового статуса. Абсолютное большинство стало гражданами этих государств, около полумиллиона человек – гражданами России и примерно 1 млн – лица без гражданства¹. При этом все они в новых национальных государствах независимо от доли в национальном составе населения превратились в представителей национального меньшинства, что и определяет их сегодняшнее положение. Речь идет о дискриминации так называемого русскоязычного населения по национальному признаку; откровенно – в Туркмении, Молдове, где официально декларируется приоритет коренной национальности и согласно Конституции возможность стать президентом гарантируется только для граждан коренной национальности; в Латвии, Эстонии – через институт гражданства. Повсеместно сужаются сфера использования русского языка и русскоязычная система образования. Протекционизм национальным кадрам, вытеснение лиц некоренной национальности из структур управления, ущемления в области социального обеспечения, в вопросах собственности, предпринимательской деятельности, трудоустройстве и т.п. наблюдаются практически во всех государствах СНГ и Балтии.

Понятие гражданства с точки зрения политических, экономических и социально-культурных прав – ключевое. Не лишенным издержек оказался так называемый нулевой вариант гражданства России, Казахстана, Литвы, Украины, Узбекистана, Туркмении, Беларуси, объявивших всех постоянных жителей своими гражданами и обусловивших возможность выбора в ряде случаев нереализуемыми или неприемлемыми процедурами. Однако безусловно наиболее тяжелые последствия имеет практика предоставления гражданства в Латвии и Эстонии. 21 июня 1994 г. латвийский Сейм принял Закон о гражданстве, согласно которому лица, не родившиеся на территории Латвии, могут подать заявление о приеме в гражданство Латвии в три этапа. Начиная с 1 января 2001 г. – лица, не родившиеся в Латвии и прибывшие в Латвию как несовершеннолетние, с 1 января 2002 г. – лица, прибывшие в возрасте до 30 лет, а с 1 января 2003 г. – все остальные неграждане, проживающие в Латвии. [1. 1994. 27 VII]. За 1995–1997 гг. латвийское гражданство смогли приобрести всего 2,5 тыс. человек – не латышей. При этом наблюдается национальный протекционизм.

Стрельцова Яна Рудольфовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

¹ Всего с 1992 по 1997 гг. (по состоянию на 1 января 1997 г.) российское гражданство с учетом тех, кто выехал в Россию, приобрели свыше 800 тыс. человек.

Ливы, эстонцы, литовцы, постоянно проживающие в Латвии, получают гражданство республики вне очереди. На русских, белоруссов, поляков распространяется ценз оседлости (10 лет) и необходимость сдачи экзамена на знание латвийской Конституции, истории страны, латышского языка и т.п.

На конец 1996 г. 700 тыс. граждан бывшего СССР в Латвии не получили латвийского гражданства и 65 тыс. получили гражданство РФ. В то же время, по официальным данным Латвии, из 120 тыс. русских, которые могли бы получить латвийское гражданство, попросили его только 5 тыс. По мнению латышей, это объясняется недостаточной лояльностью русских к Латвийскому государству. Хотя этому есть и чисто бытовое объяснение, связанное с облегченной процедурой поездок в Россию неграждан Латвии (лиц с советским паспортом).

Принятый Сеймом 12 апреля 1995 г. закон "О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвийской Республики или иного государства", внес определенный элемент стабильности в положение представителей некоренного населения Латвии. Они получили больший объем прав и свобод, нежели просто иностранные граждане или лица без гражданства, проживающие в Латвии (в том числе касающихся свободы передвижения). Однако дискриминация русскоязычного населения Латвии очевидна. Существует 80 различий в правах граждан и неграждан, постоянных жителей Латвии, в сфере занятости на государственных и общественных должностях, в частном секторе, в общественно-политической сфере (запрещение участвовать в муниципальных выборах – в городские думы, районные и волостные советы), в праве собственности (в том числе на землю и другие природные ресурсы, жилье и т.п.), в частном предпринимательстве, в социальных правах, в основных коммунальных льготах и других правах и свободах².

По-прежнему одна из наиболее сложных для русского населения – процедура натурализации в Эстонии. В соответствии с Законом о гражданстве (вступил в силу 1 апреля 1996 г.), ценз оседлости увеличен с 2 до 9 лет, упразднена возможность упрощенного получения гражданства женщинами, вышедшими замуж за граждан Эстонии, введена система экзаменов. Сложилась ситуация, когда большинство русских – постоянных жителей Эстонии или родившихся там, оказались, согласно провозглашенному принципу реституции, "негражданами". На сегодняшний день около 180 тыс. человек не имеют гражданства Эстонии [2. 1998. 23 XII]. Около 130 тыс. человек в Эстонии приняли гражданство России, более 130 тыс. получили так называемый паспорт иностранца, став таким образом негражданами. Более 400 тыс. русских, проживающих в Эстонии, подали 335 тыс. ходатайств о предоставлении постоянного вида на жительство (естественно, в качестве неграждан). Удовлетворено лишь 23,5 тыс., по другим данным – 47 тыс.³ Отсутствие гражданства, согласно новому закону о выборах в органы местного самоуправления, лишило русское население в Эстонии возможностей быть представленными даже в органах местной власти. Впрочем, это ограничение для неграждан зафиксировано в законодательствах и других стран нового зарубежья: России, Латвии, Армении и т.д.

В последнее время наблюдается тенденция к улучшению правового положения неграждан Латвии и Эстонии. В июне 1998 г. латвийский парламент принял поправки к Закону о гражданстве, которые предусматривают предоставление гражданства всем детям неграждан, родившимся после восстановления независимости Латвии, ликвидацию так называемых окон натурализации (ежегодных возрастных квот на предоставление гражданства) и облегчение условий сдачи экзамена на знание латышского языка [2. 1998. 30 IX].

² По данным F.I.D.H. (Латвийский Комитет по правам человека. Сентябрь 1997 г.), социальная пенсия неграждан на 10% меньше, чем у граждан.

³ Российские паспорта без получения вида на жительство в Эстонии недействительны. Таким образом, 130 тыс. граждан СССР, проживавшие в Эстонии, которые законопослушно подали заявление о предоставлении им вида на жительство до 12 июля 1995 г., получили его сроком на 5 лет. Согласно принятому в марте 1997 г. постановлению, им досрочно предоставят постоянный вид на жительство.

Аналогичные поправки к Закону о гражданстве, позволяющие упростить порядок предоставления эстонского гражданства несовершеннолетним детям постоянно проживающих здесь лиц без гражданства, принят в декабре 1998 г. и Парламентом Эстонской Республики. Эстонское гражданство почти автоматически будут предоставлять детям неграждан в возрасте до 15 лет, родившимся после 26 февраля 1992 г., при условии, что их родители на момент подачи ходатайства прожили в Эстонии не менее 5 лет. По официальным данным, поправки позволят получить гражданство примерно 6 тыс. несовершеннолетних жителей Эстонии [2. 1998. 23 XII].

Большинство соотечественников видит решение проблемы защиты их интересов в двойном гражданстве. Однако на сегодняшний день наряду с РФ его признали только Таджикистан и Туркмения, с которыми в 1994–1996 гг. были заключены соответственно Соглашение и Договор об урегулировании вопросов двойного гражданства. В остальных государствах двойное гражданство либо не признается (в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, на Украине), либо существует прямой запрет на второе гражданство (Армения, Беларусь, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония).

В настоящее время не существует эффективной правовой базы для защиты прав российских соотечественников за рубежом. Не вступили в силу такие основополагающие документы, как Конвенция человека, Конвенция об упрощенном порядке приобретения гражданства СНГ, хотя по последним вопросам заключены двусторонние соглашения России с Казахстаном и Киргизией⁴.

Подписанные Россией с Грузией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном двусторонние договоры о правовом статусе их граждан, постоянно проживающих на территории договаривающихся государств, не были должным образом оформлены и также не вступили в силу.

Проблема гражданства при всей ее сложности по мере улучшения социально-экономической, демографической ситуации, поиска политического и гражданского согласия в государствах ближнего зарубежья имеет объективные предпосылки решения. Значительно дольше, сложнее и драматичнее будет происходить психологическая, социокультурная адаптация русскоязычного населения в новых государствах. В этом отношении камнем преткновения на пути интеграции русскоязычного населения в государствах ближнего зарубежья является проблема языка.

Во всех государствах СНГ и Балтии, за исключением Беларуси, статус государственного языка закреплен за национальными языками. Только в Беларуси, согласно ст. 17 Конституции, государственными языками являются русский и белорусский.

Языком национального общения русский язык объявлен законами о языке Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины. В Казахстане, согласно Конституции 1995 г., русскому языку придан статус официального языка наравне с казахским. В остальных странах ближнего зарубежья русский язык является языком национального меньшинства, поэтому рамки его функционирования законодательно ограничены.

В государствах, где русским языком в начале 90-х годов владела подавляющая часть населения (в Эстонии – 90%, в Казахстане – 99%), происходит последовательное вытеснение русского языка из сфер государственной деятельности, экономики, науки, образования и культуры. Русскоязычное информационно-образовательное пространство в государствах СНГ и Балтии не получает государственной поддержки и быстро сокращается.

Практически во всех государствах СНГ и Балтии законодательно закреплено тре-

⁴ Упрощенный порядок приобретения гражданства предусмотрен для граждан РФ, прибывающих или прибывших для постоянного проживания в Казахстан, и гражданам Казахстана, прибывающим для постоянного проживания в РФ (Соглашение от 20 ноября 1995 г. Вступило в силу 18 августа 1997 г.).

бование к знанию и употреблению на государственной службе, в делопроизводстве, в национальных вооруженных силах, судах и т.п. языка "титulyного" населения (см. законы о языке Латвии, Эстонии, Армении, Молдовы, Казахстана, Узбекистана, Украины, Грузии и др.). В Казахстане ограничение в продвижении по службе из-за незнания языка отметили 40,2% опрошенных русских [1, 1996. 30.VIII].

Знание языка титульной нации становится обязательным условием для получения высшего образования – в отсутствие объективных лингвистических предпосылок для перехода на государственный язык обучения (в Казахстане, Киргизии и др.). При отсутствии формальных ограничений при приеме в вузы русскоязычных жителей Латвии в подавляющем большинстве вузов республики перед сдачей вступительных экзаменов (которые можно сдавать как на русском, так и на латышском языках) проводится экзамен по латышскому языку. Не сдавшие этот экзамен не допускаются до остальных. В настоящее время преподавание в вузах практически полностью перешло на латышский язык.

Во всех государствах СНГ и Балтии сокращается число русских школ, групп с русским языком обучения в вузах, университетах, объем преподавания русского языка и литературы, истории России. Переполнены классы, не хватает, вследствие прекращения государственных закупок в России, учебников, учебно-методической литературы на русском языке, страдает качество обучения.

К 1997 г. почти вдвое сократилось число обучающихся в русскоязычных школах (на 2,1 млн человек). Процент обучающихся на русском языке в составе суммарного контингента школьников стран СНГ и Балтии сократился с 39,0% в 1989 до 28,9% в 1996 г. По прогнозам, сокращение будет продолжаться примерно до 2000 г., а затем положение стабилизируется: контингент составит 3,5–4,0 млн учащихся, что будет соответствовать удельному весу русских в этих государствах (около 15%) [3].

Сужается и коммерциализируется русскоязычное информационное пространство. Соотношение вещания на государственном и негосударственном языках в сфере радиовещания, согласно закону Латвийской республики, – 66% и 33%, при этом все российские программы передаются по кабельному телевидению по коммерческим ценам. Согласно новому Закону о языках, объем вещания на казахском языке не должен быть менее 50% эфирного времени любой передающей станции независимо от формы собственности. Уже сейчас передачи на казахском языке занимают на государственном радио не менее 70% эфира.

Существенно затруднен доступ русскоязычного населения в государствах СНГ и Балтии к российским СМИ. Он ограничен вещанием ОРТ, программой "Маяк", рядом центральных газет, поступающих в республики с большим опозданием и по значительно более высокой стоимости, чем аналогичные национальные издания.

Наиболее благоприятна с точки зрения языкового комфорта русскоязычного населения ситуация в Беларуси, Литве, Грузии. В первом случае – благодаря разумной политике государственного двуязычия, в последних двух – из-за большой степени интегрированности русских в культурную среду, владения титульными языками и сбалансированного подхода к решению языковой проблемы⁵.

Одновременно с сужением русскоязычного образовательного пространства российской школы расширяются система американского, английского, немецкого, корейского, турецкого образования, применение зарубежной учебной и методической литературы. Происходит культурно-языковая интеграция тюркоязычных государств под эгидой Турции. Первыми шагами в этом направлении стало подписание всеми республиками Средней Азии (кроме Казахстана), а также Азербайджаном в 1993 г. в Анталье (Турция) декларации о переходе с кириллической графики на базе русского алфавита на латинскую графику, близкую к латинизированному турецкому письму.

Каковы последствия сложившейся языковой ситуации в системе образования СНГ и Балтии? Повсеместное резкое сокращение групп с русским языком обучения в пед-

⁵ Так, например, в Грузии русский язык изучается в обязательном порядке во всех грузинских школах.

вузах и университетах привело к интенсивному оттоку учительских кадров в Россию. По существу отсутствует система повышения квалификации учителей на русском языке. Языковая политика сделала безработной гуманитарную, научную и техническую интеллигенцию. Резко сокращается число занятых в духовной сфере и увеличивается их доля в миграционном обмене с Россией. Численность гуманитариев, согласно статистическим данным СНГ и России, сократилась, по сравнению с 1990 г., во всех странах содружества, особенно в Казахстане и Таджикистане (на 20%), Армении (на 18%), Киргизии (на 17%), на Украине (на 11%).

Ограничив возможность русскоязычных использовать родной язык, страны ближнего зарубежья не создали системы обучения "нетитульного населения" "титульному языку". Ухудшение материального положения русскоязычного населения в условиях экономического кризиса и дискриминационной политики лишает его доступа к частной системе обучения. Отсутствие или слишком малые сроки для овладения государственным языком в требуемом объеме являются нарушением ряда международных правовых документов: Всеобщей Декларации прав человека, Международного пакта о политических, социальных и культурных правах и др.

Изменился национальный состав студенчества. Так, например, в Казахстане в вузах формально из поступивших создается равное количество учебных групп: казахских и русских. В казахских группах, естественно, студенты казахи. Однако и в русских группах казахских студентов до 80% и более.

Ограничение возможности образования на национальных языках ставит под вопрос будущее русскоязычной молодежи в государствах СНГ и Балтии, а вытеснение русского языка, снижение уровня его преподавания и серьезные, углубляющиеся расхождения в стандартах образования между учебными системами России и государств СНГ и Балтии делают проблематичным обучение российских соотечественников на равных основаниях с россиянами в российских вузах и научных учреждениях⁶. Это относится к гуманитарным и даже естественным предметам.

Можно констатировать, что опрометчивое разрушение русскоязычного информационного, образовательного и культурного пространства в странах СНГ и Балтии привело к существенному снижению уровня общего и специального образования, науки в этих странах и противоречит цивилизованным тенденциям взаимопроникновения, взаимовлияния культур, информации, науки. В этом смысле для государств ближнего зарубежья мог бы быть полезен опыт развивающихся стран, где отказ от ранее доминирующего языка метрополий в пользу государственного национального только усложнил проблему образования, подготовки кадров и привел к политике прагматичного билингвизма.

Россия небезучастно относится к языковой ситуации, в которой оказались ее соотечественники в странах СНГ и Балтии. Согласно Указу Президента РФ, стратегический курс страны предусматривает "восстановление позиций России как главного образовательного центра на территории постсоветского пространства". Ведутся переговоры по включению в проекты международных договоров (соглашений) РФ с государствами – участниками СНГ статей, предусматривающих обмена студентами и преподавателями, взаимное изучение языков, литератур и культур, использование в странах Содружества русского языка в качестве второго государственного языка или языка межнационального общения.

С десятью государствами Содружества заключены 19 межправительственных соглашений, предусматривающих в том числе сотрудничество в области образования. Действуют также и межведомственные соглашения.

Приняты решение Совета глав правительств СНГ (18 октября 1996 г.), утвердившее концепцию формирования информационного пространства СНГ, решение Совета глав правительств СНГ (17 января 1997 г.) о Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ и соответствующее соглашение (не

⁶ Более того, в ряде стран Средней Азии таких стандартов вообще не существует.

подписали Грузия, Туркменистан, Узбекистан, Украина), программа сотрудничества в области культуры, подготовлены проект Конвенции о признании документов об образовании, ученых степеней и званий в странах СНГ, соответствующий Договор, а также проект модельного законодательного акта об образовании Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и РФ⁷.

Безусловно, перспективной при условии ее дальнейшего совершенствования является такая форма поддержки соотечественников, как создание Россией в странах СНГ и Балтии при их поддержке средних и высших учебных заведений с русским языком обучения. Уже существует русская гимназия в Таллинне. Учреждены несколько российских-национальных (славянских) университетов – в 1993 г. в Бишкеке – Киргизско-Российский (Славянский) Университет, высшее учебное заведение нового типа совместного ведения двух государств; в 1996 г. – в Душанбе, в 1998 г. в Ереване открылся Российско-Армянский Университет. Планируется создание аналогичных учебных заведений в Грузии и Молдове (в Кишиневе, Тирасполе), на Украине (в Симферополе). Широкую поддержку России получила идея создания российских информационно-культурных центров в государствах СНГ и Балтии⁸.

Однако развитие всех этих направлений сотрудничества зависит, в первую очередь, от финансовых возможностей нашей страны, а как известно, в России финансирование гуманитарных программ минимально, не говоря уже о создании русских школ в ближнем зарубежье. Так, если в Таджикско-Российском Славянском университете 70% обучающихся – русскоязычные, то из-за одностороннего финансирования аналогичного Русского университета в Бишкеке киргизской стороной в нем обучаются преимущественно киргизы.

Не работают и международные многосторонние и двусторонние соглашения и договоры по вопросам интеграции в области образования и информатизации. Местные законодательства в полной мере не учитывают положения этих соглашений, например, о взаимном признании дипломов и свидетельств об образовании всех ступеней. Новые законы об образовании в ближнем зарубежье не ориентируют образовательные системы на их функционирование в рамках единого образовательного пространства стран СНГ и соответствие международным требованиям, в частности, Международной стандартной классификации образования (МСКО), принятой ЮНЕСКО.

Более эффективно и реально на сегодняшний день создание преимущественных условий для обучения российских соотечественников в России, подготовки кадров для общеобразовательных русскоязычных школ в ближнем зарубежье и преподавателей национальных языков с ориентацией на обучение титульному языку, в первую очередь молодежи, для облегчения ее интеграции в иноэтническое общество.

В 1996 г. число обучающихся в российских педвузах граждан этих стран достигло более 5 тыс. человек. Рассматриваются предложения о предоставлении 4–5 российским педвузам права преимущественного набора абитуриентов из стран ближнего зарубежья. Разработана правовая база, позволяющая принимать в вузы граждан государств СНГ и Балтии на общих с российскими гражданами основаниях на конкурсной основе – на места, финансируемые за счет бюджета; по квотам, установленным международными соглашениями и договорами РФ и Минобразования России в пределах контрольных цифр приема – по направлениям Минобразования России; по прямым договорам (контрактам) вуза, предусматривающих плату за обучение, на дополнительные места на условиях, определяемых ученым советом вуза.

В 1996/97 учебном году в 454 государственных вузах РФ из стран СНГ и Балтии

⁷ Взаимное признание и эквивалентность документов об образовании, ученых степенях и званиях предусмотрены только Соглашением России с Беларусью и ст. 6 Договора между РФ и республикой Армения [4].

⁸ Подписаны соответствующие соглашения РФ с Азербайджаном, Арменией; разрабатываются – с Казахстаном и Таджикистаном.

обучалось по дневной форме 35,2 тыс. человек, что составляло 4,4% от общего количества студентов. Однако такая перспектива сотрудничества возможна только при сохранении и увеличении государственных расходов на образование, которые на сегодняшний день в России минимальны. По данным ЮНЕСКО, по доле расходов на образование от ВВП Россия занимает 78 место в мире.

На сегодняшний день основные принципы и цели государственной политики России в отношении российской диаспоры определяют Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации "Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)", Указ Президента РФ от 11 августа 1994 г. № 1681 "Об основных направлениях государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом", постановление Правительства РФ от 31 августа 1994 г. № 1064 "О мерах по поддержке соотечественников за рубежом", Распоряжение Президента РФ от 30 ноября 1992 г. "О вопросах защиты прав и интересов российских граждан за пределами РФ", предписывающее рассматривать вопросы экономических отношений с республиками бывшего СССР в зависимости от соблюдения ими прав человека в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права.

Ставится двуединая цель политики России в отношении соотечественников: поддержка и обеспечение как их интеграции, при сохранении культурной самобытности, в жизнь государства постоянного проживания, так и переезда на историческую родину.

При этом финансовая и экономическая поддержка соотечественников за рубежом и возвращающихся на родину, в которой более всего нуждается русское население, не соответствует потребностям. В 1997 г. на поддержку соотечественников за рубежом выделено в России 25,2 млрд рублей, в 1998 г. 50,2 млн рублей. Финансирование Федеральной миграционной программы в 1998–2000 гг. составляет 1 323 490 млн рублей [8]. В то же время затраты на обустройство одного беженца в России в 1997 г. составляли 100 млн рублей (в ценах 1997 г.) [5].

Со стороны России в лице ее посольств и представительств ФМС происходит ничем не оправданная сегрегация русских, желающих вернуться в Россию или получить гражданство. Соотечественники делятся на два "сорта". Родившимся на территории России гражданство дают в упрощенном порядке, и для статуса переселенца приглашений из России от родственников или от руководителей организаций с гарантией предоставления переселенцу жилья (аналогичные требования в международной практике предъявляются и иностранцам, а иммигрантам, никакого отношения к стране въезда прежде не имевшим) не требуют. Для тех же русских, кто родился не в России, служба миграции требует приглашения с соответствующими гарантиями о предоставлении жилья и т.п., что сделать довольно сложно. Выдвигаются и другие, существенно затрудняющие переезд соотечественников в Россию условия – в зависимости от их места рождения⁹. Подобные атавизмы советской психологии, наряду с финансовым бессилием России, негативно сказываются на отношениях как с соотечественниками, так и со странами ближнего зарубежья в целом, при сравнении помощи, оказываемой русской диаспоре Россией, с той помощью, которую оказывают другие страны, например Германия, Турция, Румыния своей диаспоре в этих государствах. Не говоря уже о том, что и сами государства ближнего зарубежья, например Украина, с большим участием относятся к своим соотечественникам за рубежом.

На положение русских в государствах СНГ и Балтии большое влияние будет оказывать и российская политика в отношении национальных диаспор стран ближнего зарубежья. Требования, которые выдвигает Россия по защите прав русскоязычного населения в государствах СНГ и Балтии, должны соизмеряться с теми правами, которые она предоставляет этническим группам – национальным меньшинствам (ук-

⁹ Ходатайства о предоставлении статуса вынужденного переселенца принимаются только от основных квартирьерсъемщиков и т.п.

раинцам, казахам, киргизам, молдаванам, латышам и др.) в России, в том числе и в местах их компактного проживания.

Каковы же перспективы русской диаспоры в государствах ближнего зарубежья? Сохранение там национальной идентичности русских возможно только при их консолидации и выдвигании реальных, соответствующих их сегодняшнему статусу требований. Такая возможность существует в рамках создания культурно-национальных автономий этнического меньшинства. Примером может служить Латвия, где впервые в ближнем зарубежье была создана Русская национально-культурная автономия, представляющая собой экстерриториальное самоуправление национального меньшинства, действующее в сфере культуры, образования, использования национального языка, сохранения этноса как такового, особенностей жизненного уклада, религиозной самобытности и т.д. Она имеет право выдвигать своих представителей в органы власти, иметь при них свои представительства, а также развивать хозяйственно-экономическую деятельность, в том числе и с Россией. Сегодня российская диаспора в государствах ближнего зарубежья разобщена и раздроблена. Существует около 40 общественных организаций на Украине, около 30 в Литве и т.д., одни – культурологического типа, другие – более политизированы. Однако ни те, ни другие не способны объединиться, скоординировать свои действия для защиты интересов русскоязычного населения на основе единой предвыборной платформы, программы интеграции русских в новых условиях, провести своих кандидатов в представительные органы власти там, где эта возможность реально существует. А она существует в Эстонии (как показали парламентские выборы марта 1999 г.), на Украине, в Киргизии, Молдове, Грузии, Литве, Армении и др., где проживает многочисленная русская диаспора и где особенно остро (как в последних двух государствах) стоит проблема именно культурной самоидентификации. В Казахстане, на Украине в перспективе вопрос может ставиться о создании административно-территориальной автономии в местах компактного проживания русского населения – на освоенных и заселенных русскими (Северный Казахстан). Более того, в отношениях с Казахстаном и Украиной вопрос о русских может рассматриваться под углом зрения проблемы разделенной нации. Аналогичны прецеденты с немецким, корейским, китайским и другими народами. В принципе речь должна идти о долговременном государственном внешнеполитическом курсе, направленном на отстаивание, в том числе и территориальных, интересов России в Северном Казахстане, Крыму.

Очевидно, что подход России к решению проблем российской диаспоры в государствах СНГ и Балтии должен быть дифференцированным и гибким, учитывающим меняющуюся ситуацию.

При всей схожести проблем русскоязычного населения в государствах СНГ и Балтии решаться они могут по-разному. 1. Путем получения гражданских прав (а эта проблема так или иначе разрешится в Латвии и Эстонии в течение ближайших 5–6 лет), культурно-национальной автономии русских (поскольку ее субъектами могут быть только граждане государства); 2. Путем оказания Россией экономической и гуманитарной помощи (формирование в СНГ мощных транснациональных финансово-промышленных групп, обеспечивающих рабочие места для соотечественников, протекционизм для русских предпринимателей и организаций, использующих труд российских соотечественников, содействие инвестициям российских соотечественников в российскую экономику, материально-финансовая поддержка органов самоуправления и ассоциаций российских соотечественников в государствах их постоянного проживания, финансирование вузов и общеобразовательных школ и т.п.).

В то же время существуют государства, проблема русскоязычного населения которых может быть решена только вне их границ. Например, Туркменистан, официальная политика которого направлена на полное вытеснение русских из страны. Малочисленность русской диаспоры этому объективно благоприятствует. Туркменистан – единственное государство на территории бывшего СССР, юридически не

признающее существование русской общины. Реальный выход – в миграции, которая заметно возросла в последние годы¹⁰. В подобных случаях со стороны России недопустимы какие-либо преграды возвращению ее соотечественников.

Отсутствие материальных и финансовых средств не должно служить оправданием бездействия, так как Россия, объявив себя правопреемницей СССР, берет на себя все вытекающие из этого обязательства в отношении своих граждан и этнически связанных с ней лиц и защите их прав. Если речь идет о российских гражданах, существуют дипломатические и консульские пути защиты их прав, а также ряд международных процедур воздействия. Сложнее с защитой прав русскоязычного населения, имеющего гражданство государства пребывания и лиц без гражданства. Но и в этом случае, если в двусторонних договорах между Россией и странами СНГ и Балтии имеются положения о недопустимости дискриминации русскоязычного населения на территории последних, независимо от их гражданства, Россия приобретает право ставить вопрос о соблюдении указанных договоренностей¹¹.

Существует возможность решать эту проблему в рамках межгосударственного сотрудничества в области прав человека, используя соответствующие международные процедуры, через ОБСЕ. Все государства СНГ взяли на себя обязательства по международным договорам СССР, следовательно, для них действительны и Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Пакты о правах человека 1966 г. Статья 3 Соглашения о создании СНГ, по которой стороны берут на себя особую ответственность за положение в особых этнокультурных регионах, может быть использована для защиты прав русскоязычного населения в местах их компактного проживания в Северном Казахстане, в Восточной Украине и т.д.

Реальное разрешение проблемы прав русскоязычного населения в странах СНГ и Балтии возможно только при совершенствовании Россией правовых и политических механизмов их защиты. Отдельные экономические санкции – малопродуктивны, если не вредны, так как затрагивают в основном ориентированные на российский рынок промышленные, торговые, строительные и транспортные фирмы, в которых занято именно русскоязычное население, и еще более ухудшают его положение. Необходимо также учитывать, что вопросы прав национальных меньшинств, гражданства практически не регламентируются международным правом и относятся к исключительной компетенции государства, являясь его неотъемлемым суверенным правом.

В одночасье проблему русскоязычного населения в государствах ближнего зарубежья не решить. К этому не готова в первую очередь сама Россия. Выход – в постепенном урегулировании спорных вопросов путем заключения двусторонних и многосторонних межгосударственных договоров и в оказании Россией посильной, а главное – эффективной помощи соотечественникам за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская газета. 1994.
2. Иностранец. 1998.
3. Справка Министерства общего и профессионального образования РФ. Октябрь – ноябрь 1997 г.
4. Дипломатический вестник. 1997. № 9.
5. Данные Министерства РФ по сотрудничеству с государствами СНГ. 1997 г.
6. Госкомстат России. Численность и миграция населения РФ в 1996 г., М., 1997. С. 23.

¹⁰ Миграционный прирост в Россию из Туркменистана вырос с 4,5 тыс. человек в 1991 г. до 15 тыс. человек в 1997 г. [6].

¹¹ Подобное положение закреплено в договорах России с Прибалтийскими государствами.

1999 г. М.Ю. ДОСТАЛЬ

ПИСЬМА РУССКИХ УЧЕНЫХ-ЭМИГРАНТОВ Н.П. КОНДАКОВА И Г.В. ФЛОРОВСКОГО ИРЖИ ПОЛИВКЕ

В пражском Литературном архиве "Памятник национальной письменности" (LAPNP) хранятся личные фонды многих выдающихся чешских ученых XIX–XX вв., к которым несомненно принадлежит и Иржи Поливка (1858–1933). Он был славистом широкого профиля, исследовал проблемы церковнославянского языка, славянского фольклора и диалектологии, истории славянских литератур. Его труды заложили основы сравнительной славянской фольклористики и получили международное признание. Он был избран членом Чешской Академии наук и искусств, Королевского чешского общества наук, Славянского института в Праге, а также почетным членом Академий наук в Петербурге, Загребе, Белграде, Софии, Осло, Амстердаме и др.

В период первой Чехословацкой республики ученый стал председателем Государственного института по изучению народной песни, был в числе активных организаторов Первого съезда славянских географов и этнографов в Праге (1924) и Первого съезда славянских филологов (1929) (см.: [1]).

Скептически относясь к концепции славянского литературного единства, он тем не менее стал практическим проводником идей славянской культурной и научной взаимности, что выразилось в его широком сотрудничестве с учеными из многих славянских стран и особенно из России.

Большое участие И. Поливка принял в судьбах русских ученых, вынужденных эмигрировать после большевистского переворота 1917 г., осуждал репрессии новых властей против деятелей науки и культуры (см.: [2]). Высоко оценивая интеллектуальный потенциал русских ученых, он вместе с другими влиятельными чешскими профессорами прилагал большие усилия для организации приглашения ряда выдающихся русских филологов и историков в пражский Карлов университет, прекрасно сознавая, какую пользу они могут принести отечественной науке.

К их числу относились и ученые, письма которых предложены в настоящей публикации. В основном они касаются обстоятельств приглашения и переезда в Прагу.

Так, благодаря усилиям И. Поливки, Й. Паты и других, в Карлов университет был принят ученый-византист мировой величины Н.П. Кондаков (1844–1925), с 1922 г. до самой смерти знакомивший пражских студентов с историей греческого искусства периода эллинизма, искусства Византии, причерноморских кочевников, а также с развитием "церковнославянского искусства". С именем Н.П. Кондакова связано открытие в Праге после его кончины специального института, разрабатывающего проблемы византиноведения [3; 4].

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

В 1923 г.¹ в Прагу при содействии И. Поливки переехал известный впоследствии философ-богослов Г.В. Флоровский (1893–1979). Он стал одним из популяризаторов так называемой евразийской теории [5]. Однако в Праге Г.В. Флоровский задержался недолго. С 1926 г. он уже преподавал в Богословском институте в Париже, а в 1948–1955 гг. был профессором Семинарии св. Владимира в Нью-Йорке и профессором Гарвардского университета.

Письма Н.П. Кондакова и Г.В. Флоровского хранятся в Литературном архиве "Памятник национальной письменности" в Праге (LARNP, номера по описи "Rosica" 414, 209), страницы дел не нумерованы. Приношу сердечную благодарность сотрудникам архива, а также словацким коллегам Т. Ивантышиновой и Д. Кодайловой за содействие при подготовке данной публикации.

ПИСЬМА Н.П. КОНДАКОВА К И. ПОЛИВКЕ

София, ул. Априлова, 17
3 VII 1921

Многоуважаемый коллега, по сообщению проф. Пата, я могу обратиться к Вам с сообщением полного, хотя краткого списка своих наиболее крупных ученых трудов, причем опускаю мелкие статьи, которые я начал писать по истории искусства с 1866 г.²

1. Памятники Гарпий и символика Греческого иск[усства]. 1873. 2. Древняя архитектура Греции. 1876. 3. История византийского искусства. 1876. 4. Миниатюры в Псалтыри Хлудова. 1878. 5. Sculptures de la porte de S. Sabine. 1877. Rev. Arch. 6. Греческие терракоты. 1879. 7. Мозаики мечети Кахрие в Константинополе. 1881. 8. Путешествие в Синай. 1882 с атласом. 9. Византийские церкви Константинополя. 1886. 10. Histoire de l'art byzantin. Paris, 1886–91, 2 vol. 11. Опись ризниц Греции. 1890. 12. Византийские эмали. Изд. Звенигородского. 1890. Изд. на 3 языках. 13. Русские древности в памятниках искусства. 6 выпусков (120–200 стр. в выпуске). 1889–99. На фр. яз. изд. С. Репником: Antiquites de la Russie meridionale. 3 livr. 14. Указатель средневекового отдела Эрмитажа. 1891. 15. Русские клады. Т. 1. 1896. 16. Памятники Афона. 1902. 17. Иконы Синайского монастыря. 1902. 18. Сирия и Палестина. 1902. 19. Иконография Спасителя. Т. 1. Лицевого Подлинника. 1905. 20. Македония. Археологическое путешествие. 1909. 21. Иконография Богоматери. Связи с итальянским университетом. 1910. 22. Иконография Богоматери. I и II тома. 1913–1915. 23. Иконография Богоматери в России. II том Лицевого Иконописного Подлинника. Изд. в СПб.

О своих последних (немногочисленных) работах, остающихся с 1916 г. неизданными, по *Русской школе*, *Итальянской Мадонне* и пр. я уже писал проф. Нидерле³ (здесь и далее подчеркнутое в оригинале нами дано курсивом. – М.Д.).

Прибавлю, что для своих научных работ я совершал продолжительные путешествия по Европе, ради ее памятников и собраний, до Испании включительно, с 1900 г. почти ежегодные поездки в Италию для работ по итальянской живописи, с 1878 года по 1896 почти ежегодные путешествия на Восток, по Кавказу, в Константинополь, Грецию, Египет, в Сирию, на Синай и пр. С 1876 г. по 1890 производил археологические раскопки в Крыму и на Кавказе.

¹ Публикуемые ниже письма Г.В. Флоровского И. Поливке помогают исправить неточность в дате приезда молодого ученого в Прагу, принятую в литературе на основании монографии В.Т. Пашуто [3. С. 182], так как ясно свидетельствуют, что он в 1920–1921 гг. жил в Софии, а в Прагу переехал не ранее декабря 1921 г.

² Библиографию соч. Н.П. Кондакова см.: [1. С. 236–237].

³ Нидерле Л. (1865–1944) – выдающийся чешский славист, исследователь славянских древностей, профессор Карлова университета, почетный член многих европейских Академий наук.

В своих 30 с лишком томах я изучал историю культурного и художественного развития средневековой Европы, но мое научное понимание рассеяно в сложных работах по этим томам и множеству статей, которые ныне трудно и найти. Ныне моей научной задачей является обобщить все эти работы в *цельном историческом построении*, и так как подобную задачу всего легче соединить в университетском курсе, то я был очень рад читать курс в Софии.

Меня слушали около года с интересом многие профессора: Милетич⁴, Кацаров⁵, Романский⁶, Златарский⁷, здешние археологи. Но, понятно, мне бы хотелось подобную высшую научную задачу выполнить в истинно культурной среде, в старом Университете, где я не стеснялся отсутствием пособий и атласов для демонстрации и мог бы рассчитывать на научную восприимчивость.

Помимо этой задачи, Прага, с ее лучшими фототипическими заведениями, является для меня идеальным пунктом для издания моих крупных сочинений и тех мелких статей, которые я теперь спешно пишу, чтобы опубликовать ранее полученные результаты работ, еще не изданных. Правда, мои русские издатели ("Слово" и издательство Когана) уверяют меня, что в Берлине "печатают лучше, нежели в Праге", и не соглашаются на печатание томов "Русской иконы" у вас в Праге.

Наконец, для меня особенно важны в данное время как надежда, что я могу сосредоточить свою деятельность на два, три года в одном городе, так как при возрасте в 76 лет трудно менять место, так и чтение на русском языке и печатание на русском же языке (как мне предлагал незабвенный Йос. Главка⁸ в изд. Академии наук, коей я состою издавна членом).

Очень прошу Вас уведомить, когда получите письмо.

С глубоким уважением Н. Кондаков

P.S. Прилагаю при сем статью о "Мифической суме с земною тягою".

№ 2

Болгария

София, ул. Априлова, 17

17 VIII 1921

Многоуважаемый коллега, получив от Вас письмо от 9-го июля, прошу Вас принять и передать выражение моей благодарности как гг. профессорам, меня предложившим, так и всему факультету за приглашение. Прошу верить, что высоко ценю внимание ученой Праги и желаю послужить ее науке.

В своем письме от 3 июля я изложил Вам научную цель предполагаемого мною обширного и вполне нового систематического курса бытовой и художественной истории средневековой Европы, в котором я намерен соединить результаты своих многолетних работ. Ныне я просил бы Вас сообщить мне свое мнение о том, приемлемо ли будет для факультета мое желание читать курс на русском языке и иметь в виду продолжение курса по истечении года. Я не буду иметь времени для письменного сос-

⁴ Милетич Л.Г. (1863–1937) – болгарский славист-языковед, один из основателей Софийского университета. Академик и президент Болгарской Академии наук.

⁵ Кацаров Г.И. (1874–1958) – болгарский историк и археолог, академик ряда европейских Академий наук.

⁶ Романский С.М. (1882–1959) – болгарский славист, создатель современной болгарской лексикографии, занимался проблемами этнографии, фольклора, литературоведения, истории библиографии. Академик Болгарской Академии наук с 1929 г.

⁷ Златарский В. (1866–1935) – известный болгарский историк, специалист по средневековой истории Болгарии. Член Академий наук Болгарии и СССР.

⁸ Главка Й. – пражский архитектор, меценат. В 1890 г. на его средства основана Чешская академия наук и искусств.

тавления своих лекций на французском языке. Равным образом я и теперь предвижу, что мне нельзя закончить этого курса в один год, а разве в два года.

Для исполнения курса так необходимо постоянно демонстрировать памятники средневекового искусства, и поэтому месяца за полтора, два надо будет приехать в Прагу, чтобы пересмотреть Ваши библиотеки и знать, чем я могу воспользоваться при чтении. Могу ли я рассчитывать на свободное пользование изданиями из разных библиотек и получить в Университете шкаф для их хранения. Быть может Университет поможет мне приобретением изданий, не имеющих у него или в других библиотеках. Мне нужен также волшебный фонарь, если у Вас имеются уже коллекции диапозитивов.

Приехать заранее нужно и ради приискания меблированных комнат, что в Праге, говорят, теперь трудно.

Мне желательно было бы получить официальное приглашение, хотя бы в середине августа, чтобы начать здесь хлопоты по получению виз: 1. Юго-Славии, 2. Австрии и 3. Чехо-Словакии. Чтобы мои рукописи и книги не подвергались осмотру или отображению, я прямо нуждаюсь иметь охранное письмо.

Равно просил бы Вас сообщить мне, каков в настоящее время оклад жалования ординарного профессора.

Будьте любезны сообщить мне Ваши сведения или мнения по всем вышеписанным моим желаниям и нуждам, имея в виду мой преклонный возраст и трудность устройства в новом месте такого сложного дела, как лекции по истории искусства.

Прошу извинить меня за причиняемые Вам хлопоты.

С истинным уважением Н. Кондаков.

P.S. Проф. Пата⁹ сообщил уже Вам, что ранее я получил приглашение из Парижа, но теперь могу обещать, что откажусь от Парижа, если высказанные мною желания и нужды могут быть удовлетворены в Праге. Очень прошу Вас принять во внимание, что приготовление демонстративного материала для доказательства всех выводов и положений в моих лекциях составляет для меня и сложный труд и необходимость, я не мог бы читать лекций помимо этого. Отсутствие пособий в здешних библиотеках заставляет меня бросить здесь чтение среди контракта.

№ 3

Болгария
София, ул. Априлова, 17
12 VIII 21

Многоуважаемый Коллега!

Письмо Ваше от 27 июля получил и очень благодарю Вас за Ваши такие обстоятельные ответы на мои вопросы. Благодаря Вашей любезной внимательности я могу успокоиться по многим пунктам.

Вы пишете в конце Вашего письма, что могли бы скорее других вопросов помочь мне "насчет квартиры, хотя на непродолжительное время". Для нас двух требуется непременно две хотя бы небольшие комнаты, и если это помещение будет там, где нет поблизости ресторанов или пансионов и "столовых" (кухмистерских), то необходимо иметь право готовить, что надо, обед на керосинке. Вот все что нам нужно, но, конечно, с необходимой мебелью и кроватями.

Ожидаю к себе сына из Петрограда, но рассчитывать на его приезд наверняка, конечно, не могу. К тому же в нашем положении нельзя брать квартиру, не имея мебели.

⁹ Пата Й. (1886–1942) – чешский славист, специалист по серболужицким, болгарскому, сербскому языкам и литературам. Преподавал в Карловом университете. Казнен фашистами.

Между тем моя родственница (будущая невестка) писала своей знакомой, Ружене Ясенской, по поводу нашего помещения и получила крайне неблагоприятные сведения, что квартир найти нельзя, а гостиницы крайне дороги.

Нельзя ли поэтому нам поместиться в недорогом пансионе или хотя бы в семействе, на полном содержании. Все это, конечно, можно найти по приезду, но, ввиду дороговизны гостиниц, было бы желательно остановиться в пансионе, чтобы прожить месяц или два, пока найдутся частные комнаты.

Что бы Вы могли нам посоветовать?

Затем я очень желал бы получить возможно ранее известие о своем утверждении из министерства, чтобы выехать отсюда не в холодное время и, приехав в Прагу, иметь возможности искать комнаты и устроить запас книг и атласов для лекций.

Нуждается ли утверждение чужеземного профессора в подписи президента или только министра? Нельзя ли получить от Университета в свое время особую записку в здешнюю Чешскую легацию, чтобы у меня не отобрали при проезде рукописей и книг, что, говорят, в последнее время бывает? Переезды ныне крайне трудны с подобным багажом.

К сожалению, управляющий Чехо-Словацкой легации в Софии уехал в отпуск, сдав управление секретарю, которому, без указания из Праги, нельзя будет мне помочь.

Очень извиняюсь за причиняемое беспокойство.

С истинным уважением и искренне признательный.

Н. Кондаков.

№ 4

6 IX 21

Многоуважаемый коллега, я послал письмо – заказное – 13 авг. в Раецке Теплице с просьбами по делу моего переезда в Прагу. Опасаясь, что это мое письмо уже не застало Вас в курорте, пишу на всякий случай по Вашему зимнему адресу. Между тем время проходит, а я не знаю, состоялось ли решение по моему делу в Министерстве. Я был в Легации Чешской в Софии – там не имеют сведений. Мне нужно успеть переехать, получив здесь визы, надо найти в Праге кров, хотя бы две комнаты, но меблированные, если можно, в частной квартире, обойти библиотеки, собрать пособия для демонстрации и пр. Очень просил бы Вас указать мне недорогой отель, надо две комнаты для нас двоих или пансион. Извините за беспокойство.

Ваш Н. Кондаков

№ 5

София, ул. Априлова, 17
8 окт. 1921

Многоуважаемый Коллега, получил от Вас письмо от 1 окт. и заранее извиняюсь, что вновь беспокою Вас, но Вы поверите, что я нахожусь в крайнем беспокойстве, о чем я и писал уже проф. Пата.

Я был с письмом проф. Пата в Чешской Легации, и мне сказали там, что когда придет официальное письмо от Министерства, то Легация сама в кратчайший срок выхлопочет мне нужные визы. Между тем, не имея такого извещения из Министерства, я должен был бы употребить здесь не менее *трех недель* на получение этих виз. Стало быть, мне пришлось бы ехать в ноябре, уже в начале зимы, и приехать в Прагу больным. Равно и устраиваться там на квартире, которую приискать трудно, и устроить чтение лекций с проекциями и пр. придется тоже в ноябре.

Ввиду этого решаюсь спросить Вас, не сочтете ли удобным, в случае если письмо М-ва не придет вовремя, отложить мой приезд до 1 апреля уже на весенний семестр. Я уже говорил о том проф. Мурко¹⁰ и писал проф. Пата, не решаясь, однако, предлагать факультету. В этом случае я могу остаться здесь на осенний семестр.

С искренним уважением Ваш покорный слуга Н. Кондаков

ПИСЬМА Г.В. ФЛОРОВСКОГО И ПОЛИВКЕ

№ 1

София
1921.VII.6

Глубокоуважаемый профессор,

Обращаюсь к Вам по указанию профессора В.А. Погорелова¹¹ и д-ра Паты¹² за советом и, если возможно, содействием.

Оставляя в начале прошлого – 1920 – года Россию, я был поставлен в печальную необходимость бросить там все свои рукописные материалы, начатые работы и т.п. В числе их было одно исследование, которое мне очень бы хотелось восстановить и закончить. Уже давно я пришел к убеждению в необходимости пересмотра сложившихся представлений о ходе развития русской историософической мысли, исподволь разбирая материал по этому вопросу, составил совершенно определенный план книги, посвященной этой теме. В некотором отношении она должна быть аналогична превосходной монографии Т. Масарика "Russland und Europa", но охватывает более узкую область явлений, может захватить многое в более детальном виде. Приступив уже год назад – здесь, в Болгарии – к вторичной реанимации своих планов, я нашел в здешних книгохранилищах вполне достаточный материал, в том числе некоторые части работы уже удалось довести до конца. Общие заключения такой предварительной разработки я изложил в публичной лекции, читанной в феврале этого года по приглашению проф. С.С. Бобчева¹³ в славянском обществе в Софии и потом опубликованной – под заглавием "Вечное и преходящее в учении русских славянофилов" – в юбилейном сборнике, посвященном С.С. Бобчеву ("Славянский Глас", 1921, 1–4 кн.). Я не имею пока, к сожалению, ее отдельных оттисков, и не могу послать Вам. Приблизительный план всей работы можно сформулировать таким образом:

Введение. Проблема философии истории в применении к славянской русской истории в 30–40-е годы – и общая характеристика этой эпохи на Руси. (Посвященные этому вопросу *русские* исследования игнорировали почти совершенное своеобразие психической атмосферы той эпохи). В настоящее время положительно необходимо сосчитаться с работами, посвященными современным тем движениям на немецкой

¹⁰ Мурко М. (1861–1952) – известный славист, с 1920 г. профессор языка и литератур южных славян в Карловом университете, с 1922 г. соредатор журнала "Slavia", в 1932–1941 гг. – председатель Славянского института.

¹¹ Погорелов В.А. (1872–1955) – русский филолог, с 1923 г. преподавал в Университете им. Я.А. Коменского в Братиславе (подробнее см. [6]).

¹² Пата Й. – см. примечание 8.

¹³ Бобчев С.С. (1853–1940) – болгарский политик и ученый, председатель болгарского славянского общества. Член ряда Академий наук европейских стран.

почве, прежде всего с исследованиями Dilthey'я¹⁴, дающими совершенно новые методологические правила. К тому же сейчас может быть использован и новый материал, опубликованный после выхода в свет таких работ, как книги Пыпина¹⁵ и под. I. Ив. Киреевский, II. Хомяков, III. Ю. Самарин, IV. Белинский, V. Герцен, VI. Гоголь, VII. Ив. Аксаков, VIII. Социологический патриотизм, (а) народничество (прежде всего Н. Михайловский), (б) позднее славянофильство (Данилевский, Леонтьев и др.), IX. Влад. Соловьев, X. Кризис общественного идеала в России (Струве, Булгаков, Бердяев, Гершензон ("Вехи"), Новгородцев и др.).

В настоящее время для меня сделалось ясно, что закончить для печати всю работу в Софии невозможно, потому что целого ряда книг я вовсе не мог достать в специальных библиотеках, ни у частных лиц, а многим пришлось пользоваться в таком виде, который решительно непригоден для темы (вместо книг – первоначальной редакцией в виде журнальных статей). Тем не менее некоторые главы могут быть закончены и здесь, и в их числе глава о Герцене, – и поэтому передо мною выдвинулась задача предварительного издания всей работы по частям. Почти закончить я мог бы и главы I, II, III, посвященные ранним славянофилам.

Сейчас я хотел бы выяснить для себя принципиально, – можно ли надеяться на содействие одного из существующих в Чехо-Словакии ученых обществ для издания работы в целом или по частям. Мне представляется, что тема моего исследования представляет некоторый интерес для них. В случае благоприятного ответа на этот принципиальный вопрос я мог бы в продолжении двух-трех ближайших недель переслать для ознакомления рукопись вполне отработанной для печати главы о Герцене – размером в три-четыре печатных листа, – появление которой в печати в настоящее время представлялось бы весьма своевременным, – я бы сказал современным, отвечающим интересам и потребностям более широким, чем строго ученые. В течение этого же лета я рассчитываю закончить вполне и главу о Киреевском.

По условиям настоящего своего положения я нашел возможность передвижения – в те более крупные ученые центры, где я нашел бы более подходящую обстановку для ученой работы. Покинуть родину мне пришлось в самом начале своего ученого пути – спустя полгода по окончании магистерских экзаменов и вступления в число университетских преподавателей (я был приват-доцентом Новороссийского университета по кафедре философии). Здесь – в Болгарии – мне не удалось найти для себя никакого постоянного места, и я уже в течение года довольствуюсь частными уроками, корректорской работой и т. под. В настоящий момент я ожидаю утверждения в Университет в Скопле, где, однако, вряд ли условия для работы будут очень удовлетворительны, т. к. Университет этот только что возник и еще не обеспечен в смысле библиотечном. Тем острее для меня вопрос публикации своих мало-помалу подвигающихся работ, которое в двояком смысле может помочь мне облегчить прохождение ученого пути.

Как бы ни было наивно и притязательно просить о содействии и помощи, будучи совершенно неизвестным начинающим работником, я позволю себе обратиться к Вам в надежде на Ваше внимание и отзывчивость, – в которой мы, русские молодые работники, теперь так нуждаемся. Примите мои уверения в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

Георгий В. Флоровский

Адрес: София, Болгария, улица "11 августа", 4
Редакция журнала "Русская мысль" – для меня.

¹⁴ Дильтей В. (1833–1911) – немецкий философ-идеалист, один из основоположников иррационалистической "философии жизни".

¹⁵ Пыпин А. Н. (1833–1904) – русский историк культуры, литературы, публицист, этнограф, археолог.

София
1921.VIII.10

Глубокоуважаемый коллега,

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваш любезный и отзывчивый ответ на мою просьбу. Из Вашего письма я заключил, что рассчитывать на возможность издания моей работы в целом трудно и что правильнее было бы пытаться публиковать ее по частям. Это было бы и для меня тем более удобнее, что могло бы ускорить печатание. В настоящее время я почти закончил отдел, посвященный Герцену, и мне кажется возможным издать его в виде отдельной монографии под заголовком "Историческая философия Герцена".

По приблизительному расчету это будет книжечка листов в 7–8 печатных in 8'. Я не знаю, насколько такого рода работа может быть интересна для чешской читающей публики, – все это довольно узкий вопрос. Тем не менее, если бы оказалось возможным опубликовать ее в ближайшее время по-чешски, я был бы очень доволен, хотя и продолжал бы искать издателя для русского подлинника, ибо желательно сделать ее достоянием и русской научной литературы, в которую она в первую очередь вносит поправки и дополнения. Я не обращаюсь пока к профессору Дртин¹⁶, считая это неудобным до тех пор, пока свою просьбу я смогу сопроводить текстом самой работы. Благодаря большим жарам, стоящим здесь сейчас, последний просмотр рукописи задерживается, но к концу месяца я позволю себе переслать ее Вам с покорнейшей просьбой не отказать взять на себя дальнейшую заботу о моей рукописи.

Одновременно Вам посылается экземпляр сборника статей о России – "Исход к Востоку"¹⁷ – изданного здесь в Софии маленькой группой единомышленников, при участии моем и известного Вам князя Николая Сергеевича Трубецкого. Не представляя собою научного исследования, этот сборник тем не менее отражает весьма сильно специальные ученые стремления каждого из участников. Обращен он преимущественно к нашим соотечественникам, но, кажется, может представить некоторый интерес и для более широких слоев, судя, с одной стороны, по тому, что аналогичные воззрения развиваются, например, в современной немецкой литературе (Spengler¹⁸, граф Н. V. Rauserling, отчасти проф. Troeltsch¹⁹), а с другой, потому, что "русская проблема" несомненно возрастает до пределов общемировых.

Мы не рассчитываем на распространение наших *взглядов* и хотели бы только *привлечь внимание* к вопросам *культурно-философским*, слишком затемненным в наши дни злобою современности.

Примите еще раз выражение моей глубокой признательности и уверение в совершенной преданности.

Георгия В. Флоровского

№ 3

София
1921.X.3

Глубокоуважаемый профессор, пользуясь поездкой в Прагу моего друга князя Н. С. Трубецкого²⁰, я посылаю Вам в машинописном отпечатке рукопись части моего

¹⁶ Дртина Ф. (1861–1925) – чешский философ-позитивист, педагог. Профессор Карлова университета. С 1918 г. – гос. секретарь в министерстве школ Чехословакии.

¹⁷ Первый евразийский сборник. См. [7].

¹⁸ Шпенглер О. (1880–1936) – немецкий философ-идеалист.

¹⁹ Трельч Э. (1865–1923) – немецкий теолог, историк религии.

²⁰ Трубецкой Н. С. (1890–1938) – русский языковед, философ. Один из теоретиков Пражского лингвистического кружка и евразийства.

исследования по истории русской философской мысли, обработанную для издания в отдельной книге: "Историческая философия А.И. Герцена". В случае издания должно быть присоединено особое предисловие. Еще одну главу из той же книги я надеюсь закончить к концу будущего месяца – об И. Киреевском и предполагаю просить проф. Мурко о помещении ее в качестве статьи в журнале "Славия". Как я уже писал Вам, оставаясь в Софии, я не могу приготовить к печати всего своего исследования в целом – и, с другой стороны, мне кажется, что *технически* удобнее пробовать печатать его по частям, в расчете на улучшение условий издания.

Я не могу судить, насколько была бы интересна для чешского общества моя книга о Герцене, которая, насколько мне представляется, с объективно-научной точки зрения представляет нечто новое. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы помогли своими указаниями князю Трубецкому в его хлопотах с моей рукописью: я имею в виду прежде всего издание на *чешском* языке.

Примите уверения в моей совершеннейшей преданности, искренне уважающий Вас

Георгий В. Флоровский

№ 4

София
19.IX.1921

Глубокоуважаемый коллега,

Посылаю Вам отпечаток моей статьи о славянофилах, представляющий предвосхищающее резюме большой работы об этом вопросе. Позволяю себе напомнить еще раз о своей рукописи "Историческая философия Герцена", переданной Вам князем Н.С. Трубецким, и еще раз извиниться за доставляемое Вам беспокойство просьбою помочь в деле напечатания этой работы.

Преданный Вам Г. Флоровский

София, "11 августа" 4, ред. "Русской мысли".

№ 5

София
30.XI.1921

Глубокоуважаемый коллега,

Только что получил Ваше письмо и спешу выразить Вам свою самую искреннюю признательность за Ваше внимание и заботы о моей книге. Вам, вероятно, уже известно, что я избран на одну из вольных вакансий, столь любезно предоставленных Чехо-Словацким правительством в помощь русским ученым; пока еще я не имею разрешения чешского министерства иностранных дел на въезд в Прагу – я получил только официальное уведомление об избрании от нашей русской комиссии, и то только вчера – и потому не знаю точно, когда мне удастся прибыть в Прагу. Рассчитываю во всяком случае, что это будет не позже чем через месяц. Тогда я смогу выразить Вам свою признательность лично.

Мне очень приятно было узнать, что моя работа оказалась заслуживающей внимания, и я буду очень рад изданию ее на чешском языке. Заранее приношу благодарность и переводчику, и г. Slavik'y²¹, принявшему на себя труд сделать

²¹ Славик Я. (1885–1978) – чешский публицист, специалист по истории СССР и России. В 1929–1939 – директор славянских архивов при МИД ЧСР (в том числе и Русского заграничного архива). Член редакции журнала.

дополнение к моей работе. Надеюсь познакомиться с ним лично по переезде моем в Прагу. Вероятно, надо будет сделать несколько дополнений в тексте; я рассчитываю, что в Праге мне удастся воспользоваться некоторыми изданиями, которых я не мог достать здесь, в Софии. По этой причине я был лишен возможности присоединить к своей книге заключение с указаниями на то влияние, которое имело мировоззрение Герцена на позднейшую философскую и общественно-историческую мысль в России; между тем, здесь представляется настолько любопытный эпизод, как необычайно близкая аналогия историософических воззрений Герцена и тех взглядов, которые развивал Достоевский, начиная с его "Зимних заметок о летних впечатлениях" – о Зап. Европе, написанных в 1863 г. непосредственно после возвращения Достоевского из-за границы, где он виделся с Герценом. По времени это свидание совпадает с написанием статей Герцена "Концы и Начала", где его историософические взгляды нашли себе полное выражение. Мне кажется, что такого рода "заключение" к книге о Герцене могло бы представлять интерес.

Из Вашего письма я не мог понять, кто собственно принял на себя издание моей книги, и очень бы просил сообщить мне это теперь же, чтобы я знал, кому я обязан лестным отношением к моей работе.

Одновременно я посылаю на Ваше имя два экземпляра отписок своей статьи о славянофилах с просьбой передать их г. Slavik'у и г. Ad. Krb'у.

Примите еще раз мою глубокую благодарность. Искренне преданный Вам

Г. Флоровский

№ 6

11. VIII.1922. IV. Keplerova ulice, Hotel "Savoj", № 7

Глубокоуважаемый Юрий Иванович,

Разрешите просить Вас назначить мне время, когда бы я мог быть у Вас и лично побеспокоить Вас двумя просьбами.

Первая из них касается книг, – если не ошибаюсь, у Вас имеется *Венгеровское* издание Сочинений Белинского, из библиотеки Clementinim'a. Одно взято уже давано г. Микшичем и мои старания достать его были безуспешны. Поэтому я позволю себе просить Вас предоставить мне на 10-дневный срок 1 и 2 том Вашего экземпляра.

Вторая просьба касается моей книги о Герцене, которую я передал Вам в рукописи еще в прошлом году для перевода.

Мне хотелось бы знать, как обстоит дело с переводом. Дело в том, что в несколько переработанном виде я предоставил мою работу о Герцене в качестве магистерской диссертации в нашу Учебную Коллегию и осенью на предстоящем русском академическом съезде предполагается ее защита. Ввиду того, что до сих пор мне не удалось устроить ее напечатание, мне разрешено представить диссертацию в рукописи – в гектограмме. Это очень ограничивает число экземпляров – их будет не более 20. С этой точки зрения меня очень интересует судьба чешского издания этой книги.

Простите, что я обращаюсь к Вам письменно. Я дважды был у Вас лично, но неудачно.

Примите уверение в моей совершенной преданности.

Георгий В. Флоровский

Radošovice u Říčan, číslo 128 u pani Štinadové
1924.XII.31 (1925.1.13)

Глубокоуважаемый Юрий Иванович,

Примите мой сердечный новогодний привет. И разрешите присоединить к нему покорнейшую просьбу. На днях из авторитетного источника я узнал, что Чешская Академия Наук предполагает издание русских монографий, и получил совет обратиться к Вам по этому поводу и просить Вашего содействия и помощи для напечатания Вам хорошо известной моей книге о Герцене. Я не имею точных сведений, почему "Чешско-Русская Еднота"²² отказалась от мысли об издании чешского перевода моей книги, но догадываюсь, что по причинам финансовым. Русское издание задержано тою же причиною. Еще в марте 1922 года моя книга была принята издательством "Слово" на основании заключения профессора С.И. Гессена²³, который, вероятно, не откажется это подтвердить. По моей неаккуратности был упущен благоприятный момент и падение курса марки вызвало затем сжатие издат. деятельности русских фирм. Вы легко представите себе всю моральную важность для меня напечатания моей книги, и, надеюсь, не откажете мне в содействии. На случай я считаю нужным сообщить Вам, что профессора Н.О. Лосский²⁴ и А.А. Кизеветтер²⁵ (как специалист по истории русского общественного движения) согласны, если бы то потребовалось, засвидетельствовать достоинства моей книги. Авторская скромность заставляет меня не настаивать на том, что по научной совести я должен признать сделанные мне возражения и упреки не вполне основательными и преувеличенными полемически. Во всяком случае для напечатания я представляю рукопись в исправленном и отчасти дополненном виде, несколько не изменяя общего характера своей работы. Русский текст моей книги находится у г. Тесковой²⁶. Считаю нужным прибавить, что г. КГб, которому Ч.Р. Еднотой был в свое время поручен перевод моей книги²⁷, дважды обращался ко мне с просьбою разрешить ему на свой риск искать чешского издателя, соглашаясь вместе с тем внести в перевод дополнения и поправки. Я задерживаю ответ, т.к. не думаю, чтобы он имел в виду что-либо определенное и к тому же я его лично не знаю. Все время праздников я был нездоров и потому был лишен возможности побывать у Вас и лично просить Вашего совета и указаний. Помня Ваше всегдашнее внимание ко мне и неизменное благожелательство, я надеюсь, что и сейчас Вы не откажетесь пойти мне навстречу и насколько это зависит от Вас помочь мне.

Примите уверение в моем совершеннейшем почтении и преданности.

Глубоко Вас уважающий Георгий В. Флоровский

²² "Чешско-русская еднота" – культурно-благоворительное общество чешской интеллигенции, ставившее своей целью оказание помощи русским беженцам. Основано в Праге в 1919 г.

²³ Гессен С.И. (1887–1950) – русский философ, преподаватель немецкого университета в Праге.

²⁴ Лосский Н.О. (1870–1965) – русский философ-идеалист, в 1922–1945 гг. профессор философии в Праге и Братиславе.

²⁵ Кизеветтер А.А. (1866–1933) – русский историк. С 1923 г. преподавал на Русском юридическом факультете, в Карловом университете и др. Председатель Русского исторического общества в Праге (1930–1933) (подробнее см.: [8]).

²⁶ Тескова А. (1872–1954) – чешская писательница, переводчица. Близкий друг М.И. Цветаевой. Председатель "Чешско-русской едноты".

²⁷ Упомянутая в письмах Г.В. Флоровского работа о Герцене опубликована под названием "Искания молодого Герцена" (Современные записки. 1929. № 9. Кн. 40).

9 декабря²⁸

Дорогой Юрий Иванович!

Шлю Вам сердечный привет из Парижа. С удовольствием и с пользой я провел здесь два с половиной месяца и на днях собираюсь назад в Прагу. Конечно, я не послел и в малой доле использовать здешних библиотечных возможностей и с нетерпением хотел бы поскорее снова приехать сюда. Не знаю, удастся ли это, можно ли будет получить разрешение из Министерства Иностранных Дел. По приезде расскажу Вам о своих впечатлениях. Примите еще раз мой сердечный привет.

Искренне уважающий и преданный Г. Флоровский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760. Praha, 1972.
2. Polivka J. Ruská literatura, věda a školství za diktatury proletariátu // Naše doba. Praha, 1921.
3. Пацуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
4. Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья. М., 1992. С. 45; Аксенова Е.П. Институт им. Н.П. Кондакова: попытка реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4.
5. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992; В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX вв. М., 1994; Кошарный В.П. Евразийство как объект междисциплинарного синтеза // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. М., 1994. № 4; Евразийский альманах: история, традиции, культура. М., 1995; Кривошеева Е.Г. Пореволюционные эмигрантские течения евразийства (1921–1932). Автореф. канд. диссертации. МГУ. 1995; Виленца И.В. Концепция истории России в научном наследии евразийцев. Автореф. канд. диссертации. МГУ. 1996; Виленца И.В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник Московского университета. 1998. № 1.
6. Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // Славяноведение. 1993. № 4. С. 54–58.
7. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
8. Досталь М.Ю. Неопубликованная статья А.А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии // Славяноведение. 1993. № 4. С. 81–82.

²⁸ Точной даты письма установить не удалось. Вероятно, оно относится к периоду до 1926 г., когда Г.В. Флоровский окончательно переехал в Париж.

П. САВИЦКИЙ. Дороги. Чернигов, 1996. 82 С.

Имя Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) как одного из основоположников, идеологов и организаторов движения евразийцев широко известно в научном мире. Менее освещены в литературе о нем его работы по экономике, географии, истории, архитектуре, лингвистике и литературе. И уж совсем мало кто знает, что он был поэтом. В стихотворении "Универсальность" П.Н. Савицкий так охарактеризовал себя:

Мой рок, мой крест – универсальность...
Цвета искусств, хозяйства лики,
Дела героев и вождей,
И мир наук, живой, великий,
И лица стран, эпох, людей, –
Все так влечет, все так волнует...

Не так давно на родине П.Н. Савицкого, в Чернигове, вышла книга его стихов "Дороги". Но прежде чем говорить о ней, несколько слов о биографии ее автора. Он родился в семье председателя Черниговской земской управы, в 1913 г. с отличием окончил черниговскую мужскую гимназию, а в 1917 г., тоже с отличием, – экономический факультет Петроградского политехнического института. Одним из его учителей в нем был П.Б. Струве. В годы гражданской войны Савицкий уехал на юг России, где стал секретарем Струве, заведовавшего департаментом иностранных дел в штабе Врангеля. Далее последовала эмиграция. С 1921 по 1945 г. Савицкий жил в Праге, был доцентом, а позже – профессором в эмигрантских высших школах, много печатался (библиография работ П.Н. Савицкого содержится в [1]) и активно участвовал в научной и культурной жизни всей русской пражской колонии. Он стал одним из идейных основоположников евразийства. С 1940–1944 г. Савицкий был директором кооперативной русской гимназии. В 1945 г. его арестовали и вывезли в СССР. До 1955 г. родные о нем ничего не знали. Именно на этом период заключения в концлагерях и жизни на поселении в Мордовии приходится подавляющее большинство стихотворений сборника "Дороги". На склоне лет Савицкий вернулся в Прагу, где был за свои стихотворения о жизни заключенных в СССР осужден чешским правосудием на три года тюрьмы, однако вскоре амнистирован. В последние годы жизни он переводил на русский и чешский языки, сотрудничал с АН Чехословакии, готовил статьи для чешской энциклопедии, активно переписывался с советскими учеными Н.К. Гудзием, Л.Н. Гумилевым и др. (подробнее о жизни и творчестве П.Н. Савицкого см. [2]).

А теперь вернемся к книге "Дороги". Это, конечно, не обычная книга стихов: во-первых, она написана очень своеобразным мыслителем и, во-вторых – в неволе.

Главное в ней, может быть, не столько поэтическое совершенство стихотворений, хотя все они отмечены какой-то особой стилиевой индивидуальностью их сочинителя, а заложенная в них мысль умудренного жизнью и опытом многогранного ученого и мыслителя. Савицкий и в стихах остается ученым, но в то же время раскрывается в них и как человек. И это делает особенно привлекательной и интересной его книгу.

В поэтический сборник "Дороги" включено 54, чаще всего небольших, стихотворения, каждое из которых является как бы итогом раздумий о том или ином предмете. Тематика их многообразна. Это и лагерные думы, и лагерные впечатления, и лагерный быт ("Чего хочу?", "Троечастие", "Любовь к жизни", "Голос", "Свет пятьдесят четвертой параллели", "Сердце", "Лесоруб", "Помнящим", "Мордовский мед", "Старик изможденный" и др.). Вот лишь несколько отрывков из такого рода стихов:

Чего хочу? – Чтоб пламенная твердость
Булатным сделала закал моей души.
Чтоб слово яркое, дел, чувств и мыслей новость
Я выносил в себе – в изгнаныи и тиши.

("Чего хочу?")

Пусть голос мой раздастся из острога.
Здесь искренность – единый мой закон.
Не выдумкой, затейливой и новой,
Но силою любви пусть сердце тронет он.

("Голос")

Исчезли радости, и потускнели краски,
И на шестом десятке лет
Мне выпал жребий, несказанно тяжкий,
Непредставимых горестей и бед.

("Помнящим")

Работяги, доходяги, быстрые придурки,
Мозгокруты, малолетки, и жучки, и урки...
Сердце в каждом грустью, болью бьется,
Сердце в каждом к светлой жизни рвется.

("Сердце")

Стихотворения сборника отражают многие, если не все, грани научных и духовных интересов П.Н. Савицкого. В некоторых из них отражены евразийские представления автора. Так, в стихотворении "Стойкость русская" читаем:

...То стойкость русская, завет векам идущим.
Нет равных ей среди мерил земных.
Она чревата мировым грядущим.

Показательны и обращенные к степи строки стихотворения "Курганы":

Цвети цветами, кутай в мглу
Наш каждый шаг и нашу встречу
И шли лучистую стрелу
Степным столетиям навстречу!

Нередко Савицкий-поэт раздумывал и о философских вопросах, в частности гносеологии ("Простое", "Удел", "Есть смысл во всем"). Ряд его стихов посвящен воспоминаниям о детстве и юности ("Бутовичевка", "Чернигов", "Странствия"). Свойственный автору интерес к архитектуре отразился в стихотворении "Вехи зодческие". Многие поэтические строки сборника свидетельствуют о последовательном патриотизме Савицкого, о присущем ему историческом оптимизме ("Путник", "Обращение", "Имя" и др.).

Автор книги "Дороги" был глубоко верующим человеком. Его христианское мировоззрение и мировосприятие нашли отражение не только в отдельных стихах сборника на духовные темы ("Мудрость", "Кротость", "Путем дитяги", "Звезды"), но и в специально посвященных русским православным святым и иерархам стихотворениях ("Феодан затворник", "Ермоген", "Антоний", "Ольга", "Алексий").

Ряд стихотворений Савицкий посвятил тем, кого знал, с кем был близок ("Струве П.Б.", "Модзалевский В.Л.", "Пожеланье А.С. Э[фрон]"). Дочь Марины Цветаевой Алю (Анастасию) Савицкий знал еще по Праге. Вот строки из его стихотворного "Пожеланье...":

Потока лет причудливы извивы.
Я испытал удар кипящих волн.
Затронули и Вас житейских бурь порывы:
Я знал Вас девочкой – и узницей нашел!
Марины дочь – слагательницы строгих
И силой внутренней одушевленных строк!
Нет, не унижит Вас печать страстей убогих,
И бедственный поток Вас в бездну не увлек.

Одно из стихотворений сборника называется "Достоевский". К этому писателю Савицкий имел особое тяготение, видя в его творчестве "суть сокровенную и подвига и зла".

Многое говорит об авторе книга его стихов, многое приоткрывает в духовном облике этого незаурядного человека, который и в трагической ситуации сохранял любовь к жизни, к родной земле, оставался оптимистом и творцом. Она несомненно заслуживает того, чтобы о ней не только узнали, но и познакомились с ее содержанием непосредственно, услышали голос одного из тех изгнанников, а потом и невольников, одного из тех, кто, несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды, до конца дней своих искренне и глубоко любил Россию. Закончим наш краткий отклик на книгу "Дороги" отрывком из входящего в нее стихотворения П.Н. Савицкого "Молитва" (1947):

Пошли мне, Господи, пошли мне дух и силу
Перенести все то, что встретил я в пути...
Подай мне, Господи, и крепость, и способность
Простить ругателям святость души моей.
Дар всепрощенья дай и кротость, и беззлобность,
Да послужи Любви и Истине Твоей.

© 1999 г. Л.С. Кишкин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Česko-slovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských narodů od roku 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972. S. 419–420.
2. Бобырь А.В. Дорога восхождения Петра Савицкого // Савицкий П. Дороги. Чернигов, 1996. С. 3–23; Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. С. 458–459.

Л. ФЛЕЙШМАН, Ю. АБЫЗОВ, Б. РАВДИН. Русская печать в Риге. Из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов. Кн. 1. На грани эпох: Рижская газета "Сегодня" и культура русского зарубежья 1930-х годов. 1930. Кн. 2. Сквозь кризис: 1931–1932 гг.; Кн. 3. Конец "демократии": 1933–1934 гг.; Кн. 4. Между Гитлером и Сталиным: 1935–1936 гг.; Кн. 5. Близость катастрофы: 1937, 1940 гг. Stanford Slavic studies. 1997–1998. Vol. 13–17

Серию "Stanford Slavic Studies" специалистам представлять не надо. Единственное, что вызывает раздражение у поклонников этого академического издания – мизерный тираж и оттого практическая его недоступность.

Инициатором многотомника стал неутомимый исследователь творчества Б. Пастернака и наследия русского зарубежья Лазарь Флейшман. Десять лет назад Флейшман открыл стэнфордскую серию томом, посвященным известному специалисту по советской литературе Эдварду Брауну. Сенсацией стала публикация в этой книге писем Юлиана Оксмана Глебу Струве за океан. Выяснилось, что известный пушкинист стоял за передачей на Запад стихов О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой. Впоследствии каждый том "Стэнфордских славянских исследований" вводил в научный оборот новые, фундаментальные материалы. Особо стоит отметить четыре книги Ю. Абызова, постатейно (!) расписавшего всю русскую печать в Латвии с 1917 г. по 1944 г.

Ю. Абызов, председатель русского культурного центра в Латвии, имеет самое непосредственное отношение и к другой работе – пятитомнику «Русская печать в Риге: Из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов», составивших соответственно с 13 по 17 выпуски Стэнфордских записок.

Даже среди всего моря публикаций и исследований по русской эмиграции, буквально заполонивших российскую и русскую зарубежную печать, значение этой масштабной работы Л. Флейшмана, Ю. Абызова и главного редактора "Даугавы" Б. Равдина, думается, будет еще осмысляться долго.

"Сегодня" выходила в Риге с 1919 по 1940 гг. В ней с удовольствием печатались лучшие литераторы и журналисты русского рассеяния. Публиковались тут Куприн и Бунин, грустный сатирик Саша Черный и общепризнанный ныне поэт и пушкинист

Владислав Ходасевич. Свои репортажи из Парижа присылал охотник сначала за царскими, а потом за советскими провокаторами Владимир Бурцев, а из Хельсинки – пронзительный поэт "белого дела" Иван Савин. "Сегодня" была одним из самых значительных интеллектуальных центров русской эмиграции.

И вот пять томов архива этой газеты увидели свет. Пожалуй, впервые литературно-политический мир русского зарубежья предстал в таком многоцветье самых различных взглядов и идейных установок.

Авторы, среди которых преобладали имена, ныне золотом вписанные в скрижали русской культуры, буквально забрасывали ответственного редактора газеты М.С. Мильруда, погибшего позже в карагандинском лагере, своими посланиями. Там было все – и, конечно, проблемы гонимых, и обиды, и, что самое ценное, рассказы о только что происшедших встречах и событиях. Вся эта огромная двадцатилетняя махина разобрана, самым тщательным образом откомментирована и представлена на суд читателей.

Неизвестные строки М. Цветаевой и И. Северянина, А. Деникина и Б. Зайцева, и также десятки других менее известных русских литераторов со всего мира. Здесь можно найти и большую подборку писем А. Амфитеатрова, с годами все больше склонявшегося вправо, и заметки дочери Столыпина М. Бок, и, к примеру, записки скандально знаменитого литератора А. Каменского, несколько раз эмигрировавшего, а затем снова возвращавшегося в СССР.

Поразительно, что "Сегодня" действительно демократическое издание: на ее страницах читатели могли познакомиться с воспоминаниями протоиерея Владимира Востокова, одного из духовных лидеров "Союза русского народа" и статьями замечательного романиста и либерала Марка Алданова.

Согласитесь, вряд ли у этих двух людей было хоть что-то общее.

Здесь видны и корни другой проблемы. Очень важным представляется публикация многочисленных писем, свидетельствующих об истинном положении русскоязычного меньшинства, и о проблеме истории межнациональных отношений в целом. "Русская печать в Риге" прекрасно показывает, как с течением времени и по мере усиления гитлеровского геноцида и сталинских репрессий, у очень многих вполне достойных людей все чаще возникали потребности как-то объяснить все происходящее высшими интересами и попытаться найти смысл в том, что творилось вокруг. Откровением наверняка станут письма некоторых сейчас весьма почитаемых писателей, не совсем совпадающие с общепринятыми о них представлениями.

Что еще важно – "Сегодня" непрерывно боролась за свое существование, за право сох-

ранения свободного русского голоса, который нравился далеко не всем. Именно политической ситуацией зачастую объяснялся отказ после переворота Карлиса Ульманиса в 1934 г. Газета оказалась под надзором министра общественных дел и от нее требовали воспевания исключительно "латышской Латвии". Но еще задолго до этого основатели "Сегодня" Я. Брамс, М. Мильруд и Б. Харитон, отец знаменитого ядерщика, не устали объяснять авторам, что они латвийская газета на русском языке, а не эмигрантская русская газета, которая, если захочет, может забыть об официальной позиции властей.

Грандиозное издание «Русской печати в Риге: Из истории газеты "Сегодня"» показывает, что газета была самым настоящим культурным центром России в изгнании в Балтии.

© 1999 г. В. Леонидов

Славистика. Белград, 1997. I. 211 С.

Журнал "Славистика" является новым изданием Славистического общества Сербии, который задуман как ежегодник и предназначен для публикации на разных славянских языках материалов, освещающих научную проблематику из области славянских языков, литератур и культур. Кроме того, как и всякий научный журнал, "Славистика" ставит перед собой цель информировать читателей о текущих событиях в научной жизни и наиболее значительных достижениях славистической науки и практики в различных странах. Главный редактор журнала – профессор Белградского университета, известный славист Боголюб Станкович. Первый номер журнала приурочен к двум знаменательным юбилеям: 120-летию преподавания русского языка и литературы в Белградском университете и 50-летию Славистического общества Сербии.

Преподавание русского языка и литературы в Белградской Высшей школе, впоследствии – университете, началось в 1878 г., а первым преподавателем на соответствующей кафедре стал русский славист, профессор П.А. Кулаковский. Значительный этап в истории кафедры связан с деятельностью на ней в течение нескольких десятилетий выдающегося ученого и педагога Радована Кошутича, а впослед-

ствии – его учеников (более подробно об истории и деятельности кафедры см.: [1]).

Деятельность кафедры славистики Белградского университета последние полвека неразрывно связана с работой Славистического общества Сербии, созданного в 1948 г. по инициативе 32 ведущих академиков, университетских профессоров, научных работников и литераторов. Со дня основания общества свыше 20 лет его президентом был выдающийся сербский филолог академик А. Белич. Члены общества во многом способствовали развитию славистической науки и славистики как научной специальности и повышению их престижа в своей стране и за ее пределами. Одной из наиболее заметных и значительных форм деятельности общества является организация и проведение совместно с кафедрой славистики ежегодных январских конференций славистов, ориентированных, прежде всего, на преподавателей-практиков. К значительным достижениям деятельности Общества славистов Сербии следует отнести и осуществление издания нового славистического журнала.

Концепция журнала хорошо продумана и отвечает поставленным задачам. В журнале – четыре тематических раздела. Первая отведена публикации докладов 35-й

ежегодной конференции славистов; представление материалов последующих конференций составит постоянную рубрику журнала.

Проблематика докладов, представленных в первом номере журнала обширна и многообразна. В статьях лингвистического направления освещаются прежде всего проблемы, касающиеся синтаксиса, семантики и стилистики. Общим для всех работ является их практическая направленность и сопоставительный подход при рассмотрении языковых явлений. Сопоставление осуществляется чаще всего на материалах двух языков, один из которых – сербский, а второй (в большинстве случаев) – русский.

В статье Б. Станковича – "Сопоставительный подход при изучении словосочетаний с пространственным значением в сербском и русском языках" сопоставление проводится от сербского языка к русскому, в отличие от большинства сопоставительных работ по данной теме, что специально подчеркивается автором. Б. Станкович предлагает один из возможных способов описания соотношения сербских и русских моделей словосочетаний с пространственным значением, при котором модель словосочетания понимается как синтагматический тип, представленный схемой, информирующей о семантико-функциональных отношениях и морфологических характеристиках компонентов. Объектом сопоставления является также и соотношение статусов моделей в двух языках, т.е. их позиция в языковой системе. Такой подход позволил исследователю прийти к выводам типологического характера, а именно: 1) в обоих языках наблюдается нейтрализация оппозиций, имеющих конкретное пространственное значение, осуществляемое, однако, неидентичными способами (в сербском этот процесс выражен более отчетливо); 2) процесс вытеснения падежей без предлогов и замены их предложно-падежными конструкциями для выражения пространственных отношений в русском языке почти полностью осуществлен, тогда как в сербском беспредложный дательный и творительный все еще используется в этой функции достаточно часто.

Пространственные отношения в ином аспекте являются предметом исследования в статье П. Пипера "О сербских и русских политических метафорах, выражающих пространственные отношения". Автор рассматривает способы метафорического использования в политическом дискурсе средств с первичной функцией выражения

пространственных отношений, таких как: "странке центра, авангардне снаге, скренуги са линије" (в сербск.) или: "политический центр, линия правительства, номенклатурный круг, рыночное пространство..." и т.п. (в русск.). Особое внимание уделяется семантическим типам транспозиций пространственных значений и критериев в непространственных семантических сферы, в частности, разграничению абстрактной и конкретной лексики в таких метафорах, а в рамках последней – выделению наиболее типичных тематических групп, имеющих, например, в своих семантических структурах компонент "путь" (зигзаг истории) или обозначающих движение в широком смысле (прийти к власти) и т.п. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что несмотря на высокую степень сходства между сербскими и русскими пространственными метафорами в политическом тексте, между ними могут проявляться различия, вызванные, в первую очередь, употреблением в таких метафорах лексических и фразеологических единиц со специальным культурным фоном, например: "последний троллейбус" (в русск.) или "исправљати криву Дрину" (в сербск.).

В статье Е. Матияшевич – "Из семантики глаголов русского и сербского языков" на материале словарей русского и сербского языков анализируются глаголы оценочной интерпретации, находящиеся на негативной стороне оценочной шкалы. С учетом того, что в словарях (двуязычных, нормативных одноязычных и словарях синонимов) эти глаголы характеризуются синонимическими отношениями, автор в результате проведенного исследования выявляет семантические и прагматические причины и иллокутивные цели, ставящие эти глаголы в синонимические отношения. Поскольку исследование имеет не только теоретический, но и практический характер, неизбежно было рассмотрение данной проблематики в аспекте межязыковой эквивалентности. Анализ показал, что общим в двух языках является, прежде всего, синкретизм оценки и прагматической функции, по которой рассматриваемые глаголы объединяются в одну группу. Однако дистинктивные характеристики этих глаголов требуют большого внимания в лексикографической практике и при переводе разных типов текстов, где прагматика непосредственно связана с семантикой.

Возможности толкования значения вопросительного высказывания в русском и сербском языках с опорой на контекст являются предметом изучения Д. Мирич в

статье "Контекст как сигнал модификации значения высказывания". При рассмотрении выделяются два типа контекста: вопросно-ответное единство и линейный контекст, принадлежащий одному говорящему лицу. В результате анализа устанавливается тождественность или контрастность между двумя языками в отношении зависимости семантики высказывания от типа контекста.

В небольшой по объему, отличающейся широтой и разнообразием охватываемых проблем статье "Польский – сербско-хорватский (опыт сопоставительного анализа в учебных целях)", Б. Дабич предлагает краткий эскиз для сопоставительного анализа польского и сербскохорватского языков, значительно разошедшихся в ходе самостоятельного развития. Сопоставление проводится на нескольких языковых уровнях, а именно: 1) особенности литературного языка, 2) звуковой состав и просодия, 3) морфология, 4) синтаксис и фразеология, 5) лексика. Основное внимание автора привлекают дифференциальные признаки и контрасты в двух языках. Такое сопоставление, проведенное на конкретном языковом материале, несомненно поможет студентам в практическом овладении родственным языком, а предложенная в статье модель сопоставительного анализа может быть использована при контрастивном описании другой пары славянских языков.

Материал польского языка, наряду с сербским и русским, привлекает в своем исследовании и Д. Войводиц, рассматривающий конструкции футуральной семантики с формально отсутствующим предикатом. Анализируя средства оформления и способы функционирования эллиптических конструкций, исследователь отмечает, что существенных расхождений в использовании рассматриваемой языковой универсалии между тремя сопоставляемыми языками не выявлено. Синтаксическим проблемам посвящены также статьи Д. Керкез, Б. Вичентич и Е. Правды. Особенности языка специальности привлекли внимание Н. Лаинович-Стоянович, а в статье М. Релич рассматриваются экспрессивные средства языка. В докладе К. Кончаревич исследуется один из аспектов содержательного плана учебника русского языка для сербских школ. Работы П. Буяня и А. Корда-Петрович касаются вопросов взаимопроникновения культур различных славянских народов.

Интенсивному развитию славистики в конце XX в. во многом способствовало объединение индивидуальных научных исследований в коллективные проекты,

однако цели, задачи, способы и результаты их реализации недостаточно широко известны. Чтобы восполнить этот пробел, вторая рубрика журнала, названная "Славистические научно-исследовательские проекты", отводится для публикации материалов о важнейших научно-исследовательских проектах последних лет, которые реализуются силами ученых-славистов различных югославских университетов и научных центров. Авторы публикаций этой рубрики в большинстве случаев – руководители проектов – крупные ученые, ведущие специалисты в своих областях.

Открывает этот раздел сообщение П. Ивича о работе над "Этимологическим проектом САНИ" (Сербской Академии наук и искусств). Проект реализуется специально созданным с этой целью в Институте сербского языка Академии этимологическим отделом, возглавляет который, а также руководит проектом акад. Павле Ивич. По окончании работы, рассчитанной на многие годы, сербская наука, по словам П. Ивича, "получит труд, который заполнит существенный пробел в этой области, придав новое направление изучению сербского языка, и одновременно внесет вклад в науку, которого вправе ожидать славистика от сербских ученых" [2]. С. Реметич освещает основные этапы работы югославских и сербских диалектологов в области лингвистической географии в рамках различных международных проектов и выражает надежду, что к началу следующего столетия будет завершена работа по составлению атласа сербских народных говоров.

Проект "Сербская культура и литература в европейском контексте", который возглавляет М. Сибинович, осуществляется с 1996 г. и объединяет научные исследования нескольких факультетов Белградского и Новосадского университетов. В их ближайших планах – проведение международного симпозиума на тему: "Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах".

Проект "Сопоставительное исследование сербского и других славянских языков", начиная с 1991 г. руководит П. Пипер. Исследования, проведенные в последний пятилетний период, опираются на предшествующую традицию, но несколько отличаются методологическими подходами, в частности, сопоставление осуществляется от родного языка к инославянскому. Проект включает в себя семь тем из области грамматики, лексикологии, лексикографии, стилистики и др. С 1991 по 1996 г. в рамках

этого проекта было опубликовано 93 работы и проведена международная конференция "Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других славянских языков".

Словарь сербскохорватского литературного и народного языка САНИ, несомненно, крупнейший лексикографический проект сербской национальной культуры и один из крупнейших словарных проектов в славянском мире вообще. Концепцию словаря и результаты проделанной к настоящему времени работы осветил Э. Фекете. М. Стоянович и Н. Богданович информируют о деятельности Научно-исследовательского центра и университета в Нише.

Третий тематический раздел журнала называется "В мире славистической литературы" и имеет целью познакомить читателей с различными публикациями: монографиями, университетскими учебниками, новыми журналами, словарями и т.п., появившимися не только в Югославии, но и в славянском мире вообще в последние десятилетия. В этом разделе публикуются, в частности, рецензии на "Словарь эпох, направлений, групп и манифестов" И. Павелки и И. Поспешила (А. Корда-Петрович), "Учебник по фонетике и фонологии чешского языка" З. Палковой (В. Копривица), "Хрестоматию по болгарской литературе" для болгарских средних школ в Югославии (Б. Станкович), сборник работ "Сто лет полонистики" (В. Митринович), монографию К. Кончаревич по методике преподавания иностранных языков (А. Терзич) и др. Особенно интересным представляется материал, написанный В. Вулетицем "Rossica и русистика в библиотеках Матицы Сербской и философского факультета Новосадского университета", рассказывающий о влиянии России на развитие сербского национального сознания и сербской культуры на протяжении последних трех столетий.

Четвертый раздел журнала представляет собой хронику и называется "Из славистической жизни". В нем публикуются, например, материалы о конференциях в Москве ("О сербскохорватском языке и югославских литературах", Б. Чорич) и Пловдиве ("Лингвистические и культурологические аспекты русского языка в сравнении с родным", К. Кончаревич), VI Коллоквиуме молодых языковедов в Братиславе (З. Стеховская); сообщение о деятельности Славистического общества Сербии в период с 1995 по 1997 гг. и др. Только что вышедший XV том Словаря САНИ представляет директор Института сербского языка С. Ремеич. Статья Б. Терзича "Навстречу юбилеям" рассказывает об истории кафедры славистики Белградского университета и Славистического общества Сербии.

В целом можно сказать, что журнал "Славистика" имеет как научно-теоретический, так и прикладной характер, следовательно, обращен и к специалистам академической науки, и к преподавателям-практикам. Журнал отличается широтой и многообразием обсуждаемых научных проблем, высоким профессионализмом и информативностью, а также прекрасным полиграфическим исполнением. Его страницы предоставлены не только известным ученым, но и начинающим исследователям, что гарантирует преемственность научной мысли и, безусловно, обеспечит журналу долгую жизнь.

© 1999 г. В.Н. Зенчук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терзић Б. У сусрет јубилејима. 120 година српске русистике и 50 година Славистичког друштва Србије // Славистика. Београд, 1997. I. С. 203–208.
2. Ивић П. Етимолошки пројекат САНУ // Славистика. Београд. 1997. I. С. 115.

M. SESTAK, M. TEICHMAN, L. HAVLIKOVA, L. HLADKY, J. PELIKAN. Dejiny jihoslovanskych zemi. Praha, 1998. 757 S.

М. ШЕСТАК, М. ТЕЙХМАН, Л. ГАВЛИКОВА, Л. ГЛАДКИ, Й. ПЕЛИКАН. История югославянских стран

Труд коллектива чешских ученых во главе с заведующим Отделом всеобщей истории XIX–XX вв. Института истории АН ЧР Мирославом Шестаком впервые в чешской (вероятно, и во всемирной) историографии охватывает эпохи от прихода славян на Балканы до 1997 г. Авторы опирались на значительные традиции чешской югославистики (К. Иречек, М. Паулова, Ф. Волман, В. Жачек и др.).

Выводы, содержащиеся в прежних исследованиях, в монографии подчас кардинально пересмотрены. Это особенно относится к тезису, будто создание единого государства югославян "являлось единственным возможным результатом их исторического развития" (С. 7). Вопреки многим настораживающим фактам, эта концепция доминировала в трудах, вышедших в разных странах.

Вместе с тем переплетение судеб разных этносов, массовые миграции и т.п. – все это, по мнению авторов, "с методологической точки зрения" обосновывает изложение в одной книге истории разных народов даже после распада Югославии. Оригинальная, смелая в гражданском и обоснованная в научном отношении позиция (разумеется, это не свидетельствует о нашем отрицательном отношении к трудам по истории отдельных народов).

Книга состоит из 22 глав, объединенных в разделы: I. Югославянские этносы и государства в средние века; II. Югославяне под властью османов, Габсбургов и Венеции; III. Формирование современных югославянских наций и их государственности; IV. Югославяне в королевской Югославии; V. Югославяне в период второй мировой войны; VI. Социалистическая Югославия; VII. Югославянские государства после распада Югославской федерации. "В течение прошедших двух тысячелетий едва ли можно обнаружить период, когда эпицентр общественных катаклизмов, потрясающих Европу, хотя бы частично находился в современном югославянском пространстве" (С. 5). Располагавшиеся на перекрестке мировых цивилизаций, в сферах интересов великих держав и

разных социальных систем, югославянские народы перенесли тяжелые страдания. Но особо разъяснен интерес авторов к Новому времени и современности. Оба мировых военных конфликта XX в. "оставили здесь труднозаживающие раны, многие из которых вскрылись в недавнем международном столкновении".

Главы, посвященные двум югославским, а также постюгославским государствам (1918–1941, 1945–1991, 1991–1997), а также антифашистской и гражданской войне (1941–1945), занимают около половины объема текста. Особое внимание авторы уделили условиям и причинам возникновения югославских государств и их распада. Всесторонне рассмотрены их внутривнутриполитическое развитие, внешняя политика, экономические процессы, социальные отношения.

Пересмотр старых концепций содержится в выводе, что возникновение Королевства СХС в 1918 г. было результатом не "закономерности" развития разных народов, а конкретной внешне- и внутривнутриполитической обстановки (экспансия Италии, позиция других государств-победительниц, крестьянские волнения, чреватые тяжелыми социальными потрясениями). Возникновение "второй" Югославии было предопределено руководством освободительной войной со стороны КПЮ с ее программой Югославской федерации. Распад же СФРЮ не был вызван внешними силами, хотя после него выявилось различие в подходе держав к балканским проблемам.

В книге подвергается критике расхожее мнение чешской публицистики относительно войны 1991–1995 гг. "Было несложно объявить сербов силой зла, борющейся за сохранение старого порядка, а их противников сторонниками демократии и гражданского общества" (С. 662). В действительности ядро конфликта заключалось "во вновь оживившемся национализме, овладевшем всеми югославянскими народами" (С. 662). Война, утверждают авторы, явилась результатом не сербской агрессии, а борьбы хорватских сербов против Загреба и

боснийских сербов против Сараева (т.е. их отказа от вхождения в состав новых государств). Это сопротивление пользовалось "поддержкой" Белграда (но имели место бомбардировки с воздуха и артобстрелы ЮНА семидесяти городов Хорватии! – В.Ф.). Позднее, продолжают авторы, так же поступали хорваты Боснии, и за ними стоял Загреб. "Каждая из сторон несла свою долю ответственности". Главным виновником надо считать не какой-либо народ, но "представителей ...элит, проникнутых национализмом" (S. 662). Относительно внешнеполитической обстановки в книге говорится, что иностранные державы стремились уменьшить отрицательные международные последствия событий в бывшей Югославии, а затем вообще устранить их. При этом сделан важный вывод о падении в постиндустриальную эпоху роли Балкан – экономической (как источника сырья) и стратегической.

Все это так. Но нет ли в рассуждениях о национализме недооценки существующей два века в Европе и вне ее общей тенденции создания национальных государств? В XIX–XX вв. в Европе возникло более двух десятков государств, а в мире распалось несколько империй. Этот процесс не миновал даже цивилизованную Чехословакию, но прошел именно цивилизованно, демократически (существенно отсутствие здесь зон смешанного населения и негативных традиций межнациональных отношений). Подобное развитие событий имело место и в Скандинавии, при отделении Норвегии от Швеции в 1905 г. Из сказанного выше напрашивается вывод, что национализмы по объективному содержанию несколько различаются.

Указанной тенденции с середины XX в. противостоит процесс интеграции свободных государств. К сожалению, тенденция к распаду, почти как правило, сопровождается не только подъемом демократического чувства патриотизма у масс, но и раздуванием "элитами" крайнего национализма.

Все сказанное не означает, что тенденция распада абсолютна. В ряде случаев народы удовлетворились равноправием (например, в Бельгии, Испании, пока что – в Канаде).

Весьма содержательно Заключение труда. "Было бы большой иллюзией верить, что после исчезновения коммунистической системы в югославянских республиках удастся быстро создать демократическое общество". В борьбе за власть националисты распространили свою идеологию. Они убедили большую часть населения в том, что только "национально ориентированные партии" в состоянии отстаивать его интересы. Некоторые границы (Босния, Санджак, Косово, Македония) не прочны. Судьбы народов региона во многом зависят от значительной внешней помощи, способной "вызволить регион из состояния политического, хозяйственного и общественного маразма, вызванного долголетней войной". Но от новых конфликтов не может предохранить даже самая интенсивная помощь, "пока этого не станут добиваться сами народы" (S. 663).

Огромный объем фактического материала требовал от авторов четких, сжатых, емких обобщающих характеристик, при этом авторам мастерски удалось "уложить" в тесные рамки даже большой книги множество необходимых деталей. В книге, вероятно, впервые в исторической литературе содержится подробное изложение основных событий 1991–1997 гг. во всех частях СФРЮ – до и после ее распада. В связи с этим трудно переоценить значение труда как справочного издания. В значительной степени то же можно сказать о периоде 1918–1991 гг. Восприятию материала помогают многочисленные иллюстрации и особенно карты, хронологические таблицы.

Монография является талантливо написанной книгой – весомым вкладом в историческую славистику.

© 1999 г. В.И. Фрейдзон

K novověkým sociálním dějinám Českých zemí. II: Z dob rakouských a předlitavských. 1848–1918. Praha, 1998. 159 S.

K социальной истории Чешских земель в новое время. II: Из времен Австрийской империи и Цислейтании. 1848–1918.

K novevěkým sociálním dějinám Českých zemí. III: Od války k válce. 1914–1939. Praha, 1998. 133 S.

K социальной истории Чешских земель в новое время. III: От войны к войне. 1914–1939.

Проблематикой социальной истории Чешских земель (Чехословакии в 1918–1992 гг.) в XIX–XX вв. занимается Институт экономической и социальной истории философского факультета Карлова Университета в Праге. В институте работает постоянно действующий Семинар социальной истории под руководством профессора З. Карника. Его участники – все заинтересованные в данной проблематике обществоведы: профессора и преподаватели, научные работники, студенты и т.д. Результаты работы семинара предполагается отразить в имеющем грант проекте "Социальная история Чешских земель в новое время", который состоит из четырех сборников, хронологически охватывающих период примерно с конца XVIII до конца XX в. Авторы издания, справедливо подчеркивающие, что "без социальной истории немислима социально-политическая история", констатируют незначительный интерес общественности к данному направлению исторической науки. Отмечая, что в этой области исследования в период первой республики (1918–1939) были достигнуты неплохие результаты благодаря усилиям таких ученых как Б. Мендл, Ф. Модрачек, М. Вольф, авторы считают одной из причин такого падения интереса дискредитацию изучения социальной истории во времена тоталитарного режима, обусловленную путями официозного марксизма-ленинизма и прямым социальным заказом.

К настоящему времени изданы два из намеченных сборника, один из которых (по проекту – второй) посвящен периоду 1848–1918 гг., а другой (по проекту – третий) – 1918–1939 гг. Такое нарушение хронологической цепочки издания обусловлено практическими соображениями: программой обучения на философском факультете Карлова Университета. Статьи, представленные в сборниках, носят разноплановый характер

как с точки зрения хронологического охвата, так и проблематики, но связаны единым тематическим замыслом.

Первый из упомянутых сборников, подготовленный шестью авторами, открывается фундаментальными постановочными статьями Й. Штаифа "Начало гражданского общества, революция 1848 г. и Чешские земли (Концепции, историография и изучение)" и З. Карника "Консервативные социальные источники суперэтнического [supraetnický] австриячества и предлитавского супернационализма [supranacionalism]". Карник лишь намечает современный подход к теме, ее контуры, объясняет необходимость использования иностранной терминологии: латинское "supra" обозначает "явление совершенно отличное", в данном контексте – «формирование *нового* этноса, возникающего (не механистически) из других "низших" компонентов». Речь идет «о проблемах *нации*, которая является этнической или политической (государственной) *"нацией наций"*; нации, которая существует *"наряду с ними"* и одновременно *"над ними"*, не состоящая с ними и не уничтожая их программных основ». При этом автор оговаривает, что его выводы и теоретические построения касаются лишь внутриаустрийских проблем, а не межгосударственных отношений, например идеи пан-Европы или современных дискуссий о концепции европейского сообщества. В статье Я. Мехиржа разбирается понятие "социальное движение", говорится о формах социального и сословного движения (аграрного, рабочего), соотношении понятий "социальное" и "политическое движение". Я. Махачова, анализируя воспоминания В. Медка, рассматривает положение и поведение мелких ремесленников в Чешских землях во второй половине XIX в. О материальном положении бедного сельского населения, ремесленных и промышленных рабочих

в Чешских землях во второй половине XIX – начале XX в. говорится в статье Й. Матейчека. Я. Чехурова-Шетржилова на примере контактов представителей младочехов с руководством Живностенского банка рассматривает политическую репрезентацию чешских предпринимателей в начале XX в. и делает вывод о том, что это сотрудничество наложило неизгладимый отпечаток не только на предвоенную общественную атмосферу в Чешских землях, но затем и в самостоятельной Чехословацкой республике.

Второй из рассматриваемых сборников, посвященный в основном межвоенному периоду, подготовлен четырьмя авторами. Открывает его статья З. Карника "14 октября 1918 г. в Чешских землях и его последствия". Автор акцентирует внимание на трех вопросах: государственно-политические устремления чешской политики того времени; способность Габсбургской монархии реагировать на нее; цели (и средства их достижения), поставленные чешскими социалистическими партиями в тот момент. Затрагивается и вопрос о том, в какой мере всеобщая забастовка 14 октября могла повлиять на падение старого режима и

рождение Чехословацкого государства. Я. Чехурова-Шетржилова продолжила тему политической репрезентации (партия национальных демократов) чешских предпринимателей, но уже в период так называемого строительства государства в начале 20-х годов. Я. Куклик представил статью "Поиски пути к демократическому социализму", рассмотрев в ней эволюцию программы Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в первой половине 30-х годов и проанализировав оформившуюся в течение 1934 г. программу "Чего хотят социалисты". Я. Шебек исследовал деятельность Немецкой христианско-социальной народной партии в середине 30-х годов, лояльно настроенной по отношению к чехословацким властям, дистанцировавшейся от Судето-немецкой партии К. Генлейна и оказавшейся вследствие этого после парламентских выборов 1935 г. на периферии политической жизни страны. В 1938 г. она прекратила свое существование.

В настоящее время авторский коллектив занят подготовкой первого и четвертого сборников означенного проекта.

© 1999 г. В. Марьина

Славяноведение, № 4

- M. MALITI. Symbolizmus ako princíp videnia. Bratislava, 1996. 176 S.*
Э. МАЛИТИ. Символизм как принцип видения
Ruská symbolistická dráma. Zborník hier / Výber zostavila a preložila E. Maliti-Fraňová. Predslov. N. Lindovská. Bratislava, 1997. 288 S.
Русская символистская драма. Сборник пьес / Сост. и пер. Э. Малити-Франёвой. Пред. Н. Линдовской
E. MALITI-FRAŇOVÁ. Krpatý vrch. Bratislava, 1994. 164 S.
Э. МАЛИТИ-ФРАНЁВА. Гора-Недомерок

Сотрудница Института мировой литературы Словацкой Академии наук Эва Малити (печатавшаяся также под именами "Малиевова" и "Малити-Франёва") занимается литературой разносторонне – ее деятельность включает в себя собственно литературоведение, художественный перевод и оригинальное творчество. Э. Малити закончила МГУ, прекрасно владеет русским языком. В последнее время ее внимание

сосредоточено на изучении литературы и теоретической мысли русского символизма, символистских тенденций более поздних периодов, проблем перевода. Читатели "Славяноведения" знакомы с исследовательницей по публиковавшимся в 90-е годы в журнале статьям, посвященным переводам "Доктора Живаго" Б. Пастернака и "Петербурга" А. Белого.

Переводческие интересы Э. Малити

также обращены к русской символистской литературе (хотя и не только к ней). В 1997 г. в Братиславе вышел сборник пьес "Русская символистская драма" в ее переводе. Предисловие к книге (по сути, глубокое исследование в достаточно популярной форме) написала театровед Н. Линдовска. Выбор произведений ("Дар мудрых пчел" Ф. Сологуба, "Прометей" Вяч. Иванова, "Балаганчик", "Незнакомка", "Песня Судьбы" и "Роза и Крест" А. Блока) говорит и о подробном знакомстве Малити с русской драматургией начала века, и о несомненной переводческой отваге – ведь пришлось работать с текстами, насыщенными архаизмами, поэтическими и прозаическими. В послесловии переводчица изложила свою концепцию, заслуживающую серьезного внимания. Оспаривая взгляды И. Левого, О. Зиха, Я. Ференчика о "вспомогательном" значении словесной ткани драмы – оригинальной и переводной, – о предоставлении "информации", своего рода первичного, "сырого" материала для режиссерской фантазии, Э. Малити подчеркивает неприемлемость такого подхода при переводе символистской драматургии. Исследовательница отмечает, что подобные взгляды формировались на основе изучения реалистических произведений. В случае же символистской поэтики, по мысли Малити, переводческие принципы должны основываться на пристальном внимании к образному слову, его проявлению в контексте, звучанию; работа переводчика при этом – сотворчество, а не слепое копирование. Тем самым современный филологический подход к переводу соединяется с достижениями "хорошо забытых" прежних переводческих школ, например, у романтиков и символистов.

Э. Малити выполнила сложнейшую работу по переводу романа А. Белого "Петербург", который пока еще не опубликован. Судьба также связала исследовательницу с культурой Осетии, и ряд крупных публикаций Малити, в том числе переводческих, посвящен этому материалу. В ее переводе вышли и произведения Л. Чарской.

Нельзя обойти и собственное прозаическое творчество Эвы Малити, представленное, в частности, сборником повестей "Гора-Недомерок" (1994). В прозе Малити житейские истории и детали современного быта органично сплетаются со сказочно-мифологическими мотивами, обретая глубочайший философский смысл. Экспериментальная поэтика писательницы может быть воспринята в русле постмодернизма, однако, поскольку духовные поиски автора, несомненно, созвучны литературе символизма,

конкретные художественные приемы можно связать с его традициями.

Русскому символизму в различных его аспектах посвящена и книга Малити "Символизм как принцип видения" (1996). Из совокупности книг Э. Малити действительно вырисовывается символистский "принцип видения" как своеобразный исследовательский подход к материалу "изнутри". Э. Малити стремится представить русский символизм как уникальное художественное и философско-эстетическое явление, давшее множество импульсов литературе и науке XX в. (в частности, и работам А.Ф. Лосева о символе). Она подчеркивает его национальные корни, связь с нравственно-философскими тенденциями русской литературы, с философией Вл. Соловьева, и вместе с тем раскрывает его соотносительность с мировой культурой, с античными мыслительскими традициями, с современной ему западноевропейской литературой, показывая при этом значимость художественной практики и теории русских символистов для развития европейских интеллектуальных поисков. Этот взгляд приобретает особую важность, поскольку в послереволюционные годы в России и Советском Союзе воздействие мощного пласта духовной культуры символизма было нередко серьезно ослаблено, прервано или дискредитировано. Необходимо "восстановить справедливость" и показать, что именно Европа восприняла от русского символизма. Такие попытки и предприняты в работе Э. Малити (в частности, обобщающая глава "К некоторым связям русской литературы и культуры XX в.").

По материалу книга не охватывает русский символизм как целое; даже у ведущих его представителей берется только отдельная сторона творчества ("Петербург" А. Белого). Обрисовав в общих контурах теоретическую платформу явления, Малити обращается к работам философа П.А. Флоренского, рассматривая их в контексте "реалистического символизма" В. Иванова и А. Белого и прослеживая их связь с античным и современным философским мышлением, с одной стороны, и с развитием европейской науки, в частности – языкознания и семиотики, с другой. На наш взгляд, систематизация взглядов Флоренского исследовательнице не вполне удалась, но стремление ввести в читательское сознание огромный массив сложных, разноплановых трудов ученого и соотносить их прежде всего с символистским миропониманием, отыскивая тем самым ключ к их "расшифровке", – задача актуальная и благородная, хотя и

трудноисполнимая в рамках подобной работы. Термин "реалистический символизм", идущий от самих символистов, представляется нам не совсем удобным для современного употребления; нам ближе термин "реальный символизм", использованный, например, Е.В. Ермиловой в монографии "Теория и образный мир русского символизма" (М., 1989).

Глава «Автор и его "тайна"» посвящена творчеству В.В. Розанова, которое Малити видит в контексте духовных исканий русского модерна. Исследовательница подчеркивает необходимость глубинного, неконъюнктурного анализа произведений Розанова, чье творчество вызывало споры и неоднозначные, искаженные толкования. Символистский "ключ", по ее мнению, помогает приблизиться к "тайне" автора.

Темы двух других глав – о романе А. Белого "Петербург" и о переводах "Доктора Живаго" Пастернака – уже знакомы читателям "Славяноведения" по упомянутым выше статьям Э. Малити (Малиевой). Автор в значительной мере переработала их, обогатила новым материалом и новыми суждениями. Отзвуки "символических архетипов" романа "Петербург" Малити находит в повести словацкого писателя-постмодерниста П. Виликовского "Конь на лестнице, слепой во Врабле" (середина 80-х годов). Виликовский мог познакомиться с романом Белого в чешском переводе (1969 или 1935 гг.). Глава о переводах "Доктора Живаго" интересна в историко-литературном плане (анализ романа в русле символистской традиции) и в плане теории перевода. Малити сравнивает два словацких перевода

романа: вариант З. Есенской ближе неосимволистской сущности оригинала, тогда как перевод В. Хегеровой "реалистичен", соблюдает нормы современного словацкого языка и нечаянно вводит роман в контекст советской "перестроечной" литературы, что, разумеется, неправомерно.

Последняя глава – рассмотрение творчества прозаика-эмигранта, осетина по национальности, Г. Газданова. Малити связывает его с символизмом потому, что еще в юности писатель начал создавать некий внутренний символический мир, отличный от мира "видимого", а в период эмиграции это "отчуждение" и "жизнь в себе самом" сделали для него единственно возможной формой существования, что выразилось и в творчестве. В то же время Малити вскрывает в прозе Газданова древнейшие мифологические корни осетинского миропонимания, отраженного в фольклоре. Книга снабжена подробной библиографией и резюме на английском и русском языках.

Символизм дает исследовательнице универсальное, объединяющее видение действительности, в сочетании с современным аналитизмом, позволяющее проникать в "тайны" одного из самых притягательных литературных направлений.

Книга "Символизм как принцип видений", несомненно, расширит представления словацкого читателя о русской литературе и о символизме как общемировом феномене. Многогранная деятельность Эвы Малити помогает упрочить давние культурные связи между Россией и Словакией.

© 1999 г. *Н.В. Шведова*

Конференция "А.С. Пушкин и мир славянской культуры. К 200-летию со дня рождения поэта"

24–25 ноября 1998 г. в Институте славяноведения Российской Академии наук (ИС РАН) состоялась научная конференция "А.С. Пушкин и мир славянской культуры. К 200-летию со дня рождения поэта", организованная Центром истории славянских литератур до 1945 г. Отдела истории славянских литератур ИС РАН и кафедрой славянской филологии Филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с динамикой и особенностями восприятия пушкинского наследия славянскими народами в разные культурно-исторические периоды XIX–XX вв., с осмыслением его роли в развитии славянских литератур и других видов духовной культуры славян, в становлении художественных направлений (романтизма, реализма), в формировании новых жанров и видов творчества. Особое внимание было уделено истории переводов произведений А.С. Пушкина, в которых отражались и принципы разных переводческих школ, и состояние славянских литературных языков, и асинхронность культурного развития славян, разный уровень художественного сознания воспринимаемой и воспринимающей среды. Доклады раскрыли и отношение А.С. Пушкина к культуре разных славянских народов, а его многофункциональную – прижизненную и посмертную – роль в развитии межславянских культурных связей.

С.В. Никольский (ИС РАН) в докладе "А.С. Пушкин как источник оптимизма для славянских литератур" на материале чешской литературы и прежде всего творчества Ф.Л. Челаковского проанализировал харак-

тер восприятия Пушкина западными и южными славянами в пору первого знакомства с русским поэтом, т.е. эпоху национального возрождения. Ученый показал, что интерес к Пушкину был тесно связан с целым комплексом насущных вопросов литературного развития, таких, как национальная миссия писателя, воплощение национального мироощущения в литературе, синтез национального языка, вопрос о национальной самобытности художественных форм и о значении в этой связи обращения литературы к богатейшей народной поэзии. Стремительный взлет русской литературы, который олицетворяла личность Пушкина, становился в глазах подневольных славянских народов стимулирующим подтверждением их собственного культурообразующего потенциала.

Л.С. Кишкин (ИС РАН) осветил следующие вопросы: история переводов Пушкина на словацкий язык, словацкая литературоведческая пушкиниана и освоение творческого опыта поэта словацкими писателями. В докладе прослеживается восприятие Пушкина в Словакии от 1820–1830-х годов до наших дней. Докладчик пришел к заключению, что Словакия принадлежит к тем славянским странам, где Пушкин особенно высоко ценим и любим, где он стал устойчивым достоянием национальной культуры.

Л.Н. Смирнов (ИС РАН) представил обзор переводов прозы А.С. Пушкина в Словакии с 1860-х до 1980-х годов, показал динамику их публикаций и подчеркнул их положительную роль в развитии словацко-русских литературных контактов. В докладе приводятся сведения о малоизвестных

пушкинских переводах, хранящихся в словацких архивах, в частности – о нескольких рукописных переводах небольших рассказов из "Детской книжки" А.С. Пушкина (1830), выполненных словацким врачом и писателем А. Шкарваном. Был затронут также вопрос о качестве словацких переводов, о степени их адекватности пушкинскому тексту. На основе конкретного анализа переводов Я. Ференчика Смирнов сделал ряд наблюдений как о творческих удачах переводчика, так и о некоторых семантических неточностях и стилистических расхождениях с оригиналом.

В докладе М.Г. Смольяниновой (ИС РАН) "А.С. Пушкин и болгарская литература второй половины XIX в." анализировалось восприятие творчества Пушкина болгарскими на завершающем этапе их национального возрождения и позднее – в 80–90-е годы XIX в. Был затронут вопрос о степени адекватности переводов П.Р. Славейкова (ряд стихотворений Пушкина болгарский поэт подверг "болгаризации"). В докладе уделялось внимание воздействию Пушкина на болгарскую литературу: его творчество способствовало становлению в ней ряда жанров (в частности, лирических, драматических); оно способствовало формированию силлабо-тонической системы стихосложения в болгарской поэзии. Было рассмотрено также восприятие творчества поэта литературными критиками и исследователями второй половины XIX в. (Й. Груевым, Н. Бончевым, Пенчо Славейковым, И. Шишмановым). Особо рассматривались произведения, в которых А.С. Пушкин писал о болгарях (повесть "Кирджали" и ряд стихотворений).

Р.Ф. Доронина (ИС РАН) в докладе "Эхо пушкинского творчества в сербской поэзии XIX – начала XX в." отметила, что впервые имя Пушкина упоминается в сербской печати на страницах журнала "Сербски Летопис" в 1825 г. Годом позже в том же журнале Пушкин будет назван "славным поэтом русским". Переводы Пушкина в первой половине XIX в., однако, немногочисленны, как и публикации стихов поэта в оригинале. В значительной степени это было связано с характером литературного процесса: в 1820–1830-е годы сербская литература делала лишь первые шаги по пути, уже пройденному русской литературой к моменту

вступления в нее Пушкина. Литературная среда только складывалась и не была готова к восприятию творчества русского поэта (относительно не легкому, как известно, для инационального читателя). Переломный момент наступает в 1847 г.: с выходом в свет сборника Б. Радичевича "Стихи" и драматической поэмы П. Негоша "Горный венец" в литературе утверждается ориентация на романтизм. На этой стадии литературного развития к личностной (всегда очень высокой у сербских литераторов) оценке Пушкина присоединяется новый – творческий – аспект в восприятии его поэзии (отзывки "Бориса Годунова" в "Горном венце" Негоша, замысел романа в стихах типа пушкинского "Евгения Онегина" у Гдачевича и др.). Новая волна интереса к Пушкину нарастает (после определенного затишья) с конца 1880-х и особенно в 1890-е – начале 1900-х годов. Обращение к пушкинской традиции В. Илича помогает реформаторским начинаниям этого поэта, обновлению им поэтической образности, метрики. Открытию новых перспектив в развитии поэтического творчества способствуют переводы "южных поэм" Пушкина Й. Дучичем, выдающимся представителем сербской модерна.

В сообщении Д. Маравич (ИС РАН) в первую очередь говорилось о переводе на хорватский язык "Евгения Онегина", выполненном известным современным поэтом и прозаиком, литературоведом и переводчиком Й. Сламнигом (вышедшем в 1987 г. и в доработанном виде переизданном в 1991 г.). Этот перевод считается первым успешным переводом "Евгения Онегина" на хорватский язык.

Ю.А. Созина (МГУ) в докладе "А.С. Пушкин в словенской литературной критике" отметила, что изучение творчества Пушкина в словенском литературоведении началось с некоторым опозданием. Выдающийся славист И. Приятель (1875–1937) был переводчиком "Евгения Онегина", автором статей, посвященных творчеству Пушкина. Вторым крупнейшим словенским пушкинистом XX в. являлся драматург Б. Крефт (1905–1992). Основная его работа – монография "Пушкин и Шекспир" (1952), посвящена влиянию творчества Шекспира на драматургию Пушкина. Крефт приходит к выводу о том, что это влияние оказывается лишь поверх-

ностным в силу глубокого различия художественных принципов Шекспира и Пушкина. Докладчица подчеркнула большое значение переводческой и издательской деятельности поэта М. Клопчича. В своих научно-популярных статьях, Клопчич преследует ту же цель, что и Приятель: сделать творчество великого русского поэта близким и понятным словесцам.

Н.М. Вагапова (Российский Институт искусствознания) в докладе «Милорад Павич о сербских источниках пушкинских "Песен западных славян"» отметила, что 15 стихотворений А.С. Пушкина под названием "Песни западных славян" были опубликованы в марте 1835 г. По утверждению большинства пушкинистов, 11 стихотворений были написаны по мотивам песен в книге Проспера Мериме "Гузла, или избранные илирийские стихотворения" (1827). Известно, что этот сборник – одна из мистификаций Мериме. Пушкин перевел эти песни, обращаясь к традициям русского фольклора и к собственному поэтическому опыту. Несколько песен, однако, носят явные следы знакомства Пушкина с сербским оригиналом. Российские пушкинисты, а также слависты Н.И. Кравцов и И.Н. Голенищев-Кутузов установили происхождение некоторых из них. Продолжая эту работу, современный сербский филолог и прозаик М. Павич, переводчик на сербский язык "Евгения Онегина", опубликовал в 1995 г. статью "Сербские песни Пушкина". Павич уточняет сведения о том, где и как мог русский поэт познакомиться с сербскими песнями в оригинале. Речь идет о личном знакомстве Пушкина (во время его кишиневской ссылки) с сербами из окружения Карагеоргия. Признавая, что Пушкин пользовался стилизациями Мериме, Павич подчеркивает, что поэт опирался также на публикации некоторых сербских песен, выполненных В. Караджичем. Он приводит список сербских книг и словарей, а также русских и немецких изданий о Сербии, обнаруженных в личной библиотеке Пушкина.

В докладе Т.М. Николаевой (ИС РАН) «Об одном возможном источнике "образов" в пушкинском тексте» подчеркивалось, что при обсуждении вопроса о заимствованиях в литературных текстах обычно принимаются во внимание либо реальные фрагменты текста (имена, цитаты, обороты и под.),

либо транспозиции основного сюжета и линии основных протагонистов действия. Достаточно легко говорить о совпадениях-заимствованиях-влияниях при корреляции совпадения в заимствовании по форме с совпадением содержательного сходства. Однако может иметь место и совпадение по форме, перерастающее в расхожий литературный штамп или шаблон (тогда о конкретном влиянии говорить не приходится), и совпадение только в содержательном плане, когда также можно говорить об универсалиях эволюции литературного процесса, а не об отдельном сюжетном воздействии. Наконец, возможно влияние конкретного произведения не на весь сюжет и/или на действия протагонистов, а на отдельные "образы" литературного текста. При этом возможна и функциональная модификация этих образом по отношению к первичному тексту. Так, можно высказать предположение, что образы "Слова о полку Игореве" повлияли на воплощение некоторых пушкинских персонажей (Дева-Обида – Царевна-Лебедь, Див – Золотой Петушок, Всеслав Полоцкий – Черномор, Боян – поэт Архип Лысый, а также "придворный бард" квазинародный певец Белка и т.д.). Можно предположить также, что виды влияния классифицируются и по основному предикату, обозначающему *тип* влияния: 1) цитаты и обороты – *заимствованы*, образы – *навеяны*, темы – *совпадают*. Это позволяет видоизменять требования к верификации при обсуждении вопроса о литературных взаимовлияниях.

Е.Б. Громова (ИС РАН) сообщила о неизданном и неизвестном пушкинистам исследовании поэмы А.С. Пушкина "Медный всадник", написанном в 1935 г. искусствоведом М.В. Алпатовым. Его текст был обнаружен в архиве автора. Исследование Алпатова представляет интерес для пушкинистов в силу необычайной полноты и тщательности изучения текста: объем этого труда составляет почти девять печатных листов, он включает в себя как подробное историографическое описание трудов предшествующих исследователей поэмы, так и оригинальный алпатовский анализ текста "Медного всадника". Метод анализа, использованный Алпатовым, представляется автору доклада не вполне традиционным для советского литературоведения 1930-х годов

и является собственно методом истории искусства. М.В. Алпатов переносит приемы, выработанные венской школой искусствознания для анализа произведений классического искусства на текст поэмы А.С. Пушкина.

В докладе Е.З. Цыбенко (МГУ) «Евгений Онегин» Пушкина и польская литература» было подчеркнуто, что Пушкина знали и переводили в Польше начиная с 1823 г. Первые переводы «Евгения Онегина» (сначала фрагментов) появились в 1844–1847 гг. Авторы первых литературно-критических отзывов высоко оценили пушкинский роман в стихах; о нем писали многие известные польские литературоведы XIX – начала XX в.: Ю. Третьяк, А. Брюкнер, В. Ледницкий, М. Здзеховский и др. После 1945 г. лучшие переводы принадлежат известным поэтам – Ю. Тувиму, который отдельные фрагменты «Евгения Онегина» опубликовал еще в 1937 г., и А. Важику. Е.З. Цыбенко обосновывала также мысль о возможном влиянии «Евгения Онегина» на поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Мицкевич мог познакомиться с произведением Пушкина в годы вынужденного пребывания в России (1824–1829), когда отдельными брошюрами появились первые шесть глав «Евгения Онегина».

Н.Н. Старикова (ИС РАН) в докладе «Словенские переводы «Евгения Онегина»» отметила, что роман Пушкина пришел к словенцам с более чем полувековым опозданием. Лишь в 1901 г. выдающийся филолог, критик и публицист, знаток и популяризатор русской литературы И. Приятель осуществил полный перевод произведения на словенский язык. Несмотря на строгое соблюдение стихотворного размера, Приятелю не удалось передать всю виртуозность пушкинского слога. Впоследствии этот вариант перевода романа был откорректирован поэтом и переводчиком Ф. Альбрехтом (1889–1963). В 1960-е годы «Евгений Онегин» почти одновременно привлек внимание двух известных литераторов: поэта, баснописца и переводчика Р. Бордона (1915–1992) и одного из лучших словенских переводчиков русской классической поэзии, поэта М. Клопчича. Оба мастера поставили перед собой задачу познакомить своих современников с произведением более чем вековой давности, используя выразительные

средства, метафорику, фразеологию современного языка, не нарушая при этом пушкинского замысла и преодолевая объективные трудности, связанные с различием языков. В целом обоим это удалось.

В докладе Н.В. Шведовой (ИС РАН) было рассмотрено восприятие России и русской культуры сквозь призму пушкинской поэзии в творчестве выдающегося словацкого поэта первой половины XX в. Я. Есенского. В его стихах, написанных во время пребывания в России (1915–1919), безрадостные впечатления от русского плена трансформируются в размышления о символической фигуре Пушкина. Стихотворение 1932 г. «Смерть Пушкина» развивает идею бессмертия поэта, восходящую к пушкинскому «Памятнику», и тем самым утверждает неуничтожимость культуры, которую для Есенского символизирует Пушкин.

В докладе М.П. Одесского и Л.Ф. Кациса (Российский государственный гуманитарный университет) «А.С. Пушкин и Я. Коллар: из комментария к стихотворению «Клеветникам России»» было показано, что непосредственным источником пушкинских строк «Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос» – послужил пересказ в журнале «Телескоп» (1831, № 11) 20-го сонета поэмы Я. Коллара «Дочь Славы». В условиях польского восстания 1830–1831 гг. это была не просто мотивная переключка с творчеством Коллара, но идеологическая конструкция. Здесь подразумевается противопоставление «ляхов», т.е. враждебных России славян, «дружественному» России славянину Коллару. А значит, назло западноевропейским «клеветникам», подавление польского восстания толкуется не как имперская агрессия России против польского народа, а как «семейная вражда».

И.И. Свирида (ИС РАН) рассмотрела фигуру Пушкина в контексте русско-польских художественных отношений первой трети XIX в. В частности, были выявлены черты, сближающие мотивы и стилистику ранних произведений Пушкина с рисунками А. Орловского. Портрет А. Мицкевича на Аюдаге работы В. Ваньковича был рассмотрен как один из возможных источников пушкинских строк из восьмой главы «Евгения Онегина», в которых воссоздан образ польского поэта. В докладе

были приведены также новые сведения о юношеских, тульчинских, годах художника польского происхождения Жозефа Вивьена де Шатобрена – в дальнейшем портретиста Пушкина. Наряду с этими конкретными вопросами на материале русско-польских художественных связей была поднята более общая проблема продуктивности категории культурного пространства, пространственных характеристик для анализа культурных взаимосвязей.

А.В. Липатов (ИС РАН) в докладе "Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? (К проблеме литературоведческой мифологии)" отметил, что миф является моделированием человеческого мышления и поведения. Миф, согласно выводам Б. Малиновского, – "не пустая выдумка", а "сильно воздействующая культурная сила".

В сложных и нередко трагичных взаимоотношениях русскости и польскости, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этого вывода является образ дружбы двух национальных гениев – Пушкина и Мицкевича. Появление данного образа во второй половине XIX в. выступало как своего рода противовес реально-исторической дисгармонии двух государственных, национальных и ментальных стихий. Его функционирование затушевывало либо отодвигало в тень давнюю и по-прежнему актуальную проблему взаимопонимания и взаимонепонимания поляков и русских. В советской пропаганде уже в период войны с "буржуазной Польшей" этот культурный миф трансформируется в миф идеологический: мотив дружбы поэтов и выросший из него миф содружества народов преобразился в миф пролетарского интернационализма.

Мифологизация отношений Пушкина и Мицкевича, последующая идеологизация этого мифа привлекает внимание в силу двух причин: 1) источником этих явлений было литературоведение; 2) осознание причин и механизмов возникновения мифа, равно как его сущности и предназначения необходимо для самоосвобождения исследователя от созданных предшественниками стереотипов и связанного с этим стиля мышления, который ограничивает возможности объективного познания прошлого, а отсюда и неразрывно с ним связанного настоящего.

Если обратиться к современникам Пушкина и Мицкевича, то не найдется свидетельств их дружбы: были светские отношения, приятельские беседы, пирушки, полное взаимопонимание в отношении литературного творчества и высокое взаимопризнание литературных дарований. Для родства же душ Пушкин и Мицкевич были слишком разными и по характеру, и по воззрениям как на историю и современность своих народов, так и на пути к обустройству европейского миропорядка. Это отражено и в их творчестве (наиболее яркое воплощение: "Дзяды" Мицкевича, с одной стороны, и антипольские стихи Пушкина – с другой).

В докладе В.В. Мочаловой (ИС РАН) было освещено неоднозначное отношение Пушкина к польской теме, в значительной степени обусловленное двойственностью романтической картины мира.

Д.П. Ивинский (МГУ) высказал мнение, что воздействие "Конрада Валленрода" Мицкевича на творчество Пушкина проявилось не только, и даже не столько на уровне цитат или "влияний", а прежде всего на уровне идеологии сюжета, на уровне трактовки ситуации "Валленрода". Докладчик стремился показать, что тема сознательного предательства, как средства борьбы с врагом, только после знакомства Пушкина с "Конрадом Валленродом" приобретает в его творчестве статус моральной проблемы, требующей разностороннего изучения. Эта тема, по мнению Ивинского, рассматривается Пушкиным в таких несхожих произведениях, как "Полтава", "Тазат", "Моцарт и Сальери", "Дубровский", "Стамбул гяуры нынче славят", "Полководец".

В.А. Хорев (ИС РАН) в докладе "Баллады Мицкевича в переводах Пушкина" подчеркнул, что в ряду фактов, свидетельствующих о духовной близости и дружбе Мицкевича и Пушкина (что бесосновательно ставится под сомнение некоторыми современными исследователями) находятся пушкинские переводы из Мицкевича (начало поэмы "Конрад Валленрод" – 1829; баллады "Воевода" и "Три Будрыса" – 1833). В.А. Хорев проанализировал переводы баллад и отверг суждения о том, что перевод "Воеводы" (в отличие от "Будрыса") является "переделкой" баллады Мицкевича.

Полагая, что следует различать "точность" и "верность" перевода, докладчик пришел к выводу о том, что Пушкин не просто переложил строки Мицкевича, но придал им на русском языке законченную и совершенную форму, обогатив своими переводами из Мицкевича русскую литературу.

В докладе Л.А. Перефильевой (Музей-усадьба "Архангельское") "А. Мицкевич в кругу петербургских друзей А.С. Пушкина" была показана разница в психологическом самоощущении Мицкевича в Москве и в Петербурге. Докладчица отметила положительную роль в судьбе поэта московского генерал-губернатора князя Д.Вл. Голицына, а также его ближайших родственников, встречавшихся на пути Мицкевича – в Петербурге, а в дальнейшем и за границей – в Париже и Риме. Особое внимание было уделено близкому приятелю А.С. Пушкину С.Г. Голицыну (1803–1868), которого современники вспоминали как "друга и переводчика" А. Мицкевича.

С.Н. Мещеряков (МГУ) в сообщении "А.С. Пушкин в сербском послевоенном литературоведении и критике" отметил усиление интереса к творчеству Пушкина в Сербии в 1937 г. в связи с юбилеем поэта. В послевоенный период к пушкинской теме обращаются видные русисты: М. Сибинович, М. Пешич, В. Вулетиц, М. Стойнич, Б. Косанович и др. Отказавшись от социологизма первых послевоенных лет, сербские ученые исследуют в основном поэтику Пушкина.

Л.Н. Будаговой (ИС РАН) была прослежена динамика восприятия участниками чешского авангардного движения – поэтизма сюрреализма – русского классика, постепенно превращавшегося из символа старой классической культуры, из "музейного экспоната" – а именно так он воспринимался в начале 1920-х годов – в живое действующее лицо авангардной поэзии. Л.Н. Будагова показала внешние и внутренние факторы, способствовавшие этой эволюции. Среди внешних факторов она отметила роль русской послереволюционной диаспоры, перенесшей на чешскую почву свою любовь к Пушкину. Особо была выделена роль Р.О. Якобсона, видного участника авангардного движения, одного из основателей Пражского лингвистического кружка; Якобсон раскрыл Пушкина по-новому, выделил в

нем черты, наиболее импонировавшие чешским авангардистам, включил Пушкина в систему своих размышлений о специфике современной поэзии, поэтического языка и т.д., показал внутреннюю близость его поэтики авангардным тенденциям в искусстве. Большое значение имела и столетняя годовщина со дня гибели поэта, издание юбилейного четырехтомника произведений Пушкина, в создании которого приняли участие А.Л. Бем, Р.О. Якобсон и куда были включены переводы В. Незвала, И. Горы и др. К внутренним факторам, способствовавшим эволюции отношения к Пушкину в авангардной среде, докладчица отнесла динамику самого авангарда, постепенно смягчавшего свой антитрадиционализм и укреплявшего связи с пластами культуры прошлого.

В докладе Л.Н. Титовой (ИС РАН) «"Евгений Онегин" в Д-37. Поэтический театр Э.Ф. Буриана» отмечалось, что среди пушкинских постановок, которыми был ознаменован юбилейный 1937 г. на чешских сценах, особое место принадлежит "Евгению Онегину" в Д-37 Э.Ф. Буриана. Эта программная работа "одного из самых отважных" деятелей чешского межвоенного авангарда четко продемонстрировала его концепцию поэтического театра, главным творческим субъектом которого является режиссер, способный силой своего таланта и интуиции высвободить в театре его скрытое внутреннее содержание – поэзию, перевести (переписать) авторский текст на специфический язык отдельных элементов театрального синтеза – визуальных и звуковых. Интерпретация пушкинского романа в стихах как "материализованной пространственной поэзии" (Буриан), вошла яркой страницей в историю чешской театральной культуры, оказав несомненное воздействие на ее дальнейшее развитие.

Л.Н. Лаптева (МГУ) в докладе "Пушкин в работах русского слависта-эмигранта В.А. Францева" проанализировала труды профессора Варшавского университета Францева, который впервые обратился к творчеству Пушкина в 1898 г., опубликовав статью "А.С. Пушкин в чешской литературе". Главным трудом Францева на тему о Пушкине является монография "Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.", опубликованная в Праге в 1929 г. В ней автор

приводит исторический комментарий к стихотворениям Пушкина "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина" и доказывает, вопреки утверждениям польской литературы нового времени, что русский поэт не был ни полонофобом, ни приспособленцем, а защищал честь России, так как видел исторические корни восстания и понимал его значение для судеб России. Пушкин ясно ощущал, что истинной целью восстания поляков 1830–1831 гг. являлось восстановление Польши в границах 1772 г. и считал эти требования несправедливыми.

М.Ю. Досталь (ИС РАН) в докладе «А.С. Пушкин на страницах журнала "Славяне", 1942–1945» показала, как освещалось творчество Пушкина в годы Великой Отечественной войны в этом агитационно-пропагандистском журнале. Имя Пушкина широко использовалось в целях антифашистской пропаганды и для утверждения идей боевого содружества славянских народов. При этом каждый из славянских авторов журнала употреблял имя поэта в контексте своей национальной литературы и культуры. Автор приходит к выводу, что в образ Пушкина – свободолюбивого, близкого к декабристам демократа, сложившийся в советской литературе в 1920–1930-е годы, в период войны были внесены некоторые коррективы. Было подчеркнуто мировое и общеславянское значение творчества Пушкина, его роль в развитии идеи славянской взаимности; классово-социальные аспекты его творчества были смягчены, приоритет отдавался национально-патриоти-

ческим и общегуманистическим чертам поэзии русского гения.

Сообщение Т.И. Чепелевской (ИС РАН) было посвящено истории русской эмиграции в Югославии и той роли, которую ее представители сыграли в подготовке и проведении культурных мероприятий 1937 г., посвященных столетию со дня смерти Пушкина. Докладчица рассказала об истории создания Пушкинского сборника 1937 г. в Белграде, среди авторов которого были Е.В. Аничков, П.А. Митропан, А.В. Соловьев, Н.Ф. Преображенский, И.Н. Голенищев-Кутузов, К.Ф. Тарановский и др.

Конференция завершилась оживленным обменом мнениями по широкому кругу вопросов, в которой приняли участие Е.З. Цыбенко, В.И. Злыднев, С.А. Шерлаимова, Ю.В. Богданов, С.Н. Мещеряков, В.В. Мочалова, Л.С. Кишкин, Р.Ф. Доронина, Л.Н. Будагова, В.А. Хорев и др.

Конференция внесла немало нового в изучение творчества А.С. Пушкина. Ее материалы уже частично опубликованы: доклады А.Н. Будаговой и Л.С. Кишкина – в журнале "Славяноведение", (1999, № 3); доклады С.В. Никольского, Р.Ф. Дорониной и Н.В. Шведовой будут опубликованы в "Славянском альманахе" в 1999 г.; доклад М.П. Одесского и Л.Ф. Кациса – в "Известиях Отделения литературы и языка РАН" (1999, № 3); Полностью материалы конференции предполагается издать отдельным сборником.

© 1999 г. *М.Г. Смольянинова*

ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ ЗЛЫДНЕВ

(1919–1999)

9 февраля на восьмидесятом году жизни скоропостижно скончался крупный российский славист, несравненный знаток болгарской литературы и культуры, доктор филологических наук профессор Виталий Иванович Злыднев.

Виталий Иванович родился 27 декабря 1919 г. в с. Уразово Воронежской губернии. Поступив в 1937 г. на филологический факультет знаменитого московского ИФЛИ, он закончил его экстерном грозным летом 1941 г., и с первых месяцев Великой Отечественной войны и до последнего ее дня находился в действующей армии, служил в радиоразведке, ходил в рукопашные атаки в составе особого офицерского батальона. Ратное мужество старшего лейтенанта Злыднева было отмечено двумя боевыми орденами Красной Звезды. Спустя десятилетия, воспоминания военную пору, Виталий Иванович никогда не сбивался на эйфорические "живописания" фронтовой жизни, прекрасно зная, что такое истинное лицо войны.

В апреле 1947 г. Виталий Иванович был зачислен в аспирантуру только что созданного Института славяноведения Академии наук СССР, став тем самым одним из первых его сотрудников. Защитив в 1953 г. кандидатскую диссертацию о творчестве И. Вазова, он работал в секторе истории славянских литератур, где принимал активное участие в создании коллективных трудов, посвященных литературным процессам в славянских странах и немало способствовавших популяризации славянских поэтов и прозаиков в широких читательских кругах СССР. Центральной темой его индивидуальных исследований стали русско-болгарские литературные отношения, на протяжении веков служившие, как убедительно показал он в своих работах, духовному взаимообогащению двух родственных народов. Нет возможности перечислить многие десятки научных статей, разделы в коллективных сборниках, предисловия и комментарии к русскоязычным переводам болгарских писателей, выступления в периодической печати, принадлежащие перу Виталия Ивановича. Достаточно назвать такие его фундаментальные монографии, как "Русско-болгарские литературные связи XX в." (М., 1964), "Иzvори на дружба. Очерки за руско-български литературни връзки" (М., София, 1968) и др. "Его любовь к Болгарии не осталась безответной – за свои труды Виталий Иванович был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия первой и второй степени" (из письма посла Болгарии в России В. Такева от 12 февраля 1999 г.).

В 1969 г. Виталий Иванович успешно защитил докторскую диссертацию и в 1970 г. возглавил сектор историко-культурных проблем Института. За 18 лет под его руководством и при его участии были широко развернуты междисциплинарное комплексное изучение национальных культур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, утвердилось понимание феномена национальной культуры как сложносоставного системообразующего компонента, радикально определяющего характер исторического развития того или иного народа. Сектор превратился в одно из наиболее динамичных подразделений Института, координировавшее

историко-культурную проблематику не только в его стенах, но и в других научно-исследовательских, учебных и общественных учреждениях. В числе трудов, редактировавшихся Виталием Ивановичем, – "Культура и общество" (М., 1972), "Славяне и Запад" (М., 1974), "Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы" (М., 1977), "Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения" (М., 1988) и др.

Много сил и энергии В.И. Злыднев отдал созданию и упрочению Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (под эгидой ЮНЕСКО), где он занимал посты сначала ответственного секретаря, а затем и вице-президента, руководил штаб-квартирой Ассоциации – Центром информации и документации МАИРСК. Благодаря исключительному такту Виталия Ивановича, никогда не позволявшего себе становиться в позу носителя "самой передовой идеологии в мире", уважительному отношению к позиции зарубежных, в том числе западноевропейских, коллег, ему удавалось привлекать к общему делу изучения и популяризации славянского духовного наследия в неславянских регионах мира многих славистов Европы, Америки, Азии. Виталий Иванович был главным редактором "Информационного бюллетеня МАИРСК" и, упорно преодолевая трудности, выдерживал его статус периодического издания, на страницах которого рецензировались все значительные труды в области славянских культур, выходившие в различных странах.

В течение многих лет преподавая на филологическом факультете Московского государственного университета, Виталий Иванович принимал участие в воспитании нескольких поколений филологов-славистов. А среди его учеников в аспирантурах Института славяноведения и Института мировой литературы немало специалистов высокого уровня – исследователей болгарской литературы и межславянских культурных связей.

Виталий Иванович являлся членом редколлегии журналов "Советское славяноведение", "Дружба", членом ученых советов ИС РАН, ИМЛИ РАН, МГУ.

Большой вклад в укрепление международных научных и культурных контактов Виталий Иванович внес, будучи членом Центрального правления Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Неизменная требовательность Виталия Ивановича к себе лично и к своим сотрудникам, к трудам, создаваемым в секторе и Институте, проистекала из его чувства высокой ответственности и из верной любви к своему делу – науке о литературе и культуре, которой он посвятил свой большой талант глубокого и объективного ученого.

Еще долго те, кто знал, уважал и любил Виталия Ивановича Злыднева, будут невольно искать взглядом в коридорах Института славяноведения и в шумных аудиториях МГУ его стройную, неподвластную годам фигуру с красиво посаженной седой головой и, не находя ее, снова и снова печалиться из-за невозможной утраты...

В 1996–1998 г. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- * *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- * *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
- * Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
- * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- * *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- * Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
- * "Путь романтический совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
- * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- * Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
- * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.
- * *Улуян А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
- * Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- * Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- * *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- * История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- * Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- * Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
- * Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- * *Натура и культура.* М., 1997.
- Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- * *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- * Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- * Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- * Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- * *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого.
- * *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- * *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- * Славянская идея: история и современность. М., 1998.

- * Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- * Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- * Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- * Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- * Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- * *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- * XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- * Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

- Aksenova E.P., Goryainov A.N.* (Moscow). The Russian Scholarly Emigration in the 1920–1930ies;
Based on the M.G. Popruzhenko and A.V. Florovsky's Correspondence 3

To the 10-th Anniversary of the East European Revolutions

- Novopashin Yu.S.* (Moscow). The East European Revolutions in 1989: Problems of Research 16
Valeva E.L. (Moscow). The Political Processes in Bulgaria in the 1944–1948..... 24

* * *

- Zubachewsky V.A.* (Omsk). The Geopolitical Plans of Germany, Poland, Soviet Russia During the
Polish-Soviet War in 1920 41
Cymbursky V.L. (Moscow). The Proto-Slavic *ostrovъ Reappraising the Etymology..... 50

COMMUNICATIONS

- Alekseeva E.V.* (Moscow). The Russian Intellectuals in the Scholarly Life in Belgrad (1919–1941)
..... 58
Kosik V.I. (Moscow). The Ukrainian Question and the Problem of "Balkanization" of Russia
Among the Russian Expatriates in the 1930ies 64
Medvedeva O.V. (Moscow). The Activity of the Russian Consul in Sliven G.V. Vashchenko (1830–
1833)..... 71
Bolotina N.V. (Moscow). The Balkan Crisis and the Russian-Turkish War in 1877–1878 in the
Moscow "Listki" 77
Strelcova Ya.R. (Moscow). The Problem of Integration of the Russian Diaspora in the Near
Abroad..... 81

PUBLICATIONS

- Dastal's M.Yu.* (Moscow). The Letters of Russian Scholars-Emigrants N.P. Kondakov and G.V.
Florovsky to Jiri Polivka..... 90

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Kishkin L.S.* (Moscow). P. Savitsky. The Roads..... 102
Leonidov V. L. Fieishman, Yu. Abyzov, B. Ravdin. The Russian Press in Riga..... 105
Zentchuk V.N. The Slavik Studies..... 106
Freidzon V.I. Sestak, M. Teichman, L. Havlikova, L. Hladky, J. Pelikan. Dejiny jihoslovanskych
zemi..... 110
Maryina V. K novovekym socialnim dejinam Ceskych zemi 112
Shvedova N.V. The Russian Symbolism As Interpreted by E. Mality..... 113

SCIENTIFIC LIFE

Smolyaninova M.G. The Conference "A.S. Poushkin and the Slavic Cultures World: Toward the 200th Anniversary of the Poet"..... 116

PERSONALIA

In Memoriam of Vitaly Ivanovich Zlydnev (1919–1999)..... 123

The New Publications of the Institute for Slavic Studies of RAS 125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 12.04.99.

Подписано в печать 25.05.99

Формат бумаги 70×100¹/₁₆

Офсетная печать

Усл. печ.л. 10,4

Усл.кр.-отт. 5,9 тыс.

Уч.изд.л. 12,3

Бум.л. 4,0

Тираж 563 экз. Зак. 2647

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

